

БОЛЬШИЕ ПЕШИНЫ

Говард Филлипс
Лавкрафт

ХРЕБТЫ
БЕЗУМИЯ

«ИНОСТРАНКА»

Иностранная литература. Большие книги

Говард Лавкрафт
Хребты Безумия

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лавкрафт Г. Ф.

Хребты Безумия / Г. Ф. Лавкрафт — «Азбука-Аттикус»,
— (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-24717-8

Второй том полного собрания сочинений мастера литературы ужасов – писателя, не опубликовавшего при жизни ни одной книги, но ставшего маяком и ориентиром целого жанра, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов, неиссякаемым источником вдохновения для кинематографистов. Сам Борхес восхищался его рассказами, в которых место человека – на далекой периферии вселенской схемы вещей, а силы надмирные вселяют в души неосторожных священный ужас. Все произведения публикуются либо в новых переводах, либо в новой, тщательно выверенной редакции. Эта книга должна стать настольной у каждого любителя жанра, у всех ценителей современной литературы!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-24717-8

© Лавкрафт Г. Ф.

© Азбука-Аттикус

Содержание

Показания Рэндольфа Картера	6
Неименуемое	10
Серебряный ключ	16
Врата серебряного ключа	24
Ужас Данвича	47
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Говард Филлипс Лавкрафт

Хребты Безумия

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © О. А. Алякринский, перевод, 2023
- © И. А. Богданов, перевод, 2023
- © Л. Ю. Брилова, перевод, 2023
- © В. Н. Дорогокупля, перевод, примечания, 2023
- © В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 2023
- © О. Б. Мичковский, перевод, 2023
- © Е. А. Мусихин, перевод, 2023
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014 Издательство ИНОСТРАНКА®

Показания Рэндольфа Картера

Еще раз повторяю, джентльмены: все ваше расследование ничего не даст. Держите меня здесь хоть целую вечность; заточите меня в темницу, казните меня, если уж вам так необходимо принести жертву тому несуществующему божеству, которое вы именуете правосудием, – но вы не услышите от меня ничего нового. Я рассказал вам все, что помню, рассказал как на духу, не искажив и не сокрыв ни единого факта, и если что-то осталось для вас неясным, то виною тому – мгла, застлавшая мне рассудок, и неуловимая, непостижимая природа тех ужасов, что навлекли на меня эту мглу.

Повторяю: мне неизвестно, что случилось с Харли Уорреном, хотя я думаю – по крайней мере, надеюсь, – что он пребывает в безмятежном забытье, если, конечно, блаженство такого рода вообще доступно смертному. Да, в течение пяти лет я был ближайшим другом и верным спутником Харли в его дерзких изысканиях в области неведомого. Не стану также отрицать, что человек, которого вы выставяете в качестве свидетеля, вполне мог видеть нас вдвоем в ту страшную ночь, в половине двенадцатого, на Гейнсвилльском пике, откуда мы, по его словам, направлялись в сторону Трясины Большого Кипариса – сам я, правда, этих деталей почти не помню. А вот то, что у нас при себе были электрические фонари, лопаты и моток провода с какими-то аппаратами на концах, я готов подтвердить даже под присягой, поскольку все эти предметы играли немаловажную роль в той нелепой и чудовищной истории, отдельные подробности которой глубоко врезались мне в память, как бы ни была она слаба и ненадежна. Относительно же последующих событий, а также причины того, почему меня обнаружили наутро одного и в невменяемом состоянии на краю болота, – об этом, клянусь, мне неизвестно ничего, помимо тех фактов, которые я уже устал вам повторять. Вы говорите, что ни на болоте, ни в его окрестностях нет такого места, где мог бы произойти описанный мною кошмарный эпизод. Но я всего лишь поведал о том, что видел собственными глазами, и мне нечего добавить. Было ли это видением или бредом – о, как бы мне хотелось, чтобы это было видением или бредом! – я не знаю, но это все, что осталось в моей памяти от тех страшных часов, когда мы находились вне поля зрения людей. И на вопрос, почему Харли Уоррен не вернулся, ответить может только он сам, или его тень – или то неведомое, что я не в силах описать.

Повторяю, я не только знал, какого рода изысканиям посвящает себя Харли Уоррен, но и принимал в них определенное участие. Из его обширной коллекции старинных редких книг на запретные темы я перечитал все те, что написаны на языках, которыми я владею; таких, однако, было очень мало по сравнению с фолиантами, испещренными абсолютно неизвестными мне знаками. Большинство, насколько я могу судить, – арабскими, но в той гробовдохновенной книге, что привела к чудовищным последствиям, – в той книге, которая навсегда осталась у него в кармане, – был использован алфавит, подобного которому я никогда и нигде не встречал. Уоррен ни за что не соглашался открыть мне, о чем эта книга. Относительно же предмета наших штудий я могу лишь повторить, что сегодня уже не вполне его себе представляю. И, по правде говоря, я даже рад своей забывчивости, потому что это были жуткие изыскания, которым я предавался скорее с деланным энтузиазмом, нежели с неподдельным интересом. Уоррен всегда как-то подавлял меня, а временами я его даже побаивался. Помню, как мне стало не по себе от выражения его лица накануне того ужасного происшествия – в тот момент, когда он с увлечением излагал мне свои мысли по поводу того, почему иные трупы не разлагаются, но тысячелетиями лежат в своих могилах, неподвластные тлену. Но сегодня я уже не вижу причин страшиться Уоррена, ибо подозреваю, что он столкнулся с такими ужасами, рядом с которыми мой страх – ничто. Сегодня я боюсь уже не его, а *за* него.

Еще раз говорю, что я не имею достаточно ясного представления о наших намерениях в ту ночь. Несомненно лишь то, что они были самым тесным образом связаны с книгой, которую

Уоррен захватил с собой, – с той самой древней книгой на непонятном языке, что пришла ему по почте из Индии месяц тому назад. Но, готов поклясться, я не знаю, что именно мы собирались найти. Свидетель показал, что видел нас в половине двенадцатого на Гейнсвилльском пике, откуда мы держали путь в сторону Трясины Большого Кипариса. Возможно, так оно и было, но мне это как-то слабо запомнилось. Картина, врезавшаяся мне в душу – и опалившая ее, – состоит всего лишь из одной сцены. Надо полагать, было уже далеко за полночь, так как ущербный серп луны стоял высоко в застланных дымкой небесах.

Местом действия было старое кладбище, настолько старое, что я затрепетал, глядя на многообразные приметы вековой древности. Находилось оно в глубокой сырой лощине, заросшей мхом, бурьяном и причудливо стелющимися травами. Неприятный запах, наполнявший лощину, абсурдным образом связался в моем праздном воображении с гниющим камнем. Со всех сторон нас обступали дряхлость и запустение, и меня не отпускала мысль, что мы с Уорреном – первые живые существа, нарушившие многовековое могильное безмолвие. Ущербная луна над краем ложбины тускло проглядывала сквозь нездоровые испарения, которые, казалось, струились из каких-то неведомых катакомб, и в ее слабом, неверном свете я различал зловещие очертания старинных плит, урн, кенотафов и сводчатых входов в склепы – крошащихся, замшелых, темных от сырости и наполовину скрытых в буйном изобилии вредоносной растительности.

Первое, что мне запомнилось в связи с нашим пребыванием в этом чудовищном некрополе, было то, как мы с Уорреном остановились перед какой-то ветхой гробницей и скинули на землю поклажу, по-видимому принесенную нами с собой. Помню, что у меня было две лопаты и электрический фонарь, а у моего спутника – такой же фонарь и переносной телефонный аппарат. Между нами не было произнесено ни слова, ибо и место, и наша цель были нам как будто известны. Не теряя времени, мы взялись за лопаты и принялись счищать траву, сорняки и налипший грунт со старинного плоского надгробья. Расчистив крышу склепа, составленную из трех тяжелых гранитных плит, мы отступили на несколько шагов, чтобы окинуть взором полученный результат. Уоррен, похоже, производил в уме какие-то расчеты. Вернувшись к могиле, он взял лопату и, орудуя ею как рычагом, попытался приподнять плиту, расположенную ближе других к груде камней, которая в свое время, вероятно, представляла собою памятник. Не справившись, он жестом позвал меня на помощь. Совместными усилиями нам удалось расшатать плиту, приподнять ее и поставить на бок.

На месте удаленной плиты обнажился черный провал, из которого вырвались клубы столь тошнотворных миазмов, что мы с отвращением отпрянули назад. Когда спустя некоторое время мы снова приблизились к яме, испарения были уже не такими густыми. Наши фонари осветили верхнюю часть каменной лестницы, сочащейся какой-то злокачественной сукровицей подземных глубин. По бокам ее тянулись влажные стены с налетом селитры. Именно в этот момент прозвучали первые сохранившиеся в моей памяти слова. Нарушил молчание Уоррен, и голос его – приятный, бархатный тенор – был, несмотря на кошмарную обстановку, таким же спокойным, как всегда.

– Мне очень жаль, – сказал он, – но я вынужден просить тебя остаться на поверхности. Я совершил бы преступление, если бы позволил человеку с такими слабыми нервами, как у тебя, спуститься туда. Ты даже не представляешь – несмотря на все прочитанное и услышанное от меня, – что именно суждено мне увидеть и совершить. Это страшная миссия, Картер, и нужно обладать стальными нервами, чтобы после всего увиденного там, внизу, вернуться в мир живым и в здравом уме. Я не хочу тебя обидеть, и, видит бог, я рад, что ты со мной. Но ответственность главным образом лежит на мне, а я не считаю себя вправе увлекать такого чрезмерно впечатлительного человека к порогу возможной смерти или безумия. Ты ведь даже не можешь себе представить, что ждет меня там! Но обещаю ставить тебя в известность по

телефону о каждом своем движении – как видишь, моего провода хватит до центра Земли и обратно.

Слова эти, произнесенные бесстрастным тоном, до сих пор звучат у меня в ушах, и я хорошо помню, как пытался увещевать его. Я отчаянно умолял его взять меня с собой в загробные глубины, однако он был неумолим. Он даже пригрозил, что откажется от своего замысла, если я буду продолжать настаивать на своем. Угроза эта возымела действие, ибо только он один знал нашу цель. Все эти подробности я хорошо помню, а вот в чем заключалась эта цель, теперь уже сказать не могу. С большим трудом добившись от меня согласия быть во всем ему послушным, Уоррен поднял с земли катушку с проводом и настроил аппараты. Я взял один из них и уселся на старый, заплесневелый камень подле входа в гробницу. Уоррен пожал мне руку, взвалил на плечо моток провода и скрылся в недрах мрачного склепа.

С минуту мне был виден отблеск его фонаря и слышно шуршание сходящего с катушки провода, но потом свет внезапно исчез, как если бы лестница сделала резкий поворот, и почти сразу вслед за этим пропал и звук. Я остался один, но у меня была связь с неведомыми безднами через магический провод, обмотка которого зеленовато поблескивала в слабых лучах лунного серпа.

Я то и дело высвечивал фонарем циферблат часов и с лихорадочной тревогой прижимал ухо к телефонной трубке, однако в течение четверти часа до меня не доносилось ни звука. Потом в трубке раздался слабый треск, и я взволнованным голосом выкрикнул в нее имя своего друга. Несмотря на все свои предчувствия, я все же никак не ожидал услышать те слова, что донеслись до меня из глубин проклятого склепа и были произнесены таким возбужденным, дрожащим голосом, что я не сразу узнал по нему своего друга Харли Уоррена. Еще совсем недавно казавшийся таким невозмутимым и бесстрастным, теперь он говорил шепотом, который звучал страшнее, чем самый душераздирающий вопль:

– Боже! Если бы ты только видел то, что вижу я!

Я был не в силах произнести ни слова, и мне оставалось только безмолвно внимать голосу на другом конце трубки. И тогда до меня снова донеслись исступленные возгласы:

– Картер, это ужасно! Это чудовищно! Это просто невообразимо!

На этот раз голос не изменил мне, и я разразился целым потоком тревожных вопросов. Вне себя от ужаса, я твердил снова и снова:

– Уоррен, что случилось? Говори же, что происходит?

И вновь я услышал голос друга – искаженный страхом голос, в котором явственно слышались нотки отчаяния:

– Я ничего не могу тебе сказать, Картер! Это выше всякого разума! Я просто не вправе ничего тебе говорить, ты слышишь? Кто знает об этом, тот уже не жилец. Господи! Я ждал чего угодно, но только не этого.

Снова тишина, если не считать бессвязного потока вопросов с моей стороны. Потом опять раздался голос Уоррена – на этот раз проникнутый беспредельным ужасом.

– Картер, ради всего святого – верни плиту на место и беги отсюда, пока не поздно! Скорей! Бросай все и беги – это твой единственный шанс на спасение. Делай, как я говорю, и ни о чем не спрашивай!

Я слышал все это и тем не менее продолжал исступленно задавать вопросы. Меня окружали могилы, тьма и тени, подо мной таился ужас, недоступный воображению смертного. Но друг мой находился в еще большей опасности, нежели я, и, несмотря на страх, мне было даже обидно, что он полагает меня способным покинуть его при таких обстоятельствах. Еще несколько щелчков, и после короткой паузы вновь отчаянный вопль Уоррена:

– Сматывайся! Ради бога, верни плиту на место и дергай отсюда, Картер!

То, что мой спутник опустился до столь вульгарных выражений, указывало на крайнюю степень его потрясения, и эта последняя капля переполнила чашу моего терпения. Молниеносно приняв решение, я закричал:

– Уоррен, держись! Я спускаюсь к тебе!

Но на эти слова абонент мой откликнулся воплем, в котором сквозило теперь уже безысходное отчаяние:

– Не смей! Как ты не понимаешь! Слишком поздно! Я виноват – мне и отвечать! Бросай плитку и беги – мне уже ничто не поможет!

Тон Уоррена опять переменялся. Он сделался мягче, в нем была слышна горечь безнадежности, но в то же время ясно звучала тревога за мою судьбу.

– Поторопись, не то будет слишком поздно!

Я старался не придавать его увещаниям большого значения, пытаюсь стряхнуть с себя оцепенение и наконец прийти к нему на помощь. Но когда он заговорил в очередной раз, я по-прежнему сидел без движения, скованный тисками ледящего ужаса.

– Картер, поспеши! Не теряй времени! Это бессмысленно... тебе нужно уходить... лучше я один, чем мы оба... плитку...

Пауза, щелчки и вслед за тем слабый голос Уоррена:

– Почти все кончено... не продлевай мою агонию... завали вход на эту чертову лестницу и беги что есть мочи... ты только зря теряешь время... прощай, Картер... прощай навсегда...

Тут Уоррен резко перешел с шепота на крик, завершившийся воплем, исполненным тысячелетнего ужаса:

– Будь они прокляты, эти исчадия ада! Их здесь столько, что не счесть! Господи!.. Беги! Беги! БЕГИ!

Потом наступило молчание. Мне показалось, будто я несколько веков просидел там недвижимый, шепча, бубня, бормоча, взывая, крича и вопя в телефонную трубку. Века сменялись веками, а я все сидел и шептал, бормотал, звал, кричал и вопил:

– Уоррен! Уоррен! Ты меня слышишь? Где ты?

А потом на меня обрушился тот ужас, что явился апофеозом всего произошедшего – ужас невыразимый, невообразимый и почти невыразимый. Я уже говорил, что как будто вечность миновала с тех пор, как Уоррен прокричал свое последнее отчаянное предупреждение, и что теперь только мои крики нарушали гробовую тишину. Однако через некоторое время в трубке снова раздались щелчки, и я весь превратился в слух.

– Уоррен, ты здесь? – позвал я его снова, и в ответ услышал то, что навлекло на мой рассудок беспроглядную мглу.

Я даже не пытаюсь дать себе отчет в том, что это было – я имею в виду голос, джентльмены, – и не решаюсь описать его подробно, ибо первые же произнесенные им слова заставили меня лишиться чувств и привели к тому провалу в сознании, что продолжался вплоть до момента моего пробуждения в больнице. Стоит ли говорить, что голос был низким, вязким, глухим, далеким, замогильным, нечеловеческим, бесплотным? Это все, что я могу сказать. На этом кончаются мои отрывочные воспоминания, а с ними и мой рассказ. Я услышал этот голос – и впал в беспамятство. На неведомом кладбище в глубокой сырой лошине, в окружении крошащихся плит и покосившихся надгробий, среди буйных зарослей и вредоносных испарений я сидел, оцепенело наблюдая за пляской бесформенных, жадных до тлена теней под бледной ущербной луной, когда из самых сокроуенных глубин зияющего склепа до меня донесся этот голос.

И вот что он произнес:

– ГЛУПЕЦ! УОРРЕН МЕРТВ!

Неименуемое

Как-то осенью, под вечер, мы сидели на запущенном надгробии семнадцатого века посреди старого кладбища в Аркхеме и рассуждали о неименуемом. Устремив взор на исполинскую иву, в ствол которой почти целиком выросла старинная могильная плита без надписи, я принялся фантазировать по поводу той, должно быть, нездешней и, вообще, страшно сказать какой пищи, которую извлекают эти гигантские корни из почтенной кладбищенской земли. Приятель мой ворчливо заметил, что все это суший вздор, так как здесь уже более ста лет никого не хоронят и, стало быть, в почве не может быть ничего такого особенного, чем бы могло питаться это дерево, кроме самых обычных веществ. И вообще, добавил он, моя непрерывная болтовня о «неименуемом» и разном там «страшно сказать каком» – все это пустой детский лепет, вполне под стать моим потугам на литературном поприще. По его мнению, у меня была нездоровая склонность заканчивать свои рассказы описанием всяческих кошмарных видений и звуков, которые лишают моих персонажей не только мужества и дара речи, но и памяти, в результате чего они даже не могут поведать о случившемся другим людям. Всем, что мы знаем, заявил он, мы обязаны своим пяти органам чувств, а также интуитивным прозрениям; следовательно, не может быть и речи о таких предметах или явлениях, которые бы не поддавались либо строгому описанию, основанному на достоверных фактах, либо истолкованию в духе канонических богословских доктрин – в качестве же последних предпочтительны догматы конгрегационалистов со всеми их модификациями, привнесенными временем и сэром Артуром Конан Дойлем.

С Джоэлом Мэнтоном (так звали моего приятеля) мы частенько вели долгие и нудные споры. Он был директором Восточной средней школы, а родился и вырос в Бостоне, где и приобрел то характерное для жителей Новой Англии самодовольство, что отличается глухотой ко всем изысканным обертонам жизни. Если что-нибудь и имеет подлинную эстетическую ценность, полагал Мэнтон, так это наш обычный, повседневный опыт, и, следовательно, художник призван не возбуждать в нас сильные эмоции посредством увлекательного сюжета и изображения глубоких переживаний и страстей, но поддерживать в читателе умеренный интерес и воспитывать вкус к точным, детальным отчетам о будничных событиях. Особенно же претила ему моя излишняя сосредоточенность на мистическом и необъяснимом; ибо, несравнимо глубже веруя в сверхъестественное, нежели я, он не выносил, когда потустороннее низводили до уровня обыденности, делая его предметом литературных упражнений. Его логичному, практическому и трезвому уму было не дано понять, что именно в уходе от житейской рутины и в произвольном манипулировании образами и представлениями, обычно подгоняемыми нашей ленью и привычкой под избитые схемы действительной жизни, можно черпать величайшее наслаждение. Все предметы и ощущения имели для него раз и навсегда заданные пропорции, свойства, причины и следствия; и, хотя он смутно осознавал, что мысль человеческая временами может сталкиваться с явлениями и ощущениями отнюдь не геометрического характера, абсолютно не укладывающимися в рамки наших представлений и опыта, он все же считал себя вправе проводить условную границу и выдвирать за ее пределы все, что не может быть испытано и осмыслено среднестатистическим гражданином. Наконец, он был почти уверен в том, что не может быть ничего по-настоящему «неименуемого». Само это слово казалось ему лишенным смысла.

Пытаясь переубедить этого самодовольного материалиста-ортодокса, я прекрасно сознавал всю тщетность лирических и метафизических аргументов, однако было в обстановке нашего вечернего диалога нечто такое, что побуждало меня выйти за рамки обычного спора. Полуразрушенные плиты, патриархальные деревья и обступавшие кладбище со всех сторон остроконечные крыши старинного городка с его колдовскими преданиями – все это вкупе

подвигло меня встать на защиту своего творчества, и вскоре я уже разил врага его собственным оружием. Перейти в контратаку, впрочем, не составило особого труда, поскольку я знал, что Джоэл Мэнтон весьма чувствителен ко всякого рода поверьям, над которыми в наши дни смеется любой мало-мальски образованный человек. Я говорю о таких представлениях, как, например, то, что после смерти человек может объявляться в самых отдаленных местах или что на окнах навеки запечатлеваются предсмертные образы людей, глядевших в них в течение всей жизни. Серьезно относиться к тому, о чем шушукаются деревенские старушки, заявил я для начала, ничуть не лучше, чем верить в посмертное существование неких бестелесных субстанций отдельно от их материальных двойников, а также в явления, не укладывающиеся в рамки обычных представлений. Ибо если верно, что мертвец способен передавать свой видимый или осязаемый образ в пространстве (на расстояние в полземного шара) и во времени (через века), то так ли уж абсурдно предполагать, будто заброшенные дома населены непонятными тварями, обладающими органами чувств, или что старые кладбища накапливают в себе разум поколений, чудовищный и бесплотный? И если те свойства, что мы приписываем душе, не подчиняются никаким физическим законам, то разве невозможно вообразить, что после физической смерти человека продолжает жить некая чисто духовная сущность, принимающая такую форму – или скорее бесформенность, – которая необходимо должна представляться наблюдателю чем-то абсолютно «неименуемым»? И вообще, когда размышляешь о подобных материях, то лучше всего оставить в покое так называемый «здравый смысл», который в данном случае означает не что иное, как элементарное отсутствие воображения и гибкости ума. Последнюю мысль я высказал Мэнтону тоном дружеского сочувствия.

День клонился к закату, но нам даже не приходило в голову закругляться с беседой. Мэнтон оставался глух к моим доводам и продолжал оспаривать их с той убежденностью в своей правоте, каковая, вероятно, и принесла ему успех на педагогической ниве. Я же имел в запасе достаточно веские аргументы, чтобы не опасаться поражения. Стемнело, в отдельных окнах замерцали огоньки, но мы не собирались покидать свое удобное место на гробнице. Моего прозаического друга, по-видимому, нисколько не смущала ни глубокая трещина, зиявшая в поросшей мхом кирпичной кладке прямо за нашей спиной, ни окружавший нас крошечный мрак, объяснявшийся тем, что между надгробием, на котором мы расположились, и ближайшей освещенной улицей возвышалось полуразрушенное нежилое здание, выстроенное еще в семнадцатом веке. Здесь, в этой непроглядной тьме, на полуразвалившейся гробнице вблизи заброшенного дома, мы вели нескончаемую беседу о «неименуемом», и, когда Мэнтон наконец устал отпускать язвительные замечания, я поведал ему об одном ужасном случае, действительно имевшем место и легшем в основу того из моих рассказов, над которым он более всего смеялся.

Рассказ этот назывался «Чердачное окно». Он был опубликован в январском выпуске «Шепотов» за 1922 год. Во многих городах страны, в особенности на Юге и на Тихоокеанском побережье, номер с этим рассказом даже убирали с прилавков, удовлетворяя жалобам слабонервных нытиков. Одна лишь Новая Англия оставалась невозмутимой и только пожимала плечами в ответ на мою эксцентричность. Прежде всего, утверждали мои критики, пресловутое существо просто биологически невозможно и то, что я о нем сообщаю, представляет собой всего лишь одну из версий расхожей деревенской байки, которую Коттон Мэзер лишь по чрезмерной доверчивости вставил в свой эклектичный опус «Великие деяния Христа в Америке», причем подлинность этой небылицы настолько сомнительна, что сей почтенный автор даже не рискнул назвать место, где произошел ужасный случай. Столь же неприемлемым для них было то, как я развил и разукрасил представленную в вышеупомянутой книге голую сюжетную канву, тем самым окончательно разоблачив себя как легкомысленного и претенциозного графомана. Мэзер и правда писал о появлении на свет некоего существа, но кто, кроме дешевого сенсуалиста, мог бы поверить, что оно выросло и взяло себе за привычку по ночам заглядывать

в окна домов, а днем прятаться на чердаке заброшенного дома, и так до тех пор, пока столетие спустя какой-то прохожий не увидел его в чердачном окне, а потом так и не смог объяснить, отчего у него поседел волосы? Все это было чистой воды вымыслом, притом нелепым, и приятель мой в очередной раз огласил эту точку зрения. Тогда я поведал ему о содержании дневника, обнаруженного среди прочих бумаг семейного архива менее чем в миле от того места, где мы находились, и датированного 1706–1723 годами. В дневнике упоминалось о необычных шрамах на спине и груди одного из моих предков, и я заверил Мэзера в подлинности этого свидетельства. Я также рассказал ему о страшных историях, имеющих хождение среди местного населения и передаваемых по секрету из поколения в поколение, а также о том, как отнюдь не в переносном смысле сошел с ума один паренек, осмелившийся в 1793 году войти в покинутый дом, чтобы взглянуть на некие следы, на которые намекала традиция.

Да, то было время диких суеверий – какой впечатлительный человек не содрогнется, изучая массачусетские летописи пуританской эпохи? Сколь бы немногочисленными ни были наши сведения о том, что скрывалось за внешней стороной событий, но уже по тем отдельным чудовищным проявлениям, когда гной вырывался и бил ключом, можно судить о всей степени разложения. Ужас перед черной магией – одно из объяснений того кошмара, что царил в смятенных умах человеческих, но даже и это не главное. Из жизни изгонялась красота, изгонялась свобода – об этом можно судить по бытовым и архитектурным останкам эпохи, а также по ядовитым проповедям невежественных богословов. Под смиренной рубашкой из ржавого железа таилась дурная злоба, извращенный порок и сатанинская одержимость. Вот в чем заключался подлинный апофеоз Неименомого!

Ни единого слова не смягчил Коттон Мэзер, когда разразился анафемой в своей демонической шестой книге, которую не рекомендуется читать после наступления темноты. Сурово, словно библейский пророк, в немногословной и бесстрастной манере, в какой не умел выражаться никто после него, он поведал о твари, породившей на свет нечто среднее между собою и человеком, нечто, обладающее дурным глазом, и о несчастном пьянчуге, повешенном, несмотря на все его просьбы и вопли, за одно лишь то, что у него на глазу было бельмо якобы столь же дурного свойства. На этом откровенность Мэзера заканчивается, и он не делает ни малейшего намека на то, что произошло в дальнейшем. Возможно, он просто не знал, а может быть, и знал, да не посмел сказать. Потому что все, кто знал, предпочитали молчать, и до сих пор неизвестно, что заставляло их переходить на шепот при упоминании о замке на двери, скрывавшей за собой чердачную лестницу в доме бездетного, убогого и угрюмого старца, установившего на могиле, которую все обходили стороной, плиту без надписи. На этот счет существует достаточное количество уклончивых слухов, от которых стынет самая пылкая кровь.

Все эти сведения я почерпнул из найденной мною семейной хроники; там же содержится множество скрытых намеков и не предназначенных для посторонних ушей историй о существах с дурным глазом, появлявшихся по ночам то в окнах, то на безлюдных лесных опушках. Возможно, что именно одна из таких тварей напала на моего предка ночью на проселочной дороге, оставив следы рогов на его груди и царапины, как от обезьяньих лап, на спине. На самой же дороге были обнаружены четко отпечатавшиеся в пыли отпечатки копыт и чего-то еще, имеющего отдаленное сходство со ступнями человекообразной обезьяны. Один почтальон рассказывал, как, проезжая верхом по делам службы, он видел вышеупомянутого старика, преследовавшего и окликавшего какое-то гадкое существо, вприпрыжку уносившееся прочь. Дело происходило на Медоу-Хилл незадолго до рассвета при тусклом сиянии луны. Интересно, что многие поверили почтальону. Доподлинно известно также то, что в 1710 году, в ночь после похорон убогого и бездетного старца (тело которого положили в склеп позади его дома, рядом со странной плитой без надписи) на кладбище раздавались какие-то голоса. Дверь на чердак отпирать не решились, и дом был оставлен таким, каким был, – мрачным и заброшенным. Когда из него доносились звуки, все вздрагивали и перешептывались, ободряя себя надеждой

на прочность замка на чердачной двери. Надежде этой пришел конец после кошмара, случившегося в доме приходского священника, жильцов которого обнаружили не просто бездыханными, но разодранными на части. С годами легенды все более приобретали характер историй о привидениях – вероятно, по той причине, что если отвратительное существо действительно когда-то жило, то потом оно, как я полагаю, скончалось. Сохранилась лишь память о нем – тем более ужасная оттого, что она держалась в строгой тайне.

За время моего рассказа Мэнтон потерял свою обычную словоохотливость, и я сделал вывод, что слова мои произвели на него глубокое впечатление. Когда я замолчал, он не рассмеелся, как обычно, но вполне серьезным тоном осведомился у меня о том паренке, что сошел с ума в 1793 году и явился прототипом главного героя моего рассказа. Я объяснил ему, зачем тому мальчику потребовалось посетить мрачный заброшенный дом, который все обходили стороной. Случай этот не мог не заинтересовать моего приятеля, поскольку он верил в то, что на окнах запечатлеваются лица людей, сидевших перед ними. Наслушавшись рассказов о существах, появлявшихся в окнах пресловутого чердака, паренек решил сам сходить и поглядеть на них – и вернулся, заходясь в истошном крике.

Пока я говорил, Мэнтон был погружен в глубокую задумчивость, но, как только я закончил, он сразу вернулся в свое обычное скептическое расположение духа. Допустив, хотя бы в качестве предпосылки для дальнейшей дискуссии, что какой-то противоестественный монстр существовал на самом деле, Мэнтон, однако, посчитал своим долгом напомнить мне, что даже к самому патологическому извращению природы вовсе не обязательно относиться как к «неименоуемому» или, скажем, неопишуемому средствами современной науки. Признав, что я отдаю должное его здравомыслию и нестигаемости, я привел еще несколько свидетельств, добытых мной у очень пожилых людей. В этих позднейших историях с привидениями, пояснил я, речь шла о фантомах столь ужасных и отвратительных, что никак нельзя предположить, чтобы они имели органическое происхождение. Это были кошмарные призраки гигантских размеров и самых чудовищных очертаний, в одних случаях видимые, в других – только ощутимые; в безлунные ночи они как бы плыли по воздуху, появляясь то в старом доме, то возле склепа позади него, то на могиле, где рядом с безымянной плитой пустило корни молодое деревце. Правда ли, что они душили и рвали людей на части, как то утверждала голословная молва, или нет, я не знаю, но, во всяком случае, призраки эти производили сильное и неизгладимое впечатление. Неспроста старейшие из местных жителей так страшились их еще каких-нибудь два поколения назад, и лишь в последнее время о них почти перестали вспоминать, что, кстати, и могло послужить причиной их ухода в небытие. Наконец, если взглянуть на проблему с эстетической точки зрения и вспомнить, какие гротескные, искаженные формы принимают духовные эманации, или призраки, человеческих существ, то вряд ли стоит ждать связного и членораздельного описания в тех случаях, когда мы имеем дело с такой бесформенной паробразной мерзостью, как дух злобной, уродливой бестии, само существование которой уже есть страшное кощунство по отношению к природе. Эта чудовищная химера, порожденная мертвым мозгом дьявольской помеси зверя и человека, – не представляет ли она во всей неприглядной наготе все подлинно, вопиюще неименоуемое?

Должно быть, час уже был очень поздний. Летучая мышь на удивление бесшумно пролетела мимо; она задела меня крылом, да и Мэнтон, вероятно, тоже – в темноте я не видел его, но мне показалось, что он взмахнул рукой.

– А дом? – заговорил он спустя некоторое время. – Дом с чердачным окном – он сохранился? И там по-прежнему никто не живет?

– Да, я видел его собственными глазами.

– Ну и как? Там что-нибудь было? Я имею в виду, на чердаке или где-нибудь еще...

– Там, в углу на чердаке, лежали кости. Не исключено, что именно их и увидал тот паренек. Слабонервному, чтобы свихнуться, и того достаточно, ибо если все эти кости принадле-

жали одному и тому же существу, то это было такое кошмарное чудовище, какое может привидеться только в бреду. С моей стороны было бы кощунством не избавить мир от этих костей, поэтому я сходил за мешком и оттащил их к могиле за домом. Там была щель, в которую я их и свалил. Только не сочти меня за идиота! Видел бы тот череп! У него были рога сантиметров по десять в длину, а лицевые и челюстные кости примерно такие же, как у нас с тобой.

Вот когда я почувствовал, как Мэнтон, который придвинулся почти вплотную ко мне, пробрала настоящая дрожь! Но любопытство его оказалось сильнее страха.

– А окна?

– Окна? Они все были без стекол. У одного окна даже выпала рама, а в остальных не осталось ни кусочка стекла. Представь себе такие небольшие ромбовидные окна с решетками, что вышли из моды еще до тысяча семисотого года. Думаю, что стекла в них отсутствовали уже лет сто, не меньше. Кто знает, может быть, их выбил тот паренек? Предание молчит на этот счет.

Мэнтон снова затих. Он размышлял.

– Знаешь, Картер, – заговорил он наконец, – мне бы хотелось взглянуть на этот дом. Ты мне его покажешь? Черт с ними, со стеклами, меня интересует сам дом. И та могила, куда ты свалил кости. И другая могила, без надписи. Ты прав, от всего этого веет какой-то жутью.

– Ты уже видел этот дом, Мэнтон. Он торчал у тебя перед глазами весь сегодняшний вечер.

Некоторый налет театральности, с которым я произнес последнюю фразу, подействовал на моего приятеля куда сильнее, чем я мог ожидать: судорожно отпрянув от меня, он издал оглушительный вопль, сопровождаемый таким призывком, словно он освобождался от удушья, ибо вопль этот вместил в себя все накопившееся и сдерживаемое дотоле напряжение. Да, надо было слышать этот крик! Но самое ужасное заключалось в том, что на него последовал ответ! Не успело стихнуть эхо, как из крошечной тьмы донесся скрип, и я догадался, что открылось одно из решетчатых окон в этом проклятом старом доме неподалеку от нас. Более того, поскольку все рамы, кроме одной, давным-давно выпали, я понял, что скрип этот издает кошмарная пустая рама пресловутого чердачного окна.

Потом все с той же залятой стороны дохнуло затхлым воздухом могилы, и сразу вслед за тем, совсем уже близко от меня, раздался пронзительный крик; он исходил из той жуткой гробницы, где покоились человек и монстр. В следующее мгновение удар чудовищной силы, нанесенный мне невидимым объектом громадных размеров и неизвестных свойств, сбросил меня с моего скорбного сиденья, и я растянулся на плененной корнями почве зловещего погоста, в то время как из могилы вырвалась такая адская какофония шумов и сдавленных хрипов, что фантазия моя мгновенно населила окружающий беспросветный мрак мильтоновскими легионами безобразных демонов. Поднялся вихрь иссушающе-ледяного ветра, раздался грохот обваливающихся кирпичей и штукатурки, но, прежде чем понять, что произошло, я милостью божьей лишился чувств.

Не обладая моим крепким телосложением, Мэнтон, однако, оказался более живучим, и, хотя он пострадал сильнее моего, мы очнулись почти одновременно. Наши койки стояли бок о бок, и через несколько секунд нам стало ясно, что мы находимся в больнице Святой Марии. Персонал сгорал от любопытства; нас обступили со всех сторон и, чтобы освежить нашу память, рассказали нам о том, как мы попали сюда. Оказалось, что какой-то фермер обнаружил нас в полдень на пустыре за Медоу-Хилл, примерно в миле от старого кладбища, в том самом месте, где некогда, по слухам, находилась бойня. У Мэнтон было две глубоких раны на груди и несколько мелких резаных и колотых ран на спине. Я отделался более легкими повреждениями, зато все тело мое было покрыто ссадинами и синяками самого странного характера – один из кровоподтеков, например, напоминал след копыта.

Мэнтон явно знал больше, чем я, однако озадаченные и заинтригованные врачи не смогли добиться от него ни слова до тех пор, пока он не выведал у них все, что касалось наших ран. Только после этого он сообщил, что мы стали жертвами разъяренного быка – выдумка, на мой взгляд, довольно неудачная, ибо откуда было взяться в таком месте быку?

Как только врачи и сиделки удалились, я повернулся к приятелю и шепотом, исполненным благоговейного ужаса, спросил:

– Но, боже правый, Мэнтон, что это было на самом деле? Что-то такое, о чем можно судить по нашим ранам?

И хотя я почти догадывался, каким будет ответ, он ошеломил меня настолько, что я даже не ощутил чувства торжества от одержанной победы.

– Нет, *это было нечто совсем другое*, – прошептал Мэнтон. – Оно было повсюду... какое-то желе... слизь... И в то же время оно имело очертания, тысячи очертаний, столь кошмарных, что они бегут всякого описания. Я видел там глаза – и в них проклятие! Это была какая-то бездна... пучина... воплощение вселенского ужаса! Картер, *это было неизменное!*

Серебряный ключ

В тридцать лет Рэндольф Картер утратил ключ, отмыкавший врата в мир его снов. Прежде он мог компенсировать прозаичность повседневного существования увлекательными ночными странствиями по затерянным древним городам и сказочно прекрасным землям на берегах эфемерных морей, но с годами чудесные сны все реже посещали Картера, и наконец тот мир стал для него недоступным. Его галеры уже не могли подняться к верховьям полноводного Украноса мимо золоченых шпилей Франа, а караваны слонов не брели сквозь напоенные ароматами джунгли Кледа, где в лунном свете сонно белели давно опустевшие, но незатронутые временем колоннады прекрасных дворцов.

Он прочел много книг об окружавшем его реальном мире и много беседовал с различными людьми. Исполненные благих побуждений философы учили его рассуждать логически и анализировать процессы, подспудно формировавшие его желания и фантазии. Так понемногу он утратил способность удивляться и позабыл о том, что вся наша жизнь – это лишь цепь возникающих в сознании образов, а поскольку нет никакой существенной разницы между отражениями объективной реальности и образами, порожденными фантазией, то нет и причин отдавать кому-то из них предпочтение. Вместо этого ему внушали почти суеверное благоговение перед материальными, осязаемыми вещами, заставляя его втайне стыдиться своих странных видений. Умудренные опытом люди называли их детскими глупостями, тем более нелепыми, что эти видения настойчиво претендовали на особую значимость и некий скрытый смысл, тогда как бестолковое вращение вселенной продолжало перемалывать нечто в ничто лишь затем, чтобы из этого ничто вновь сделать нечто, не замечая искорок чьих-то желаний и устремлений, вспыхивающих и тут же гаснущих в беспредельном мраке.

Эти трезвые умы хотели прочно приковать его к незыблемому порядку вещей, разъясняя суть и практическое назначение каждой вещи, дабы изгнать ненужные тайны из мира, где должно властвовать знание. Он инстинктивно сопротивлялся, надеясь вернуться в те сумеречные сферы, где разрозненные фрагменты видений и мимолетные ассоциации волшебным образом сливались в сознании, даря ему трепетное предвкушение чуда; они же в свою очередь обращали его к чудесам современной науки, побуждая искать красоту в схеме строения атома и траекториях движения небесных тел. Когда же ему не удавалось по достоинству оценить все прелести чего-то давно изученного, рассчитанного и измеренного, его называли лишенным воображения, интеллектуально незрелым типом, поскольку он предпочитал зыбкие иллюзии своих снов добротным и очевидным иллюзиям утвержденного миропорядка.

Картер, как мог, старался не выделяться из толпы, на словах признавая превосходство простейших обывательских эмоций над вычурными фантазиями немногих изошренных душ. Он не возражал, когда ему говорили, что реальные физические ощущения – вроде предсмертной боли свиньи под ножом мясника или желудочных колик у какого-нибудь фермера – значат для этого мира куда больше, нежели бесподобная красота Нарафа с его сотней узорчатых ворот и хрустальными куполами, смутные воспоминания о которых сохранились у него от прежних снов. Следуя мудрым советам, он усердно воспитывал в себе общепринятую полезную способность к сопереживанию и состраданию.

При всем том он не мог не замечать, какими мелкими, переменчивыми и, по сути, бесцельными являются все наши устремления и как печально контрастируют истинные побудительные мотивы наших действий с высокими идеалами, эти действия якобы направляющими. Для маскировки своих истинных чувств он пользовался легкой иронией – тем самым средством, которое его учили применять в борьбе с абсурдными, напрочь оторванными от реальности видениями. Он ясно сознавал, что наша повседневность насквозь фальшива и ничуть не менее абсурдна, чем его сны, которые еще много выигрывали при сравнении с этим обде-

ленным красотой и упрямо не желающим признавать собственную несостоятельность миром. Как следствие, он превратился в своего рода юмориста, еще не ведая, что юмор тоже бесполезен как прибежище в нашей дремучей вселенной, не способной уловить элементарную связь между причиной и следствием.

С утратой снов оказавшись целиком во власти реального мира, он сначала попытался найти утешение в религии – в той наивной вере отцов, которая предполагала некий мистический путь ухода от обыденности. Однако при ближайшем рассмотрении он обнаружил, что здесь правят бал те же банальность и косность вкупе с чахлым подобием красоты, глупой напыщенностью и смехотворными претензиями на непогрешимость. Его никак не могли впечатлить неуклюжие попытки церкви законсервировать в качестве непреложной истины суеверные страхи и домыслы наших далеких предков, которые таким образом реагировали на что-либо недоступное их пониманию. С возрастающим раздражением наблюдал Картер за тем, как люди всерьез пытаются строить земную жизнь на базе отживших преданий и мифов, убедительно опровергаемых каждым новым открытием их же собственной хваленой науки. Эта неуместная серьезность окончательно убила в Картере интерес, который он вполне мог бы питать к древним верованиям, если бы их эмоциональный заряд и красочные ритуалы представляли в своем истинном, сказочно-фантазийном обличье.

Впоследствии Картер свел знакомство с людьми, отвергавшими старые мифы, но те оказались еще безнадежнее религиозных фанатиков. Им было не дано усвоить, что красота неразрывно связана с гармонией и потому в суетливом многообразии космоса возможно только одно приемлемое для всех понятие красоты: это нечто гармонирующее с нашими снами, мечтами и воспоминаниями и позволяющее нам сотворить свой собственный маленький мир, отгороженный от вселенского хаоса. Эти люди не понимали, что добро и зло, красота и уродство являются всего лишь декоративным обрамлением картины мира, а вся их ценность заключается в том, что они дают нам некоторое представление о мыслях и чувствах наших предков, создававших те или иные детали орнамента, сугубо индивидуального для каждой культуры и каждой расы. Вместо этого «вольнодумцы» либо полностью отрицали все эти понятия, либо сводили их к примитивным и грубым инстинктам, тем самым практически не отличаясь от дикарей и животных. В их уродливо искаженном сознании каким-то образом угнездилось чувство гордости за свое «духовное освобождение», при том что они оставались рабами предрассудков ничуть не менее пагубных, нежели те, от которых они якобы освободились. В сущности, они всего-навсего сменили идолов: место слепого страха и бездумного благочестия заняли вседозволенность и анархия.

Картера не прельстили эти новомодные, обретенные по дешевке и дурно пахнущие «свободы»; они оскорбляли его представление о красоте, а его разум восставал против убогих логических потуг, посредством которых доморощенные идеологи пытались облагородить свои изначально ущербные постулаты, навесив на них культовую мишуру, снятую с ими же ниспровергнутых старых идолов. Большинство из них пребывало в заблуждении относительно смысла жизни, полагая его некой самодовлеющей категорией, одинаково применимой ко всем и каждому. При этом они не могли обойтись без привычных понятий морали и долга, никак не соотносимых с понятием красоты, хотя сама Природа в свете их научных открытий подтверждала свою абсолютную независимость от каких-то умозрительных нравственных норм. Приняв за аксиому иллюзии справедливости, свободы и формальной логики, они поспешили отвергнуть прежние знания и верования, даже не дав себе труда подумать о том, что эти же самые знания и верования лежат в основе их нынешних убеждений и являются их единственным ориентиром в бессмысленной и хаотичной вселенной. Лишившись этого ориентира, их жизнь вместе с тем лишилась и конкретной цели, что вынудило их искать спасение от смертной тоски в нарочитой деловитости, в диких буйствах и грубых чувственных наслаждениях. А когда все это приелось до тошноты, они обратились к иронии и сарказму, избрав главным объектом нападок

очевидные всем недостатки общественного устройства. Этим несчастным было невдомек, что их сознательно упрощенный и огрубленный подход к действительности покоится на столь же шаткой основе, что и религиозное мировоззрение их предшественников, а сегодняшняя удовлетворенность жизнью может завтра обернуться жестоким разочарованием. По-настоящему насладиться спокойной и неувядающей красотой можно только в счастливых снах, однако наш мир лишил себя такой возможности, в угаре идолопоклонства утратив драгоценный дар детской чистоты и невинности.

Посреди этого хаоса Картер пытался вести образ жизни, подобающий благоразумному и воспитанному человеку своего круга. С годами воспоминания о чудесных снах слабели, а утвердиться в какой-либо новой вере он так и не смог, но стремление сохранить душевную гармонию вынуждало его следовать правилам поведения, обусловленным его расовой принадлежностью и социальным статусом. Бесстрастно проходил он улицами многих городов и только порою вздыхал, когда игры солнечных бликов, золотящих высокие кровли, или мягкий свет вечерних фонарей на окруженной балюстрадами старой площади напоминали о давних снах и пробуждали тоску по сказочным мирам, куда у него уже не было доступа. Путешествия не могли послужить им достойной заменой, и даже мировая война оказалась для Картера лишь слабой встряской – это при том, что он воевал чуть ли не с первых дней, завербовавшись во французский Иностранный легион. На фронте он завел было друзей, но вскоре начал тяготиться их обществом, однообразием и приземленностью их чувств. Отсутствие контактов с родственниками, оставшимися за океаном, его скорее радовало, нежели огорчало, так как среди этой родни он не имел по-настоящему родственных душ, за исключением дедушки да еще двоюродного деда Кристофера, но эти двое уже давно умерли.

По окончании войны он вернулся к сочинительству, которое забросил, когда его перестали посещать сны. Но и это занятие не приносило ему удовлетворения, поскольку теперь он уже не мог оторваться от земной суеты и свободный полет фантазии остался в прошлом. Язвительная ирония без труда разрушала хрупкие минареты, сотворенные его воображением, а боязнь неправдоподобия оказалась губительной для нежных цветов, которые он взращивал в сказочных садах. Попытки сопереживать героям своих книг лишь придавали этим образам слезливо-сентиментальный налет, тогда как стремление к жизненной убедительности низводило повествование до уровня неуклюжей аллегории либо пошлой социальной сатиры. При всем том его новые романы имели куда больший успех, чем прежние. Осознавая, сколь пустым должно быть сочинение, способное угодить вкусам пустоголовой толпы, он сжег свои рукописи и оставил литературное поприще. В тех стилистически изысканных романах он иногда посмеивался над собственными сновидениями, обрисовывая их как бы мимоходом, небрежными штрихами, отчего сны теряли живую энергию, задушенные праздной игрой слов.

Следующей попыткой стало сознательное удаление в мир иллюзий, обращение к загадочному и сверхъестественному как к противоядию от обыденности. Однако и здесь он вскоре столкнулся с идейным убожеством и бесплодием: модные оккультные учения на поверку оказались столь же выхолощенными и закостеневшими, как научные доктрины, с которыми он имел дело прежде, но в отличие от последних не содержали даже слабого намека на истину, способного хоть как-то оправдать их существование. Откровенная глупость, фальшь и бессвязность мыслей не имели ничего общего с его снами; такие учения не могли дать прибежище умам, превосходящим жалкий уровень их адептов. Продолжая поиски в этом направлении, Картер приобретал и штудировал самые невероятные книги и искал общества самых странных людей, чей круг знаний и интересов выходил далеко за обычные рамки. Он проникал в те сферы человеческого сознания, где мало кому доводилось бывать до него, изучал потаенные глубины жизни, легенды и скупые свидетельства, восходящие к незапамятным временам. Его дом в Бостоне был максимально приспособлен к смене настроений владельца: для каждого настроения существовала особая комната, окрашенная в подходящие тона, снабженная

подходящими к случаю книгами и предметами, с соответственно подобранными освещением, температурой, звуковым оформлением и запахами.

Как-то раз до него дошли сведения об одном человеке на Юге, который чуждался общества и постоянно пребывал в страхе перед какими-то чудовищными откровениями из древних книг и клинописных глиняных табличек, привезенных из Индии и Аравии. Картер отправился к нему и на протяжении семи лет делил с ним жилище и ученые занятия, но как-то в полночь на старом кладбище неизъяснимый ужас объял обоих – и только один из них вернулся оттуда, куда уходили двое. После этого Картер перебрался в Аркхем, овеянный мрачными колдовскими легендами городок в Новой Англии, с которым была тесно связана история его рода. Кое-что из пережитого им здесь, в ночной тьме среди вековых деревьев и обветшалых домов с островерхими крышами, так напугало исследователя, что он зарекся впредь открывать некоторые страницы в дневнике одного из своих безрассудных предков. Все эти занятия приблизили его к пределам реального мира, но так и не указали путь в заветную страну сновидений. К пятидесяти годам он отчаялся найти душевный покой в мире, слишком суетном, чтобы замечать красоту, и слишком практичном, чтобы дать простор мечтаниям.

Окончательно разуверившись в этой ничтожной реальности, Картер жил отшельником, тоскуя о дивных снах своей юности. Сомневаясь, стоит ли продолжать такое существование, он раздобыл через одного знакомого в Южной Америке особенный эликсир, с помощью которого можно было без мучений и боли кануть в небытие. От этого шага его до поры удерживали только апатия и сила привычки. Мысленно возвращаясь к прошлому, он решил устранить все последние изменения в интерьере дома и постарался вернуть ему тот облик, который помнил с детства, включая оконные витражи и викторианскую мебель.

С течением времени добровольный уход из жизни перестал привлекать Картера, благо строгое затворничество в привычной с юных лет обстановке надежно отгородило его от постылой повседневности, а в его снах появились намеки на близость удивительных перемен. Уже много лет подряд ему, как и большинству людей, снились только сцены и образы, так или иначе порожденные дневными впечатлениями; однако теперь их перемежали видения иного порядка, чей потаенный смысл скрывался за внешне безобидными картинками из его детства, напоминающими о вроде бы незначительных мелочах, которые он полагал давно и прочно забытыми. Неоднократно в момент пробуждения он громко звал мать или деда, к тому времени уже четверть века покоившихся в могилах.

И наконец однажды ночью дед рассказал ему о ключе. Седой ученый муж, представший в его сне на редкость ясно и отчетливо, сначала долго рассуждал о древности их рода и о странных видениях, которые в разное время посещали отдельных его представителей, наделенных от природы повышенной чувствительностью. Он говорил о крестоносце с пламенным взором, который узнал некие страшные тайны, пребывая в сарацинском плену, и о сэре Рэндольфе Картере, первом в роду носителе этого имени, практиковавшем магию во времена королевы Елизаветы. Он говорил также об Эдмунде Картере, который только чудом избежал петли в ходе Салемского ведьмовского процесса, – именно он упрятал в старинную шкатулку большой серебряный ключ, передававшийся в их семье по наследству. Прежде чем Картер проснулся, старик успел сообщить, где нужно искать эту дубовую, с причудливым резным орнаментом шкатулку, которую никто не открывал вот уже два столетия.

И Картер нашел ее там, где было указано: в выдвижном ящике огромного комода, пылившегося на чердаке. Шкатулка, имевшая примерно фут в длину и в ширину, была покрыта готической резьбой столь устрашающего вида, что нежелание потомков Эдмунда Картера знакомиться с ее содержимым стало понятным без дополнительных разъяснений. Это содержимое не выдавало себя ни единым звуком при интенсивном встряхивании шкатулки, от которой исходил тонкий аромат каких-то экзотических пряностей. Она была окована по углам тронутым ржавчиной железом и заперта на хитроумный замок. Упомянутый дедом серебряный ключ вполне

мог оказаться всего лишь одним из семейных преданий; во всяком случае, отец Рэндольфа даже не знал о существовании шкатулки. Самого же Картера не покидало смутное предчувствие, что эта находка поможет ему вернуться в давно утраченный мир сновидений, хотя дед ни словом не обмолвился на сей счет.

Старик-слуга взломал замок и не без содрогания поднял темную дубовую крышку, с которой на него злобно взирали морды каких-то отвратительных существ. Внутри, обернутый ветхим пергаментом, действительно хранился массивный ключ из потускневшего серебра с изображенными на нем загадочными знаками. Пергамент также был покрыт иероглифическими письменами на неведомом языке. Картер вспомнил, что похожие иероглифы он видел на папирусе, принадлежавшем ученому отшельнику, который однажды в полночь бесследно исчез посреди старого кладбища. Всякий раз, читая те письма, ученый буквально трясся от страха. Невольно вздрогнул и Картер, впервые прикоснувшись к пергаменту.

Он очистил серебряный ключ от налета и с той поры держал его у себя в спальне вместе со старой шкатулкой. Сны меж тем становились все более живыми и красочными, хотя в них и не появлялись фантастические города и волшебные сады, знакомые по прежним видениям. Вместо этого к нему из глубины времен зывали голоса множества предков, направляя к чему-то скрытому у самых истоков их рода. Когда Картер понял, что ему предстоит возвращение в прошлое, его мысленный взор устремился на север – к лежащему за дальними холмами Аркхему, к берегам стремительного Мискатоника, к затерянной в сельской глуши родовой усадьбе.

И вот в один из дней на пике багряной осени Картер сел в автомобиль и поехал знакомой дорогой, минуя гряду округлых холмов и луга за каменными оградами, светлую просторную долину и сумрачный лесной массив, одинокие фермы и плавные изгибы Мискатоника с перекинутыми через поток бревенчатыми или каменными мостами. За очередным поворотом он увидел рощу гигантских вязов, в которой полтора века назад таинственным образом сгинул один из его предков, и тревожно напрягся, когда деревья качнули ветвями под порывом ветра, словно подавая ему знак. Далее путь лежал мимо бывшего обиталища старой ведьмы Гуди Фаулер с угрюмо-черными провалами окошек и несоразмерно громоздкой крышей, перекосившейся настолько, что края стропил едва не упирались в землю у северной стены дома. Картер нажал педаль газа, стремясь поскорее миновать недоброе место, и снизил скорость только перед холмом, чью вершину венчал старинный белый особняк – здесь родилась и жила его мать, а также ее предки в нескольких поколениях. Дом по-прежнему гордо взирает через ленту шоссе на впечатляющую панораму долины у подножья скалистого края и на далекие шпиль Кингспорта, за которыми у самого края неба угадывалась дремотная океанская синева.

Следующий, более крутой холм был уже вотчиной его родни по отцовской линии. Прошло более сорока лет с тех пор, как Картер навещал эти места в последний раз. Дорога петлями взбиралась вверх по склону. Достигнув середины подъема, он остановил машину, чтобы оглядеться. Было уже далеко за полдень, солнце клонилось к западу, и потоки волшебного золота проливались с закатного неба на долину в ее осеннем убранстве. В загадочном безмолвии этого пейзажа улавливалось некое сходство с его последними снами: и тут, и там присутствовало ожидание чуда. Картер попытался представить себе одиночество, каким оно может быть в неизмеримой дали от этого мира, на других, неведомых планетах, а его взор меж тем рассеянно блуждал по бархатной зелени давно запущенных полей с кое-где еще заметными останками изгородей, по лесам, что желто-багряными шапками покрывали уходящие вдаль холмы, по темным пятнам сырых тенистых лощин, на дне которых лениво журчали ручьи, вымывая грунт из-под набухших узловатых корней.

У него возникло ощущение, что автомобиль будет лишним, чужеродным элементом в тех местах, куда он направлялся. Поэтому он оставил машину на заросшей обочине и, положив серебряный ключ в карман пальто, пешком продолжил путь. Густой лес сомкнул над ним ветви, но ближе к вершине холма деревья должны были расступиться – насколько он помнил, заросли

вплотную подходили к усадьбе только с одной, северной стороны. Он попытался угадать, в каком состоянии окажется дом, пустовавший вот уже лет тридцать, после смерти его чудаковатого двоюродного деда Кристофера. Мальчишкой он охотно и подолгу гостил в усадьбе, всем занятиям и развлечениям предпочитая блуждания в полном тайн и загадок лесу за пределами фруктового сада.

Лесные тени сгущались, предупреждая о скором наступлении ночи. Справа меж деревьев открылся небольшой просвет, и он разглядел внизу часть долины и колокольню конгрегационалистской церкви на холме в центре Кингспорта – закат окрасил ее стены в розовый цвет и сверкал отраженным пламенем в маленьких круглых окнах. Через несколько шагов вновь углубившись в тень, он с запоздалым удивлением сообразил, что только что увиденное могло относиться лишь к воспоминаниям из его детства, а никак не к современности, ибо та церковь была уже давно снесена, уступив место зданию благотворительной лечебницы. Помнится, он в свое время с интересом прочел газетную публикацию о подземных ходах непонятного назначения, обнаруженных строителями в скальной толще холма под фундаментом старой церкви.

Он еще не оправился от первого потрясения, когда за ним последовало новое: до его слуха донесся хорошо знакомый пронзительный голос. Бениджа Кори, слуга дяди Кристофера, уже был в преклонных летах в ту пору, когда Картер приезжал сюда ребенком. Теперь ему не могло быть менее ста лет, однако этот высокий и резкий голос ничуть не изменился и не мог принадлежать никому другому – хотя отдельные слова разобрать было трудно, характерные интонации и тембр не оставляли ни малейших сомнений. Кто бы мог подумать, что старый Бениджа до сих пор жив!

– Мистер Рэнди! Мистер Рэнди! Куда вы запропастились? Хотите до срока загнать в гроб тетушку Марту? Сколько раз она вас просила не шастать по лесу, особенно когда дело к ночи! Рэнди! Рэ-энди! Вот паршивец, небось опять ходил на старую вырубку и полдня проторчал у Змеинового логова... Ау, Рэ-энди!

...Рэндольф Картер стоял в кромешной тьме и тер глаза тыльной стороной руки. Произошло нечто странное. Он только что побывал в очень далеких, чужих местах, где ему быть совсем не полагалось, и вот сейчас непозволительно опаздывал с возвращением домой. Он не догадался уточнить время по часам на кингспортской колокольне, для чего можно было бы воспользоваться подзорной трубой; но его больше тревожило не опоздание само по себе, а то, чем оно было вызвано. Он сунул руку в карман курточки, чтобы проверить, на месте ли подзорная труба. Ее там не оказалось, зато в кармане лежал большой серебряный ключ, вроде бы найденный им в каком-то ящике. Помнится, дядя Крис что-то рассказывал о старинной шкатулке со спрятанным внутри ключом, но тетя Марта тогда его прервала, заявив, что не годится пичкать подобными историями ребенка, чья голова и без того забита невесть какими фантазиями. Рэндольф попытался восстановить в памяти события, связанные с обретением ключа, но мысли путались, и цельной картины не получалось. Он смутно помнил чердак их дома в Бостоне и то, как он пообещал Парксу половину его недельного жалованья, если слуга поможет открыть шкатулку и сохранит это дело в тайне от старших. Он как раз мысленно представлял себе эту сцену, когда лицо Паркса вдруг невероятным образом исказилось, покрываясь морщинами, и бойкий коротышка-кокни как будто разом постарел на десятки лет.

– Рэ-энди! Рэ-энди-и!.. Эй, Рэнди!

Качающийся фонарь вынырнул из-за темных кустов на дорожном изгибе, и старый Бениджа чуть не сбил с ног маленького бродягу, в безмолвном изумлении застывшего на месте.

– Вот он где, негодник! Я тут глотку деру битый час, нешто нельзя откликнуться? Язык бы, небось, не отсох. Это ж надо: на дворе тьма кромешная, тетушка Марта вся извелась, а наш мистер Рэнди гуляет себе хоть бы хны! Вот погодите, я все расскажу дяде Крису, он вам задаст по первое число! Сколько раз вам говорили не соваться затемно в лес! Этим часом тут всякая

бесовщина творится, мне про то еще мой дед сказывал. Давайте-ка поживее, мистер Рэнди, Ханна не будет всю ночь напролет держать на плите ваш ужин.

И Рэндольф Картер зашагал вверх по дороге. Любопытные звезды мигали сквозь поредшую осеннюю листву; чуть погодя залаяли собаки, и за последним поворотом он увидел желтый свет в окнах дома и мерцающие Плеяды над высокой двускатной крышей, черный силуэт которой смутно проступал на фоне ночного неба. Тетушка Марта дожидалась их, стоя в дверях, и на сей раз ограничилась беззлобным ворчанием, когда блудное дитя под конвоем Бениджи переступило порог. Она слишком хорошо знала дядю Криса, чтобы удивляться подобным выходкам его внучатого племянника, – что поделаешь, если у Картеров это в крови. Рэндольф никому не сказал о ключе, покорно проглотил свой ужин, но заупрямился, когда его стали укладывать спать. Зачастую ему лучше грезилося наяву, и он хотел поскорее найти верное применение своей находке.

На следующее утро Рэндольф проснулся очень рано с намерением тотчас бежать на старую вырубку, но дядя Крис перехватил его на крыльце и повел в гостиную завтракать. За столом он нетерпеливо вертелся, обводя взглядом знакомую комнату с истертым ковром на полу, низкими потолочными балками и выступающими гранями угловых столбов, и лишь однажды на его лице промелькнула улыбка, когда ветви садовых деревьев легонько постучались в оконное стекло. Деревья и холмы были ему по-настоящему близки, ибо они обрамляли врата в иной мир – тот мир вне времени и пространства, к которому принадлежал и он сам.

Вновь обретя свободу после завтрака, он потрогал в кармане ключ, дабы убедиться в его сохранности, и припустил через сад в ту сторону, где над усадьбой нависал лесистый склон смежной горы. Толстый слой мха пружинил под ногами; покрытые лишайником скалы тут и там возникали из предрассветной мглы подобно алтарям друидов среди уродливо разбухших и скрюченных стволов священной рощи. В одном месте пришлось перебираться по камням через ручей, который чуть ниже по течению обрывался водопадом, неустанно выпевавшим свои рунические рулады для невидимых фавнов, сатиров и дриад.

Наконец он достиг отверстия пещеры, темневшего среди зарослей. Это и было таинственное Змеиное логово, к которому боялись приближаться окрестные жители и от которого его не раз пытался отвести старый Бениджа. Пещера была глубока – гораздо глубже, чем полагали все, кроме Рэндольфа. Еще ранее он обнаружил в самом дальнем углу расщелину, ведущую в подземный зал с высоким потолком и гранитными стенами, чья поверхность наводила на мысль об их скорее искусственном, нежели природном происхождении. Он пополз уже знакомым путем, время от времени зажигая спички, которые утащил из комода в гостиной, и протиснулся в расщелину с нетерпеливой поспешностью, удивившей его самого. Не менее странной была уверенность, с какой он двинулся напрямик к противоположной стене зала, на ходу извлекая из кармана серебряный ключ.

...Как бы то ни было, он в самом деле осуществил задуманное и поздним вечером явился домой с торжествующим видом, отказавшись назвать причины опоздания к ужину – не говоря уж про обед – и пропустив мимо ушей вполне заслуженные им суровые упреки.

Сейчас вся дальняя родня Рэндольфа Картера сходится во мнении, что на десятом году его жизни случилось нечто, совершившее переворот в сознании мальчика. Его чикагский кузен Эрнест Б. Эспинуолл, будучи десятью годами старше Рэндольфа, отчетливо помнит странную перемену, которая произошла в нем осенью 1883-го. С той поры он нередко в подробностях описывал фантастические сцены, какие мало кто исхитрился бы вообразить даже в самых общих чертах, а временами высказывал нестандартные суждения по самым что ни на есть практическим вопросам. Это можно было назвать своего рода предвидением, ибо его намеки, изначально казавшиеся лишенными смысла, потом получали реальное подтверждение. В последующие десятилетия исторический процесс порождал новые изобретения, имена и события, и

окружающие порой с изумлением вспоминали, что Картер еще за много лет до того мимоходом говорил об этих вещах как о чем-то хорошо известном и само собой разумеющемся. Он и сам часто не понимал смысла им сказанного и не мог объяснить, почему то или иное явление вызывает у него такую реакцию, полагая возможной причиной этого некий полузабытый сон. Когда в 1897 году один турист случайно упомянул в его присутствии название французского местечка Беллуа-ан-Сантер, лицо Картера вдруг покрыла смертельная бледность. Его знакомые припомнили эту деталь спустя без малого двадцать лет, в 1916-м, когда он, будучи солдатом Иностранного легиона, лишь чудом выжил после тяжелого ранения, полученного близ того самого местечка.

Родственники Картера много рассуждали обо всех этих странностях после его необъяснимого исчезновения. Коротышка Паркс, его старый слуга, долгие годы стойчески сносивший хозяйские причуды, сообщил, что в последний раз видел Картера в то утро, когда он отъезжал от бостонского дома за рулем машины, прихватив с собой найденный накануне серебряный ключ. Паркс лично помог ему открыть старинную шкатулку с резным орнаментом, в которой хранился тот самый ключ. По словам слуги, этот орнамент и еще нечто связанное со шкатулкой, но не поддающееся четкому определению, оказали на него самое гнетущее воздействие. Перед отъездом Картер сказал, что собирается посетить родину своих предков в окрестностях Аркхема.

Его автомобиль нашли на обочине дороги, ведущей к старой усадьбе Картеров на Вязовой горе; там же находилась и резная шкатулка, вид которой сильно испугал наткнувшихся на автомобиль поселян. Внутри шкатулки был только свиток пергамента с текстом, который не сумели расшифровать ни лингвисты, ни палеографы. Следы ног уничтожил прошедший накануне ливень, однако детективы из Бостона установили, что кто-то совсем недавно копался в руинах картеровской усадьбы, а позади нее, в лесу на горном склоне, был найден белый носовой платок без инициалов или иных меток, которые помогли бы идентифицировать его владельца.

Некоторое время назад был поднят вопрос о разделе имущества Рэндольфа Картера между его наследниками, однако я считаю это неправильным, поскольку не верю в его смерть. Время и пространство, видимость и реальность – все это тесно переплетено и подвержено прихотливым изменениям, распознать которые могут лишь немногие ясновидцы. Картер, судя по всему, нашел способ преодолеть этот самый сложный лабиринт. Вернется он когда-нибудь оттуда или нет, предсказать не берусь. Он очень долго искал утерянный мир своих снов, чудесный мир своего детства. В конце концов он обрел нужный ключ и, похоже, сумел правильно им воспользоваться.

Я спрошу его об этом при встрече, ибо надеюсь вскоре увидеться с ним в том краю снов, где нам обоим не раз доводилось бывать. С недавних пор в Ултаре, за рекой Скай, ходят слухи о новом правителе, взошедшем на опаловый трон Илек-Вада – легендарного города стрельчатых башен, что возносятся над прозрачно-стеклянными утесами и отражаются в сумеречном море, на дне которого бородатые ласторукие гнорри строят свои неподражаемые лабиринты, – и теперь я догадываюсь о первопричине этих слухов. И конечно же, мне не терпится своими глазами увидеть тот самый серебряный ключ с загадочной символикой, быть может скрывающей в себе истинные тайны безликого и бесстрастного космоса.

Врата серебряного ключа

I

В просторной комнате, украшенной гобеленами с гротескным орнаментом и старинными бухарскими коврами превосходной работы, вокруг заваленного документами стола сидели четверо мужчин. В дальних углах дымились курильницы на витых кованых треножниках; периодически их подпитывал благовониями дряхлый старик-негр в темной ливрее. Из глубокой стенной ниши доносилось тиканье диковинных напольных часов в форме гроба, циферблат которых был испещрен какими-то непереводаемыми иероглифами, а движение четырех стрелок не соотнобразывалось ни с одной из систем счисления, известных на этой планете. Обстановка в целом была весьма неординарной, однако для дела, ради которого собрались эти люди, она подходила как нельзя более. Ибо здесь, в новоорлеанском доме виднейшего американского ученого-мистика, математика и востоковеда, решалась судьба наследства другого – тоже далеко не заурядного – мистика, писателя и визионера, исчезнувшего с лица земли четыре года тому назад.

Рэндольф Картер, всю жизнь пытавшийся сбежать от утомительно скучной реальности в манящие дали сновидений и иллюзорные пространства иных миров, пропал без вести седьмого октября 1928 года в возрасте пятидесяти четырех лет. Слывя оригиналом и отшельником, он всегда был загадкой для окружающих, а кое-кто всерьез полагал, что в основе его причудливых литературных опусов лежат действительные эпизоды из жизни автора, оставшиеся за рамками его скупо документированной биографии. Одно время он тесно общался с Харли Уорреном, мистиком из Южной Каролины, чей неумеренный интерес к сочинениям на наакале – древнейшем языке гималайских жрецов – в конечном счете обернулся трагедией: Картер был единственным свидетелем того, как Уоррен среди ночи спустился в провал сырого зловонного склепа на старом кладбище, чтобы никогда уже не выбраться оттуда. Много лет Картер прожил в Бостоне, но все его предки происходили из дремучей глуши – лесистых взгорий, что лежат за Аркхемом, старинным городком с репутацией богом проклятого места. И в той самой глуши, среди угрюмых и диких холмов, он однажды исчез.

Его старый слуга Паркс, умерший в начале 1930 года, среди прочего поведал следствию о шкатулке с устрашающим орнаментом, найденной Картером на чердаке его бостонского особняка. Шкатулка содержала пергамент с непонятными письменами и большой серебряный ключ, также покрытый загадочными символами. Эти вещи упоминаются и в некоторых письмах самого Картера. По словам Паркса, его господин считал серебряный ключ древней семейной реликвией и надеялся с его помощью открыть врата в утерянный мир своего детства – мир иных измерений и фантастических стран, который он прежде посещал только в неясных, ускользающих из памяти сновидениях. И вот однажды Картер, прихватив шкатулку, отбыл из дома на своей машине, и с той поры его больше не видели.

Позднее автомобиль был обнаружен на старой, поросшей травой дороге, что вела к родовой усадьбе Картеров – точнее, к ее останкам без крыши и стен, с зияющим под открытым небом провалом погребя. Неподалеку находилась вязовая роща, где в 1781 году бесследно исчез еще один представитель рода Картеров, а руины дома на краю рощи служили напоминанием о старой колдунье Гуди Фаулер, некогда стряпавшей там свои адские зелья. Эти места пользовались дурной славой с тех самых пор, как в 1692 году их заселили беженцы из Салема, где тогда всюду шла охота на ведьм. Среди спасшихся от пенькового галстука был и Эдмунд Картер, о чьем колдовском могуществе ходили легенды. И вот сейчас одинокий

отпрыск Эдмундова рода канул в неизвестность вслед за своим не к ночи будь помянутым предком.

В машине Картера нашли жутковатого вида резную шкатулку, источавшую какой-то экзотический аромат, а также древний пергамент с письменами, которые никто не смог прочесть. Серебряный ключ отсутствовал – вероятно, Картер унес его с собой. К сожалению, следствию не удалось восстановить более-менее отчетливую картину происшедшего. При осмотре развалин усадьбы бостонские детективы заметили, что отдельные бревна были совсем недавно передвинуты. Мало что смог прояснить и носовой платок, найденный на склоне горы за усадьбой, где среди скал и корявых деревьев темнел зев пещеры, известной в округе как Змеиное логово. С этой пещерой ассоциировались мрачные предания, уже было забытые, но вновь ожившие в связи с последними событиями. Фермеры шепотом передавали истории о том, как старый колдун Эдмунд Картер совершал в Змеином логове свои нечестивые обряды; помянут был и нездоровый интерес, каковой еще в юные годы проявлял к пещере ныне сгинувший невесть куда Рэндольф Картер. Во времена его детства островерхая крыша старинного дома еще маячила на холме, а в усадьбе хозяйничал его двоюродный дед Кристофер. Маленький Рэндольф часто лазил в Змеиное логово и порой рассказывал о нем очень странные вещи. Кто-то из старожилов вспомнил его слова о расщелине в глубине Змеиного логова, через которую можно попасть в другой, гораздо более обширный подземный зал. Однажды, будучи девяти лет от роду, Рэнди безвылазно провел в пещере целый день – случилось это, кстати, тоже в октябре, – а вскоре после того у мальчишки начало проявляться нечто вроде дара предвидения.

В ночь исчезновения Картера прошел сильный дождь, размывший следы на дороге подле оставленной машины. Дождевая вода просочилась и в Змеиное логово, покрыв его пол слоем жидкой грязи. Деревенские увальни, правда, бормотали что-то насчет следов, якобы виденных ими под огромным вязом у дороги, а также неподалеку от Змеиного логова, на склоне холма, где был найден носовой платок. Впрочем, кого могли заинтересовать их бредни об отпечатках детских тупоносых ботинок – вроде тех, что носил в свое время юный Рэндольф? Ничуть не большего внимания заслуживали и пересуды насчет других отпечатков, якобы встречавшихся на дороге с детскими и походивших на следы сапог без каблуков, какие носил старый Бениджа Кори, – он когда-то служил в усадьбе Картеров и помер добрых тридцать лет назад.

Однако именно эти пересуды – а также известное намерение Картера с помощью серебряного ключа отпереть врата в мир его детских грез – побудили некоторых любителей мистики заявить, что он сумел повернуть ход времени и возвратиться на сорок пять лет назад, в октябрьский день 1883 года, проведенный им в недрах Змеиного логова. По их мнению, в тот самый день он совершил путешествие во времени из 1883-го в 1928-й и обратно – а иначе откуда мальчишке вдруг стало известно многое из того, что должно было произойти в этом временном промежутке? В качестве доказательства они приводили тот факт, что «провидческие» высказывания Картера никогда не касались событий, случившихся после 1928 года.

Один из упомянутых мистиков – эксцентричный пожилой джентльмен из Провиденса, штат Род-Айленд, многие годы поддерживавший переписку с Картером, – пошел еще дальше, заявив, что Картер не только вернулся в прошлое, но и сумел полностью освободиться от временной зависимости, пустившись в свободное странствие по сказочным просторам своих детских снов. Однажды этому джентльмену явилось некое видение, после чего он опубликовал собственную версию происшедшего. По его словам, Картер ни много ни мало сделался правителем Илек-Вада, взойдя на опаловый трон этого легендарного города стрельчатых башен, что возносятся над прозрачно-стеклянными утесами и отражаются в сумеречном море, на дне которого бородастые ласторукие гнорри строят свои неподражаемые лабиринты.

Этот же ученый муж, которого звали Уорд Филлипс, первым возвысил голос против раздела наследства Рэндольфа Картера между его родственниками – кстати сказать, весьма отдаленными, – аргументируя свои возражения тем, что Картер здравствует поныне и вполне может

в один прекрасный день вернуться в этот мир. Его главным оппонентом выступал искушенный в юриспруденции кузен пропавшего, Эрнест Б. Эспинуолл из Чикаго, который был десятилетиями старше Рэндольфа, но в судебных баталиях выказывал поистине юношескую горячность. Четыре года велась тяжба, и вот пришло время вынесения окончательного вердикта – именно с этой целью собралась четверка мужчин в большой и весьма необычной комнате новоорлеанского дома.

Хозяином дома был исполнитель завещания и литературный душеприказчик Картера, луизианский креол Этьен-Лоран де Мариньи, известный мистик и знаток восточных древностей. Картер познакомился с ним во время войны, когда оба служили во французском Иностранном легионе. Их быстрому сближению способствовало сходство взглядов и интересов. Во время отпуска с фронта молодой, но уже весьма умудренный креол повез меланхоличного бостонского мечтателя на юг Франции, в Байонну, дабы посвятить его в ужасающие тайны древних склепов, скрытых в подземельях этого города с тысячелетней историей. Та поездка навеки скрепила их дружбу. Составляя завещание, Картер назначил своим душеприказчиком де Мариньи, и сейчас тому приходилось заниматься вопросом наследства. Он делал это крайне неохотно, ибо, как и старый джентльмен из Род-Айленда, не верил в смерть Картера. Но что значат видения и предчувствия мистиков в сравнении с чугунной логикой закона?

Таким образом, в этом странном доме посреди старого французского квартала сошлись люди, непосредственно заинтересованные в исходе дела. Как полагается в подобных случаях, о месте и времени встречи было заранее объявлено через газеты во всех городах, где предположительно проживали наследники Картера, но откликнулись на объявления немногие, и в назначенный срок лишь четыре человека расселись вокруг стола под тиканье гробовидных часов, отсчитывавших неведомо какое время, и под журчание фонтана во внутреннем дворике, куда выходило окно с неплотно задернутыми шторами. По ходу заседания лица собравшихся становились все менее различимы, теряясь в клубах ароматного дыма, – доверху наполненные курильницы уже не требовали постоянного внимания со стороны старика-негра, который неслышно перемещался по комнате, причем в движениях его была заметна постепенно нараставшая нервозность.

Председествовавший Этьен де Мариньи – красивый брюнет с густыми усами – был моложав и подтянут. Интересы наследников представлял Эспинуолл, седой и тучный, с апоплексически-красным лицом в обрамлении импозантных бакенбард. Третьим был тщательно выбритый, длинноносый, тощий и сутулый Филлипс, старый мистик из Провиденса; а что до четвертого участника собрания – смуглого бородача со странно неподвижным, резко очерченным лицом, – то его возраст не поддавался определению. Характерный тюрбан указывал на его принадлежность к касте браминов, а угольно-черные, сверкающие глаза казались лишенными радужной оболочки и смотрели на окружающих словно из какой-то невероятной глубины. Он представился свами Чандрапутрой, мистиком из Бенареса, имеющим важное сообщение для собравшихся. Де Мариньи и Филлипс были знакомы с этим человеком по переписке и высказались за то, чтобы допустить его к обсуждению. Говорил он без выражения, глухо и как-то механически, словно английский язык был плохо совместим с его речевым аппаратом, но при всем том выстраивал фразы гладко и правильно, не хуже, чем это сделал бы урожденный англосакс. Европейский костюм болтался на нем как на вешалке, что в сочетании с косматой черной бородой, тюрбаном и большими белыми рукавицами придавало ему нелепо-экзотический вид.

Первым взял слово де Мариньи, вертя в руках свиток пергамента, найденный в машине Картера.

– Я не смог расшифровать эти письма, – сказал он. – Не преуспел в этом и присутствующий здесь мистер Филлипс. По утверждению полковника Черчуорда, текст составлен не на языке наакаль и также не имеет ничего общего с письменностью острова Пасхи, хотя резные изображения на шкатулке напоминают скульптуры с этого острова. Лично мне бросилась в

глаза одна интересная особенность: эти знаки кажутся небрежно размещенными вдоль горизонтальной оси, как будто свисая с нее под разным наклоном. Нечто похожее я наблюдал в рукописи, принадлежавшей бедняге Харли Уоррену, который получил ее из Индии в девятнадцатом году, как раз когда мы с Картером были у него в гостях. Он заявил, что нам лучше ничего не знать об этой вещи, имевшей, как я понял из его намеков, внеземное происхождение. Уоррен взял ее с собой на кладбище той декабрьской ночью, и рукопись пропала вместе с ним. Недавно я отправил нашему другу, присутствующему здесь свами Чандрапутре, изображения некоторых знаков из той книги, воспроизведенные мною по памяти, а также фотокопию текста с данного пергамента. Надеюсь, что он, проведя изыскания и консультации, сможет пролить свет на эту загадку. Теперь о ключе, – продолжил де Мариньи. – У меня есть его снимок, в свое время присланный Картером. Изображенные на нем символы не являются буквами как таковыми, но по ряду признаков могут быть отнесены к той же культурной традиции, что и знаки на пергаменте. В своих письмах Картер утверждал, что вплотную приблизился к их расшифровке, но никогда не сообщал подробностей. По сему поводу на него как-то раз нашло подобие поэтического вдохновения. Древний серебряный ключ, писал он, откроет одну за другой все двери, что преграждают нам вход в коридоры пространства и времени, ведущие к самой последней Границе, которую не пересекал ни один человек с той поры, как гениальный Шаддад воздвиг и сокрыл под песками Аравии циклопические купола и несчетные башни Ирема, города тысячи колонн. Лишь изредка изможденные дервиши и обезумевшие от жажды кочевники, писал Картер, доносили до нас вести о монументальном портале с изображением гигантской Руки над замковым камнем свода, но никто из людей не сумел пройти под этой аркой и, вернувшись назад, заявить с полным правом, что оставил следы своих ног на красном песке по ту сторону. Серебряный ключ, по мнению Картера, был именно тем, чего ждала раскрытая ладонь каменной Руки... Мы не знаем, почему Картер, уходя, не взял вместе с ключом и пергамент. Возможно, он забыл о свитке или намеренно поостерегся его брать, памятуя об участии другого человека, который прихватил свиток с похожими знаками, спускаясь в кладбищенский склеп, и оттуда уже не вернулся. А может, для задуманного им дела этот пергамент просто не был нужен.

Де Мариньи сделал паузу, которой воспользовался мистер Филлипс, заговоривший резким пронзительным голосом:

– О странствиях Рэндольфа Картера нам известно только из наших собственных сновидений. Я посетил во сне много удивительных мест и среди прочего узнал важные новости, когда был в Ултаре, что за рекой Скай. Похоже, Картер неплохо устроился и без помощи пергамента – он действительно вернулся в мир своих детских грез и был провозглашен королем Илек-Вада.

Апоплексическая физиономия мистера Эспинуолла потемнела еще больше, приобретая густо-багровый оттенок, и он вскричал, брызжа слюной:

– Неужели никто не заткнет рот старому дуралею? Я уже сыт по горло всей этой бредятиной! Мы здесь для того, чтобы делить наследство, так давайте этим и займемся, в конце концов!

И тут впервые прозвучал глухой неестественный голос свами Чандрапутры.

– Господа, эта проблема сложнее, чем вы полагаете. Мистер Эспинуолл напрасно насмехается над снами как источником информации. В свою очередь, мистер Филлипс представил нам далеко не полную картину – возможно, из-за того, что не досмотрел свой сон. Сам я придаю большое значение и уделяю много времени снам – у нас в Индии это давняя традиция, – и точно так же, насколько мне известно, относились к сновидениям все люди в роду Рэндольфа Картера. Вы, мистер Эспинуолл, не в счет – будучи родственником по материнской линии, вы не связаны кровно с этим семейством. Мои сновидения, а также некоторые другие источники раскрыли многое из того, что вам до сих пор оставалось неясным. К примеру, что касается пергамента – кстати, тогда еще не расшифрованного: он был оставлен в автомобиле исключительно по оплошности, хотя в интересах Картера было иметь свиток при себе. В целом мне

удалось достаточно подробно проследить ход событий после того, как Картер, взяв серебряный ключ, покинул машину на закате дня седьмого октября, четыре года назад.

Эспинуолл недоверчиво хмыкнул, но двое ученых все своим видом выражали заинтересованность. Дым от курильниц густыми клубами заволакивал комнату, а тиканье часов напоминало чехарду точек и тире какой-то фантастической морзянки, передающей непонятные сообщения из других миров. Индус откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и продолжил рассказ своим странно безжизненным голосом, но при том на правильном и образном английском языке. И постепенно перед слушателями начала вырисовываться картина происходившего в тот октябрьский день.

II

Холмистая местность за Аркхемом была издавна насыщена магией – возможно, еще той самой, которую вызвал с далеких звезд и из глубин земли старый колдун Эдмунд Картер, обосновавшийся здесь после бегства из Салема в 1692 году. Как только Рэндольф Картер очутился среди знакомых с детства холмов, он понял, что где-то совсем рядом находятся магические врата – одни из тех, пройти которые удавалось лишь немногим отчаянным, отверженным или отрешившимся, таким путем сумевшим преодолеть разделительную стену между нашим миром и непознаваемой бесконечностью. Картер чувствовал, что именно в этом месте и в этот день года он может с успехом завершить дело, начатое несколькими месяцами ранее, когда он разгадал значение символов на потускневшем, невероятно древнем серебряном ключе. Теперь он знал, как его нужно поворачивать, держа под определенным углом к закатному солнцу, и какие ритуальные сочетания звуков следует произнести в пустоту одновременно с девятым и последним поворотом ключа. Здесь, в непосредственной близости от заветных ворот, ключ не мог его подвести, и Картер был уверен, что этой ночью он снова окажется в мире своего детства, об утрате которого он никогда не переставал скорбеть.

Положив ключ в карман, он выбрался из автомобиля и зашагал к вершине холма – в самое сердце этой безлюдной глуши, минуя увитую лозами изгородь, полосу угрюмого чернолесья, узловатые ветви заброшенного сада, пустые оконные глазницы бывшей фермы и остатки еще каких-то построек. А когда закатное солнце алыми бликами заиграло на далеких шпилях Кингспорта, он извлек из кармана ключ, направил его в нужную сторону и повернул девять раз, произнося заклинание. Магический ритуал подействовал даже быстрее, чем он успел это осознать.

В сгуставшихся сумерках прозвучал знакомый голос из далекого прошлого – это был Бениджа Кори, старый слуга его двоюродного деда. Но разве старик не умер тридцать лет назад? Хотя постой, какие тридцать лет? Какой сегодня день? Который час? Где он только что был? И если старый Бениджа разыскивает его поздно вечером седьмого октября 1883 года – чему тут удивляться? Разве он не обещал тетушке Марте вернуться домой засветло? А что это за ключ в кармане его куртки – там, где должна лежать подзорная труба, подаренная отцом два месяца назад, на его девятый день рождения? Где он нашел эту серебряную штучку – кажется, на чердаке их дома в Бостоне? Нельзя ли с ее помощью отпереть закупоренный плитой ход в дальнем конце Змеиного логова? Местные всегда сторонились этого угла, связывая его с колдуном Эдмундом Картером, и никто из них даже не пытался проникнуть в глубь Логова, где узкая, прикрытая корнями расщелина вела во мрак огромного зала. Хотел бы он знать, кто именно потруился, высекая в скальной стене контуры арки? Не сам ли старый Эдмунд приложил к этому руку? Или то были иные силы, действовавшие по его велению? Все эти мысли вертелись в голове маленького Рэндольфа, когда он вечером ужинал с дядей Крисом и тетей Мартой под кровом старинного дома.

На рассвете следующего дня он покинул дом через заднее крыльцо, продрался сквозь спутанные ветви яблоневого сада и побежал к старой вырубке, где под сенью исполинских дубов чернел запретный и манящий вход в Змеиное логово. Второпях он не заметил потери носового платка, выпавшего, когда он в очередной раз нащупывал серебряный ключ в кармане куртки. Нырнув в отверстие пещеры, мальчик уверенно двинулся вперед, освещая себе путь спичками, предусмотрительно взятыми из комода в гостиной. Спустя еще минуту он протиснулся через расщелину и, очутившись под сводом просторного зала, сразу направился к дальней стене, средняя часть которой напоминала большую, тщательно обработанную плиту с арочным закруглением сверху. Здесь он долго простоял в молчании, зажигая одну спичку за другой и разглядывая поверхность плиты, по которой каплями стекала влага. Каменный выступ над аркой имел определенное сходство с раскрытой ладонью гигантской руки. Достав из кармана серебряный ключ, он проделал необходимые манипуляции и произнес комбинацию звуков, имея лишь смутное представление о том, откуда ему эти вещи известны. Все ли он сделал правильно? Сейчас он твердо знал только одно: ему нужно преодолеть барьер, отделяющий эту реальность от вольных просторов грез, от той величественной бездны, где исчезают все измерения, растворяясь в бесконечности.

III

Дальнейшее едва ли можно описать словами. Подобному нагромождению парадоксов, противоречий и аномальных явлений нет места в нашей повседневной жизни, однако в своих фантастических снах мы зачастую воспринимаем эти вещи как нечто само собой разумеющееся – вплоть до момента возвращения к объективной реальности, ограниченной жесткими рамками причинно-следственных связей и трехмерной логики. По ходу рассказа индийского гостя обычный здравомыслящий человек вполне мог ощутить себя объектом какого-то дурацкого розыгрыша (чего, к примеру, стоила одна лишь мысль о превращении взрослого мужчины в девятилетнего мальчишку). Мистер Эспинуолл с отвращением фыркнул, всем своим видом показывая, что не намерен слушать эту ерунду. Рассказ между тем продолжался.

Магический ритуал, совершенный Рэндольфом Картером в глубине пещеры, возымел свое действие. Уже первые его движения и первые произнесенные им звуки породили явственные перемены в окружающей обстановке. Пространство и время исказились, при том что эти искажения не были заметны внешне – просто такие понятия, как «длительность» или «местоположение», в одночасье утратили всякий смысл. Днем ранее Картер чудесным образом совершил прыжок во времени, преодолев несколько десятилетий, но теперь все различия между взрослым мужчиной и мальчиком исчезли. Отныне это был просто Рэндольф Картер, наделенный комбинацией образов, которые утратили всякую связь с земными событиями и явлениями. Еще мгновение назад он стоял в пещере, перед высеченной посреди стены аркой с изображением гигантской руки. Теперь же пещеры не было, как, впрочем, не было и ее отсутствия; а гранитную стену нельзя было назвать ни реально существующей, ни иллюзорной. Существовал лишь поток впечатлений – не столько зрительных, сколько воспринимаемых сознанием, – и в центре потока находился он, Рэндольф Картер, получавший и фиксирующий все эти впечатления, сам не зная каким образом.

По окончании ритуального действия Картер понял, что место, где он теперь очутился, не значится ни на каких географических картах, а здешнее время не согласуется с земной хронологией. Нельзя сказать, что природа происшедшего была ему совершенно неведома – кое-какие намеки на сей счет попадались в Пнакотикских рукописях, а в запретном «Некрономиконе» безумного араба Альхазреда данной теме была посвящена отдельная глава, значение которой он понял лишь после того, как расшифровал символы, выгравированные на серебряном ключе. Врата открылись – но то были еще не Предельные Врата. Эти лишь отделяли

земное пространство и время от вневременной области, за которой и находились Предельные Врата, ведущие в Бесконечную Пустоту вне всех планет, созвездий и вселенных.

Он знал, что в этом странствии у него должен быть Проводник – жуткое существо, обитавшее на планете за миллионы лет до появления людей, когда загадочные Предтечи возводили среди влажных первозданных лесов свои удивительные города, на заросших руинах которых много позднее паслись примитивные прародители млекопитающих. Картер вспомнил туманные рассуждения в «Некрономиконе» насчет этого Проводника.

«Дерзнувшие заглянуть за Преграду и принять Его в качестве Проводника, – писал безумный араб Альхазред, – совершают непоправимую ошибку, ибо, как сказано в Книге Тота, страшную цену придется платить всего за один только взгляд. Ушедшим на ту сторону не суждено вернуться. Бесконечность за пределами этого мира населена призраками тьмы, от которых нет спасения. Они блуждают в ночи, где защитой от них не является даже Знак Древних; они незримо присутствуют у изголовья каждой могилы, питаются тем, что исходит оттуда. Но все эти призраки – ничто в сравнении со Стражем Ворот, ведущим безрассудных за пределы всех миров, во Всепоглощающую Бездну. Он – это Умр-ат-Тавил, старейший из Властителей Древности, именуемый также Продлившим Жизнь».

Память и воображение формировали смутные образы среди бурлящего хаоса, но Картер знал, что это всего лишь продукты его собственного сознания. В то же время появление этих образов не было случайным – источником их являлась иная реальность, беспредельная, невыразимая и не поддающаяся измерению. Окружая его, эта новая реальность проявлялась посредством тех символов, какие был способен усвоить его разум, ибо земному сознанию не дано охватить все многообразие форм, существующих вне известных нам пространственно-временных измерений.

Перед его взором как в тумане проплывали картины, вероятно отображавшие очень далекое прошлое Земли. Чудовищные твари передвигались на фоне строений, какие нормальному человеку не привидятся и во сне; характер ландшафта и окружающая растительность были под стать фантастической архитектуре. Он видел подводные города и их странных обитателей; он видел башни среди бескрайней пустыни, где взлетали, уносясь в межзвездные пространства, или приземлялись, выныривая из космических глубин, крылатые, шарообразные и цилиндрические объекты. Картер старался запомнить как можно больше из увиденного, при том что сменявшиеся картины не имели как отчетливой связи между собой, так и непосредственного отношения к созерцателю. Да и сам этот созерцатель не имел постоянного облика и положения, которые все время менялись, подстраиваясь под прихотливую игру фантазии.

Прежде всего он хотел отыскать ту сказочную страну своих детских снов, где галеры поднимались к верховьям полноводного Украноса мимо золоченых шпилей Франа, караваны слонов брели сквозь напоенные ароматами джунгли Кледа, а в лунном свете сонно белели давно опустевшие, но незатронутые временем колоннады прекрасных дворцов. Однако сейчас, ошеломленный многообразием увиденного, он забыл о своей изначальной цели. В голову приходили самые дерзновенные мысли, и его уже не страшила встреча со всемогущим и ужасным Проводником.

Внезапно череда мелькающих картин сменилась более-менее устойчивым, хотя и несколько расплывчатым изображением. Перед ним вздымались каменные громады самых причудливых конфигураций, не подчинявшихся обычным законам геометрии. С неба, имевшего совершенно невообразимый оттенок, под разными углами струились потоки света, скользя по резным иероглифам на изогнутой шеренге гигантских шестигранных пьедесталов, которые были увенчаны какими-то покрытыми материей фигурами.

Еще одна фигура находилась не на пьедестале, а плыла над туманной поверхностью вдоль их подножий. В ее постоянно изменяющихся очертаниях временами проглядывало отдаленное сходство с человеческими формами, при том что высотой она раза в полтора превосходила

обычного человека. Как и фигуры на пьедесталах, она была закутана в покрывало из материи нейтрального цвета. Картер не заметил в покрывале никаких отверстий для глаз – возможно, этому существу они и не требовались, если его органы восприятия выходили за пределы сугубо физических чувств.

Последняя догадка Картера не замедлила подтвердиться, ибо существо обратилось напрямую к его разуму, не облекая это обращение в звуковую форму. Произнесенное имя должно было повергнуть пришельца в трепет, однако Рэндольф Картер не затрепетал. Вместо этого он ответил аналогичным – то есть телепатическим – образом, выказывая все знаки почтения, предписанные «Некрономиконом». Ибо перед ним был тот, кого страшился весь мир со времен, когда Ломар поднялся из морской пучины и Крылатые пришли на Землю, чтобы передать людям Древнее Знание. Да, это был он – таинственный Проводник и Страж Ворот, Умрат-Тавил, именуемый также Продлившим Жизнь.

Проводник знал (ибо ему было ведомо все сущее) о причине появления здесь Картера, а также о том, что этот искатель сновидений и тайн его не боится. В то же время Картер не ощущал никакой угрозы, исходящей от Проводника, и на мгновение заподозрил, что пугающие намеки безумного араба были вызваны обычной завистью и желанием самому совершить то, что сейчас готовился совершить он. А быть может, Проводник представлял смертельную угрозу лишь для тех, кто его боялся. Между тем мысленное обращение продолжилось, обретая в сознании Картера привычную ему словесную форму.

– Я старейший из Властителей Древности, о котором тебе ведомо, – говорил Проводник. – Мы ждали тебя – я и другие Властители. Мы готовы тебя принять, хотя ты долго медлил с приходом. У тебя есть ключ, и ты смог открыть Первые Врата. Теперь тебя ждет испытание у Предельных Врат. Если ты боишься, лучше отступишь. Ты еще можешь невредимым вернуться туда, откуда пришел. Но если ты намерен идти дальше...

Пауза могла показаться злоедей, однако мысленный сигнал по-прежнему не содержал угрозы. Картер ответил без колебаний.

– Я пойду вперед, – сказал он. – И я прошу тебя быть моим проводником.

После этих его слов Проводник сделал подобие знака – во всяком случае покров его колыхнулся, что могло предполагать поднятие руки или иное сходное по характеру движение. Когда же был подан второй знак, Картер вспомнил соответствующие указания в сокровенных книгах и понял, что приближается к Предельным Вратам. Струящийся свет принял новый – столь же непередаваемый – оттенок, и фигуры на шестигранных пьедесталах стали видны яснее. Они как будто распрямились и теперь больше напоминали людей, хотя Картер знал, что они не могли быть людьми. Над их покрытыми материей головами замаячили, переливаясь красками, высокие уборы вроде тех, что венчали безмянные статуи, высеченные неизвестным скульптором на утесах запретной горы в Тартарии; а из складок покровов выглядывали длинные жезлы с резными наконечниками в виде древних магических символов.

Картер догадался, кто это такие, откуда они явились и кому служат; он догадался и о том, каковой должна быть плата за подобную службу. Но и эта догадка не умалила его решимости идти до конца и узнать все, что он хотел узнать. Он не страшился пресловутого «проклятия», считая его всего лишь расхожим штампом – вроде тех, какие порой употребляют слепцы, клеймя всех могущих видеть, пусть даже только вполглаза. Теперь ему казалось смешным непомерное самомнение иных болтунов, рассуждавших о жестоких замыслах Властителей Древности, якобы готовых прервать свой вековечный сон, чтобы с яростью обрушиться на несчастное человечество. С тем же успехом можно было представить себе мамонта, который, забыв обо всем, неистовствует в попытке отмищения чем-то ему досадившему дождевому червю. Между тем фигуры на пьедесталах одновременно качнули резными жезлами, передавая мысленное сообщение:

– Приветствуем тебя, Старейший, и тебя, Рэндольф Картер, ибо ты, благодаря отваге своей, стал одним из нас.

Заметив, что один из пьедесталов не занят, Картер по жесту Старейшего догадался, что это место предназначено для него. Еще один пьедестал, размерами превосходивший прочие, стоял в центре образованной ими кривой линии, которую нельзя было назвать ни полукругом, ни эллипсом, ни параболой, ни гиперболой. Картер понял, что это – трон самого Проводника. Двигаясь в какой-то необычной для себя манере, Картер занял место на пьедестале; к тому времени Проводник также поднялся на трон.

Какое-то время спустя он смутно осознал, что Проводник держит под складками своих покровов некий предмет, на который было ощутимо нацелено внимание прочих окутанных материей Властителей. Предмет имел сферическую форму и был сделан из какого-то слабо светящегося металла; когда же Проводник вытянул его вперед, возникло *ощущение звука* – низкого и ритмического, хотя его ритм не совпадал ни с какими ритмами Земли. Затем почувствовался – именно почувствовался, а не слышался – монотонный напев. Холодное свечение сферы стало более интенсивным, пульсируя в такт ритмическому заклинанию. Одновременно фигуры на пьедесталах начали слегка раскачиваться, повинаясь этому ритму, а нимбы над их головами сияли тем же непередаваемым светом, что и сфера.

Здесь индус прервал свой рассказ и бросил взгляд на массивные часы в форме гроба с четырьмя стрелками и покрытым иероглифами циферблатом, чье тиканье также не совпадало ни с какими ритмами Земли.

– Вам, господин де Мариньи, – обратился он к ученому хозяину, – нет нужды пояснять, какому чужеродному ритму следовали, напевая и раскачиваясь, эти фигуры на пьедесталах. Ныне только вы один – здесь в Америке, я хочу сказать, – имеете понятие о Внешнем Пространстве. Эти часы, вероятно, прислал вам тот самый йог, о котором часто говорил бедняга Харли Уоррен, – тот самый провидец, что называл себя единственным человеком, посетившим Йан-Хо, где хранятся тайны мрачного древнего Ленга, и сумевшим вынести некие предметы из этого запретного города. Много ли вам известно об их истинных свойствах? Насколько я знаю из своих сновидений и прочих источников, создатели этих вещей имели отчетливое представление о Первых Вратах. Однако вернемся к моему повествованию.

Наконец беззвучное пение прекратилось, – продолжил индус, – сияние нимбов померкло, а фигуры перестали раскачиваться и как будто осели на своих пьедесталах. Однако сферический предмет продолжал пульсировать, излучая свет непередаваемых оттенков. Картер догадался, что Властители Древности вновь погрузились в сон, и попытался вообразить, от каких космических сновидений он отвлек их своим приходом. Еще немного погодя он осознал, что странные заклинания были частью обряда, посредством которого Проводник вызвал у Властителей Древности особый вид сновидений, отворяющих Предельные Врата, доступ к которым ему обеспечил серебряный ключ. В глубинах этого сна Властители созерцали неизмеримые внешние пространства Бесконечной Пустоты, готовясь завершить то, что они должны были сделать для Картера.

В отличие от них, Проводник не спал, усилием мысли направляя весь этот процесс. Очевидно, он наполнял конкретными образами сновидения Властителей. Картер знал, что каждый из них должен был сформировать во сне определенную картину или мысль, которые все вместе, сконцентрировавшись, создадут явление, воспринимаемое обычным земным взором. Когда это произойдет, он сможет сам контролировать процесс, обращая в реальность все, что ни вообразит. Нечто подобное он уже наблюдал на Земле – в частности, в Индии, когда объединенная воля круга посвященных придавала мысли реальное воплощение, – а также в неизмеримо древнем Атлаанате, о котором мало кто из смертных решался говорить вслух.

Картер не имел ясного представления о Предельных Вратах и о том, как через них следует проходить, так что ему оставалось лишь ждать развития событий. Он, похоже, сохранил свою

телесную оболочку и по-прежнему сжимал в руке серебряный ключ. Массивная скала перед ним имела ровную поверхность, и центральная часть этой стены все сильнее притягивала его взгляд. А затем Проводник внезапно прервал мысленное общение с Картером.

Впервые он по-настоящему осознал, сколь ужасной может быть полная тишина – одновременно как на физическом, так и на ментальном уровнях. До той поры он постоянно улавливал какой-то ритм, какую-то смутную пульсацию взвешенных измерений, но теперь вокруг воцарилось абсолютное молчание бездны. Он ощущал свое тело, но при этом не слышал собственного дыхания; а сфера Умр-ат-Тавила излучала ровное, уже не пульсирующее свечение. Нимб над покрытой головой чудовищного Проводника – более яркий, чем у прочих Властителей Древности, – сиял холодным, как будто замороженным светом.

У него закружилась голова; чувство утери пространственной ориентации возросло тысячекратно. Немногие светящиеся объекты лишь подчеркивали непроницаемость тьмы вокруг них, и хотя фигуры Властителей никуда не исчезли, здесь, в непосредственной близости от их шестигранных пьедесталов, возникало ощущение бесконечной удаленности. Мгновение спустя теплые благоухающие волны подхватили его и увлекли в то, что выглядело как окрашенное в розовые тона море дурманящего вина, чьи волны разбивались о подножия огненно-медных утесов. Потрясенный, он озирает широкий морской простор и пенистые буруны у далекого берега. К тому времени период полной тишины закончился, и плещущие волны говорили с ним на своем языке, который, впрочем, не состоял из физических звуков.

– Обладающий Истиной находится по ту сторону добра и зла, – проник в его сознание голос, не являвшийся голосом как таковым. – Обладателю Истины по силам постичь Все-в-Одном. Обладающий Истиной знает, что иллюзия – это единственная реальность, тогда как материя – не более чем обман.

И вот на поверхности каменной стены, к которой был все так же прикован его взгляд, проступили очертания титанической арки, напоминавшей ту, что он видел давным-давно в пещере, в таком далеком и кажущемся теперь нереальным трехмерном земном пространстве. С некоторым опозданием он обнаружил, что производит манипуляции с серебряным ключом, инстинктивно совершая ритуал вроде того, с помощью которого он открыл Первые Врата. Насколько он понял, розовое море, чью пьянящую влагу он ощущал на своих щеках, на самом деле было каменным монолитом, сквозь который он проник под воздействием произнесенного им заклинания и совместного мысленного усилия Властителей Древности. По-прежнему полный решимости, он двинулся вперед – и прошел через Предельные Врата.

IV

Прохождение Рэндольфа Картера сквозь каменную стену напоминало головокружительный полет в межзвездных безднах. Откуда-то издали до его сознания доносились всплески пугающе-сладостного, почти божественного ликования, биение гигантских крыльев и прочие звуки, неведомые на Земле и в Солнечной системе. Оглянувшись, он увидел не одни врата, а множество им подобных; через иные как раз проходили существа, чей облик он постарался тут же стереть из памяти.

А спустя еще мгновение он испытал ужас, какого ему не смогли бы внушить никакие чужеродные твари, – ужас, от которого он был не силах избавиться, ибо это было связано с собственной телесной сущностью. Еще при прохождении Первых Врат его облик отчасти утратил стабильность, так что он начал испытывать сложности с ощущением своего тела и пространственным восприятием окружающих его объектов, но тогда он по-прежнему ощущал свою цельность. Тогда он еще оставался Рэндольфом Картером, конкретной точкой в великой круговерти измерений. Однако сейчас, пройдя через Предельные Врата, он как будто разделился на множество существ.

Он одновременно находился в самых разных местах. На Земле 7 октября 1883 года мальчишка по имени Рэндольф Картер покинул Змеиное логово, в сумерках спустился по скалистому склону и через старый яблоневый сад добрался до дома своего двоюродного деда Кристофера, что в холмистой местности неподалеку от Аркхема. И в тот же самый момент, теперь соответствовавший 1928 году по земному исчислению, тот же Рэндольф Картер, но уже как некая смутная форма, восседал на пьедестале среди Властителей Древности в области за пределами обычных земных измерений. Был и третий Рэндольф Картер, плывший в космической бездне по ту сторону Предельных Врат. Помимо того, в хаотическом многообразии мелькавших в его сознании сцен присутствовало бесконечное множество существ, которые были «Картерами» не в меньшей степени, чем его данное проявление, летящее за Предельными Вратами.

Эти «Картеры» существовали во всех периодах земной истории, включая те, что выходили за рамки знаний и предположений ученых. Встречались «Картеры» в человеческом обличье и «Картеры» в обличье животных – как позвоночных, так и беспозвоночных – или даже растений; иные из них обладали разумом, иные же – нет. Были и «Картеры», никак не связанные с Землей и обитавшие в других мирах, звездных системах и галактиках. Споры вечной жизни перемещались в просторах космоса от планеты к планете, от одной вселенной к другой – и все они являлись частицами его самого. Отдельные видения напоминали ему давние сны – туманные либо отчетливо-яркие, промелькнувшие лишь один раз или преследовавшие его многими ночами, – а некоторые фантастические внеземные сцены были настолько узнаваемы, что это не могло не вызвать восторга, правда смешанного с ужасом.

Ужас этот возрастал по мере осознания Картером всего, что с ним случилось. Дотоле самые страшные мгновения были испытаны им в ту ночь, когда двое при свете ущербной луны отправились на старое кладбище, откуда вернулся лишь один из них, – но тот страх не шел ни в какое сравнение с этим. Ни смерть, ни душевные или физические муки не могут породить такого отчаяния, какое вызывает утрата собственной индивидуальности. Обратившись в ничто, мы обретаем забвение; но осознавать себя существующим, одновременно зная, что ты лишен собственного «я» и более не являешься единственным и неповторимым, чем-то отличным от всех других, – вот он, истинный апофеоз ужаса.

Он знал, что некогда в Бостоне жил человек по имени Рэндольф Картер, однако не знал, насколько нынешний он – очутившаяся за Предельными Вратами частица многообразной сущности – соответствует тому самому Картеру. Его собственное «я» исчезло, но в то же время он (если уместно говорить «он» о несуществующей индивидуальности) осознавал себя единицей в несметном легионе самых разных «я». Сходным образом мог бы чувствовать себя человек, чье тело внезапно превратилось в нечто вроде многорукой и многоглавой статуи из индийского храма. В растерянности он глядел на свои бесчисленные копии, тщетно пытаясь отыскать среди них подлинник, если (чудовищная мысль!) такой подлинник существовал вообще.

Эти мучительные размышления были прерваны, когда того из Картеров, что летел в пространстве за Предельными Вратами, объял ужас иного порядка, исходивший от силы, которая одновременно противостояла ему, окружала его и являлась его неотъемлемой частью, существуя сразу во всех временных и пространственных измерениях. Не проявляясь в зрительном образе, эта сила, однако, имела отчетливую индивидуальность и присутствовала как непосредственно здесь, так и в бесконечности, по которой были рассеяны прочие воплощения Картера.

Перед новым жутким явлением Картер забыл о страхах, связанных с потерей собственного «я». Эта сила была Все-в-Одном и Одно-во-Всем, сочетая все многообразие в Едином Сущем и принадлежа не к одному конкретному пространственно-временному континууму, а ко всему мирозданию, которое не имеет границ и превосходит самые смелые фантазии и любые математические расчеты. Возможно, это было то же самое, что тайные культы Земли упоминали под именем Йог-Сотот, ракообразные обитатели Юггота почитали под именем Запредельного Существа, а блуждающий разум спиральных туманностей определял как Непереводимый

Знак. Впрочем, едва узрев это явление, Картер понял, насколько бессмысленны и жалки были все попытки подогнать его под какую-то религиозную или научную концепцию.

И вот Единое Сущее обратилось к данной частице Картера, и обращение это было подобно сгустку энергии, представшему как череда гигантских, яростно пылающих и ревущих волн, в движении которых прослеживался тот же неземной ритм, что ранее присутствовал в заклинаниях, раскачивании и мерцании нимбов Властителей Древности в той области, что лежит между Первыми и Предельными Вратами. Казалось, мириады звездных миров и вселенных устремляются к одной маленькой точке в пространстве, дабы изничтожить ее в этом едином яростном порыве. И в то же время всепоглощающий ужас, несомый пламенными волнами, как будто изолировал эту частицу Картера от других его воплощений, позволив ему в какой-то мере восстановить ощущение собственного «я». Когда же он смог трансформировать пульсацию волн в понятную речевую форму, ужас сменился благоговением, и то, что недавно представлялось невыразимой жутью, обернулось сказочным великолепием.

– Рэндольф Картер, – говорилось в обращении, – мои представители в твоём мире, именуемые Властителями Древности, направили тебя сюда, ибо, хотя изначально тебе было суждено возвращение в край утраченных снов, ты с обретением большей свободы возвысился до иных, куда более высоких и достойных устремлений. Ты когда-то мечтал проплыть по золотистым волнам Украноса, отыскать заброшенные города в орхидейных джунглях Кледа и взойти на опаловый трон Илек-Вада, чьи легендарные башни и бесчисленные купола устремляются к единственной алой звезде на небосводе, чуждом твоему миру и все прочим мирам. Теперь же, пройдя первые и вторые врата, ты можешь мечтать о большем. Ты не из тех, кто, как малый ребенок, спешит отвергнуть все несовпадающее с его красивыми мечтами. В тебе есть мужество и решимость для того, чтобы раскрыть самые сокровенные тайны, лежащие в основе всех видений и снов. Я одобряю твои стремления и готов даровать тебе то, что до сих пор только одиннадцать раз даровал существам с твоей планеты, причем лишь пятеро из них были людьми или им подобными. Я готов открыть тебе Последнюю Тайну, встреча с которой губительна для слабых духом. Но до того, как ты увидишь эту самую последнюю – и самую первую – из всех тайн, у тебя остается выбор. Ты еще можешь вернуться через врата, так и не сняв пелену, застилающую твой взор.

V

Внезапно космическое волнение прекратилось, оставив Картера одного среди ледящего безмолвия. Во всех направлениях простиралась бесконечная пустота, однако искатель знал, что Единое Сущее по-прежнему здесь. И он послал в бездну мысленный ответ:

– Я согласен. Я не отступлю.

Снова всколыхнулись волны, и Картер понял, что его услышали. И почти сразу же безграничный разум обрушил на искателя поток знаний и объяснений, распахивая перед ним новые горизонты и готовя его к постижению великих тайн космоса. Он узнал, сколь наивны и ограничены представления людей о трехмерности мироздания, где в действительности существует бесчисленное множество направлений помимо простейших «вниз-вверх», «вперед-назад» и «влево-вправо». Ему было продемонстрировано ничтожество земных богов с их мелочными страстишками – ненавистью, гневом, любовью и тщеславием, с их жаждой поклонений и жертвоприношений, с их претензиями на слепую веру почитателей вопреки рассудку и самой природе.

Хотя основную информацию Картер получал в словесной форме, часть ее поступала непосредственно через чувства. Зрение – или, быть может, воображение – помогло ему ориентироваться в этой области множественных измерений, непостижимых для обычных человеческих органов восприятия. В смятении он наблюдал за могучим вихрем космических сил, вдру-

сменявшимся беспредельной пустотой. Он находился в какой-то особой точке обзора, откуда открывался вид на движение гигантских форм, к которым были неприменимы понятия «размер», «очертания» и «границы», – даже проведя всю жизнь за изучением тайн мироздания, он не мог уяснить себе их природу. Понемногу он начал понимать, каким образом мальчишка Рэндольф Картер на ферме близ Аркхема в 1883 году мог одновременно являться и призрачной фигурой на шестигранном пьедестале за Первыми Вратами, и чем-то неопределенным, представшим перед Единым Сущим в космической бездне, и всеми прочими воплощениями, промелькнувшими перед ним в калейдоскопе сцен.

Затем движение волн стало более интенсивным, помогая ему постичь все многообразие той сущности, малой частицей которой было его данное воплощение. Он осознал, что любая форма в пространстве образуется путем сечения какой-либо фигуры, существующей в большем количестве измерений. Так, квадрат является результатом сечения куба, а круг – результатом сечения сферы. В свою очередь, трехмерные куб и сфера возникают при сечении четырехмерных образов, известных людям лишь по догадкам и сновидениям; четырехмерные создаются посредством сечения пятимерных – и так далее, вплоть до невообразимой бесконечности. Мир людей и земных богов это всего лишь низшее проявление ничтожно малой величины – трехмерное сечение того, что расположено в области за Первыми Вратами, где Умр-ат-Тавил навеивает сны Властителям Древности. Люди именуют эту жалкую копию реальностью, при этом полагая нереальным многомерный оригинал, хотя на деле все обстоит прямо противоположным образом. То, что мы считаем сущностью и реальностью, есть лишь иллюзия и призрак, тогда как истинной сущностью и реальностью является как раз то, что кажется нам призрачным и иллюзорным.

Время неподвижно и, соответственно, не имеет ни начала, ни конца. Представление о времени как о чем-то движущемся и вызывающем перемены есть иллюзия. Да и само время, в сущности, является иллюзией. Прошрое, настоящее и будущее существует лишь в представлениях обитателей низших миров с малым числом измерений. Люди связывают движение времени с происходящими переменами, каковые также суть иллюзия, ибо все, что было, есть и будет, существует одновременно.

Эти откровения были поведаны Картеру в столь серьезно-величественной манере, что у него не было возможности усомниться, хотя многое из сообщенного было выше его понимания. Он безоговорочно принимал эти откровения за истину, поскольку их источником была величайшая космическая реальность, свободная от всяческих косностей и пристрастий. Да и сам его поиск разве не был основан на вере в иллюзорность и несущественность всех традиционных, поверхностных и примитивных земных понятий?

Выдержав внушительную паузу, волны продолжили свой бег и сообщили ему, что так называемые перемены, волнующие обитателей низших миров, на самом деле лишь функция их сознания, воспринимающего внешний мир под различными космическими углами зрения. К примеру, при сечении конуса под разными углами можно получить круг, эллипс, параболу или гиперболу, но при этом сам конус останется неизменным. Так и взгляды на бесконечную и неизменную реальность дают разные результаты при смене космических углов зрения. Обитатели миров с малым числом измерений, как правило, не способны самостоятельно контролировать смену этих углов в своем сознании – это доступно лишь очень немногим из них, овладевшим тайными знаниями и таким образом покорившим неподвижное время, а заодно и перемены, которые в действительности не происходят. Что касается обитающих за Вратами, то они могут менять угол зрения по своему желанию, воспринимая космос либо фрагментарно (то есть раздробленным на частицы-события), либо как неизменное целое.

Следующая пауза позволила Картеру поразмыслить над тем, что стояло за столь напугавшей его утратой собственного «я». Интуитивно соединив отдельные фрагменты откровения, он приблизился к разгадке и понял, что мог узнать о наличии мириад своих воплощений

гораздо раньше, еще только пройдя Первые Врата, однако магия Умр-ат-Тавила уберегла его от этого, чтобы страх не помешал ему правильно воспользоваться серебряным ключом при открытии Предельных Врат. Мысленно он попросил уточнить характер связей между разными его воплощениями – находившимся сейчас за Предельными Вратами, восседавшим на пьедестале среди Властителей Древности, мальчиком из 1883 года, мужчиной из 1928-го, чередой его собственных предков и бесчисленными обитателями далеких эпох и миров. Медленно всколыхнулись волны, стараясь отчетливее передать ответ, едва ли постижимый человеческим умом.

И он узнал, что все поколения существ в пределах своих измерений, а также все стадии роста каждого существа являются не более чем воплощениями его вечного прообраза, находящегося вне измерений. То есть каждый человек в роду – сын, отец, дед и так далее – и каждый этап жизни этого человека – от младенца до старика – представляют собой частицу этого вечного существа, проявившуюся при смене космического угла зрения. Посему Рэндольф Картер во все периоды его жизни, а также все предки Рэндольфа Картера – включая людей и их доисторических предшественников, обитателей Земли и иных планет – все это суть частицы одного, вечного «Картера» вне пространства и времени. Это всего лишь набор призрачных проекций единого существа, различающихся между собой только углами, под которыми в каждом отдельном случае было проведено сечение.

Малейшее изменение угла может превратить взрослого человека в ребенка; превратить Рэндольфа Картера в колдуна Эдмунда Картера, в 1692 году бежавшего из Салема в окрестности Аркхема, или в Пикмена Картера, который в 2169 году сыграет исключительную роль в спасении Австралийского континента от нашествия монгольских орд; превратить Картера-человека в существо, прибывшее на Землю с двойной планеты Китанил в системе Арктура и жившее в доисторической Гиперборее, где оно поклонялось черному идолу Цаоггуа; превратить Картера-землянина в его неимоверно далеких инопланетных предков – в обитателей того же Китанила или планеты Шонхи в другой галактике, в четырехмерный летучий разум из еще более древнего пространственно-временного континуума, в растительный мозг с черной радиоактивной кометы, что помчится по немыслимой орбите в далеком будущем, – и так далее в бесконечном круговороте космических циклов.

Вечные прообразы, населяющие бездну, не имеют формы и не поддаются никаким описаниям, и только единичные сновидцы из трехмерных миров способны догадаться об их существовании. Главенствует среди них Единое Сущее, *которое и есть прообраз самого Картера*. Происхождением от Верховного Прообраза и объясняется жадное стремление Картера и всех его предков познать сокровенные тайны космоса. В каждом из миров все великие колдуны, великие мыслители и великие художники являются воплощениями именно этого прообраза.

Ошеломленный новым откровением, Картер мысленно воздал почести Единому Сущему, частицей которого, как выяснилось, был и он сам. Волнение космоса улеглось, давая ему возможность в тишине подумать об удивительных дарах, необычных вопросах и совсем уже странных просьбах. Однако мысли путались, не в состоянии разом охватить гигантский размах открывшихся перед ним новых перспектив. Ведь, если буквально понимать все ему сообщенное, Картер, овладев искусством самостоятельной смены угла сознания, получал возможность *физически* посетить все далекие эпохи и области вселенной, ранее виденные им лишь во снах. Но как овладеть этим искусством? Тут мог сыграть свою роль серебряный ключ, с помощью которого он уже переносился из 1928-го в 1883 год, а затем сумел выйти за пределы времени. Как ни странно, даже сейчас, утратив телесную оболочку, Картер точно знал, что ключ все еще находится при нем.

Пауза в космическом волнении продолжалась, и Картер этим воспользовался, чтобы обратиться с вопросами к Единому Сущему. В этой бездне он был равноудален от всех прочих своих ипостасей – человеческих и нечеловеческих, земных и инопланетных – и горел желанием

узнать о них как можно больше. Более всего его интересовали воплощения, далеко отстоявшие во времени и пространстве от земного 1928-го года. Он не сомневался в том, что Верховный Прообраз может телесно переместить его в любое из этих созданий, и тогда он станет реальным участником сцен, которые прежде являлись ему лишь во фрагментарных видениях.

Для начала он попросил допустить его в неоднократно виденный во снах сумрачный фантастический мир с пятью разноцветными солнцами и неизвестными созвездиями на небосводе – в мир гигантских черных скал, причудливых металлических башен, неизвестно куда ведущих туннелей и загадочных парящих цилиндров, населенный существами с клешнеобразными конечностями и головами, напоминающими морды тапиров. У него было смутное предчувствие, что этот мир окажется наилучшим местом для последующего установления контактов со множеством иных миров. Страха он не испытывал: как и во всех загадочных ситуациях, с которыми он сталкивался в своей жизни, любознательность взяла верх над остальными чувствами.

Качнулись волны, и Картер понял, что его просьба удовлетворена. А Единое Сущее уже начало рассказ о черных межгалактических безднах, которые он должен будет преодолеть, о пяти близко расположенных звездах, вокруг которых вращалась нужная ему планета, и о тающих в глубоких норах чудовищах, с которыми вели упорную борьбу клешнерукие обитатели планеты. Верховный Прообраз объяснил ему, под каким углом следует повернуть плоскость его сознания относительно пространственно-временных элементов искомого мира, чтобы вселиться в тело своего тамошнего воплощения. При этом он должен четко усвоить и не забывать свои символы – в противном случае он не сможет вернуться назад.

Картер послал в ответ мысленное подтверждение, догадавшись, что упомянутые символы – это знаки, изображенные на серебряном ключе, который уже успешно перемещал его из 1928-го в 1883 год. Почувствовав его нетерпение, Единое Сущее изъявило готовность начать процесс. Бег волн резко прекратился, и на мгновение все вокруг как будто замерло в ожидании.

А затем раздался низкий рокочущий гул, стремительно набиравший силу и переросший в чудовищный гром. И вновь Картер почувствовал себя точкой в пространстве, на которой под звуки уже знакомого чужеродного ритма фокусировалась неистовая энергия, одновременно создавая ощущение обжигающего звездного пламени и ледящего холода космической пустоты. Перед ним мелькали, скрещивались и переплетались лучи, цвета которых были неизвестны в спектрах этой вселенной. Картер стремительно перемещался в пространстве, но при всей скорости этого движения все же успел на мгновение увидеть одинокую фигуру, восседавшую на туманном троне шестиугольной формы...

VI

Индуc сделал паузу в повествовании. Де Мариньи и Филиппс всем своим видом выражали внимательный интерес. Эспинуолл, напротив, демонстративно игнорировал рассказчика, притворяясь, будто поглощен изучением лежащих на столе бумаг. Гробовидные часы тикали все в том же странном ритме, который теперь казался особенно зловещим. Иссякающий дым поднимался над курильницами фантастическими завитками, что в комбинации с гротескными фигурами на колеблемых сквозняком гобеленах вызывало неприятное, тревожное ощущение. Старик-негр, подкладывая благовония в курильницу, к тому моменту уже покинул комнату, вероятно не вынеся ощутимо нараставшего здесь напряжения. Рассказчик чуть помедлил, словно извиняясь, прежде чем продолжить.

– Полагаю, вам нелегко поверить в мой рассказ о полете в бездну, но еще менее правдоподобным вам покажется описание вполне материальных и осязаемых вещей, к которому я сейчас перехожу. Так уж устроен человеческий ум: чудеса представляются нам вдвойне невероятными, если они происходят не в привычном трехмерном мире, а в областях, которые нам

случается видеть только во сне. Я постараюсь не утомлять вас подробностями и сообщу лишь то, что вам необходимо знать.

Когда стих космический вихрь и умолк громopodobный ритм, Картеру показалось, что он вернулся в один из неоднократно виденных снов. Как и в сновидении, он обнаружил себядвигающимся в толпе клешнеруких тварей по городским улицам меж металлических стен, озаренных лучами разноцветных солнц. Взглянув на свое тело, он убедился, что сам он с виду не отличается от здешних жителей – его складчатая кожа была местами покрыта чешуей, а туловище сочленялось как у насекомого, хотя в очертаниях его и присутствовало некое карикатурное сходство с человеческой фигурой. Серебряный ключ был по-прежнему при нем, зажатый в одной из длинных заостренных клешней.

В следующий момент ощущение, будто он находится во сне, исчезло. Напротив, он почувствовал себя очнувшимся от сна, в котором видел беспредельную бездну, Единое Сущее и еще какое-то нелепое создание чужой расы, именуемое Рэндольфом Картером. Подобные видения часто посещали мага Зкаубу, жившего на планете Йаддит. Пожалуй, это происходило даже слишком часто, мешая ему должным образом творить магические обряды, которые не позволяли свирепым бхоулам выбраться на поверхность из своих нор. Эти видения порой сливались с воспоминаниями о его действительных путешествиях на фотонном звездолете по множеству инопланетных миров, но никогда еще они не выглядели столь реальными. Тяжелый, вполне материальный серебряный ключ, вдруг обнаружившийся в его правой верхней клешне, был точной копией того, что являлся ему в снах, и это неожиданное приобретение не сулило ничего хорошего. Ему надо было успокоиться, обдумать случившееся и поискать ответ в священных таблицах Нхинг. Зкауба свернул с оживленной улицы в тихий переулок, поднялся по металлической стене к дверям своего жилища и сразу направился к полке, где хранились таблицы.

С того момента миновало семь дней, и последний из них застал Зкаубу в ужасе и отчаянии – он наконец выяснил правду и вместе с ней обрел массу новых, противоречивых воспоминаний. Его душевный покой был нарушен отныне и навек, ибо он утратил цельность собственного «я». Теперь их было двое в одном теле: Зкауба, маг с Йаддита, и Рэндольф Картер из Бостона на планете Земля. Первый не мог без судорог отвращения представить себе гнусное земное млекопитающее, чей облик ему придется принять в будущем, а второй с не меньшим ужасом ощущал себя в теле уродца с клешнями, которым он был в невероятно далеком прошлом и в которого он воплотился вновь.

– Время, проведенное Картером на Йаддите, заслуживает отдельного рассказа, – продолжил свами, в чьем механическом голосе появились хрипы, свидетельствовавшие об усталости. – Он посетил Шонхи, Мтуру, Кат и многие другие миры в двадцати восьми галактиках, куда могли добираться фотонные корабли с Йаддита. С помощью серебряного ключа и некоторых других символов, известных местным магам, он путешествовал в далекое прошлое и будущее. Ему приходилось сражаться с бесцветными скользкими бхоулами в первозданных туннелях, пронизавших внутренность планеты. Много дней он провел в библиотеках за изучением наследия десяти тысяч живых и уже погибших миров. Он общался с лучшими умами Йаддита, в том числе с древнейшими мудрецами Буо. Зкауба не рассказывал никому из местных о постигшем его раздвоении личности, но всякий раз, когда в этой паре брала верх индивидуальность Картера, последний начинал лихорадочно искать способы возвращения на Землю, в свою привычную телесную оболочку, и усиленно практиковался в человеческой речи, хотя речевой аппарат Зкаубы был плохо приспособлен для таких упражнений.

Дело в том, что серебряный ключ не мог вернуть Картера в его земное воплощение, каковой жуткий факт выяснился вскоре после его прибытия на Йаддит. Причину этого он выяснил уже позднее, собрав воедино обрывки сновидений, собственные воспоминания и знания, полученные от мудрецов Йаддита. Ключ был изготовлен на Земле, в древней Гиперборе, и сила его была действительна только для сознания человеческих существ. Правда, с его помощью

можно было изменять планетарный угол наклона и перемещаться во времени, при этом оставаясь в нынешней телесной оболочке. Существовал еще ряд символов, дополнявших возможности серебряного ключа, делая их практически неограниченными, но и они были продуктом земного разума, который не мог быть воспроизведен магами Йаддита. Эти символы были записаны на так и не расшифрованном пергаменте, хранившемся в резной шкатулке вместе с серебряным ключом, и Картеру оставалось лишь горько сожалеть о том, что оставил пергамент в машине перед тем, как открыть Первые Врата. Когда Единое Сущее в ныне недостижимой бездне предупреждало его о необходимости помнить свои символы, он решил, что имеется в виду только ключ, и теперь расплачивался за эту оплошность.

Он пытался использовать всю мощь науки и магии Йаддита, чтобы найти обратную дорогу к своему Верховному Прообразу. Обретенные здесь познания помогли бы ему расшифровать текст на пергаменте, но, увы, – ему нечего было расшифровывать. А в те периоды, когда преобладание в тандеме получала индивидуальность Зкаубы, тот всеми силами старался уничтожить раздражавшие его личные воспоминания Картера.

Так проходили века и тысячелетия, если исчислять время по земным меркам, – срок, невообразимый для людей, но вполне обычный для сверхдолгих жизненных циклов обитателей Йаддита. В процессе затянувшейся борьбы двух личностей, поочередно захватывавших власть над телом, чаша весов постепенно склонилась в пользу Картера. Теперь он много времени посвящал вычислениям, уточняя расстояние между Йаддитом и Землей и временной промежуток, который отделял его от человеческой эпохи. Цифры ошеломляли – эоны световых лет, – но Картер научился ими оперировать благодаря навыкам, приобретенным на Йаддите. Кроме того, он развил в себе способность посещать Землю в сновидениях и узнал о родной планете много нового. Однако ему не удавалось увидеть во сне самое главное – текст на утраченном пергаменте.

В конце концов у него созрел отчаянный план бегства с Йаддита. Это произошло после того, как он нашел зелье, способное поддерживать Зкаубу в дремотном состоянии, не стирая при этом его личные знания и воспоминания, так что ими мог в своих интересах пользоваться Картер. Он надеялся, руководствуясь ранее сделанными расчетами, добраться до Земли на одном из местных фотонных кораблей, но это был слишком дальний полет даже для привычных к космическим путешествиям жителей Йаддита. Ему предстояло *физически* проделать весь путь через межгалактические бездны – то самый путь, что некогда *мысленно* преодолело его бестелесное воплощение. По достижении Земли он собирался, несмотря на свой инопланетный облик, отыскать и расшифровать пергамент, оставленный им в машине на сельской дороге близ Аркхема, а затем уже с помощью ключа и расшифрованных дополнительных символов вернуть себе нормальный человеческий вид.

Он прекрасно осознавал подстерегавшие его опасности. Изменить угол наклона и переместиться в будущее он мог, только находясь на поверхности планеты (в процессе полета такая тонкая операция была невозможна), но Картер знал, что в ту далекую эпоху цивилизация на Йаддите уже погибнет и планета окажется во власти бхоулов, так что старт космического корабля будет сопряжен с немалым риском. Сложность представляла также приостановка его жизненных функций на время перелета, который продлится многие тысячи лет. А в случае успешного прибытия на место опасность представляли земные бактерии и вирусы, губительные для инопланетянина с Йаддита. Значит, он должен был заранее выработать против них иммунитет. Еще одна проблема касалась его внешности – нужно было как-то замаскироваться под человека до той поры, пока не будет найден пергамент, который позволит ему в действительности восстановить свой человеческий облик. В своем нынешнем виде у него было мало шансов уцелеть – движимые страхом и ненавистью люди наверняка постараются уничтожить мерзкую тварь. Наконец, следовало позаботиться о запасе золота – к счастью, достаточно распростра-

ненного металла на Йаддите, – дабы не испытывать финансовых затруднений при поисках пергамента.

Не торопясь, обстоятельно, Картер готовился к осуществлению своего плана. По его заказу был построен одноместный корабль-капсула повышенной прочности, способный выдерживать как перемещение во времени, так и беспримерный по дальности космический полет. Он снова и снова перепроверял свои расчеты и много раз посещал в сновидениях Землю, стараясь максимально приблизиться к 1928 году. После долгих научных изысканий и экспериментов проблема приостановки жизненных функций была решена успешно, как и проблема иммунитета против земных болезнетворных организмов. Он регулярно тренировался, готовя свое тело к предстоящим перегрузкам. Изготовленные им восковая маска и мешковатый костюм позволяли не слишком выделяться среди людей. Он составил особо сильные магические формулы, чтобы отразить нападение бхоулов в момент старта с умирающей планеты далекого будущего. Позаботился он и о запасах зелья, необходимого для того, чтобы держать под контролем личность Зкаубы, пока Картер будет делить с ним одну телесную оболочку. Наконец, не было забыто и золото в количестве, достаточном для обеспечения его земных нужд.

И вот настал день, выбранный им для побега. Терзаемый сомнением и страхом, Картер взошел на стартовую платформу и забрался в фотонный корабль, предварительно известив «соотечественников» о своем намерении отправиться к тройной звезде Нитон. В тесной капсуле ему едва хватило места, чтобы надлежащим образом совершить ритуал с серебряным ключом. В самый последний момент он перевел корабль в предстартовый режим, запуская двигатель. И тотчас его тело пронзила острая боль, а небо за иллюминатором потемнело и на нем закружился хоровод незнакомых созвездий.

Так же внезапно боль отпустила. Над кораблем темнело ледяное межзвездное пространство, а сам корабль завис над поверхностью планеты – высокая стартовая платформа, на которой он был некогда установлен, за многие прошедшие века рассыпалась в прах. Земля внизу кишела гигантскими червеобразными бхоулами, один из которых приподнял свое гибкое бесцветное тело на несколько сотен футов в попытке дотянуться до корабля. Но магическая формула сработала, отразив атаку, а еще через мгновение двигатель вышел на полную мощность и помчал невредимого звездоплывателя прочь с умирающего Йаддита.

VII

В комнате новоорлеанского дома, которую некоторое время назад покинул охваченный страхом старый слуга-негр, свами Чандрапутра продолжал свой рассказ, по мере которого его механически-монотонный голос становился все более глухим и хриплым.

– Господа, я не прошу вас верить мне на слово, пока не представлю доказательства, которыми располагаю. До той поры вы вольны считать мифическим рассказ о тысячах световых лет – тысячах лет во времени и несчетных триллионах миль в пространстве, – проведенных Рэндольфом Картером в облике инопланетного существа внутри космического корабля, за тонким, но прочным корпусом из электроактивного металла. Он тщательно рассчитал время пребывания в анабиозе, чтобы выйти из него за два-три года до посадки на Землю, которая планировалась на тысяча девятьсот двадцать восьмой год или как можно ближе к этому сроку.

Он никогда не забудет свое пробуждение. Вспомните, господа, что, до того как погрузиться в многовековой сон, он в полном сознании прожил несколько тысяч земных лет в абсолютно чуждом, удивительном и пугающем мире Йаддита. При выходе из анабиоза он в первую минуту ощутил жестокий холод, затем прекратились мучившие его мрачные сны, он открыл глаза и увидел за иллюминатором звезды, созвездия и туманности, чьи очертания были ему знакомы еще по тем временам, когда он глядел в звездное небо с Земли.

Когда-нибудь его путешествие по Солнечной системе будет описано во всех деталях. Он видел ее самые дальние планеты – Кинарт и Юггот, пролетел близко от поверхности Нептуна, испещренной какими-то грибовидными образованиями мертвенно-белесого цвета. Он познал тайны, скрывающиеся облачной пеленой Юпитера, и ужасы одной из его планет-спутников. Он видел руины циклопических строений на красном марсианском диске. С приближением к Земле та превратилась из яркой точки в сияющий полумесяц, который быстро разрастался. Картер снизил скорость, хотя перед долгожданной встречей с родной планетой каждая минута промедления казалась ему мучительной.

Наконец корабль вошел в верхние слои земной атмосферы, но замедлил снижение, выжидая, когда Солнце осветит западное полушарие. Картер хотел приземлиться поблизости от того места, где покинул земной мир, – у Змеиного логова на взгорье за Аркхемом. Если вам доводилось провести долгое время вдали от родины – по крайней мере с одним из вас это произошло, насколько я знаю, – вы поймете ощущения Картера при виде округлых холмов Новой Англии, огромных вязов и разросшихся неухоженных садов за осыпающимися каменными оградами.

В рассветный час он совершил посадку на нижнем лугу старой усадьбы Картеров и с облегчением отметил царившие вокруг тишину и безлюдье. Стояла осень, как и во время его отбытия, и запах увядающей листвы кружил голову, вызывая в памяти картины прошлого. Картеру удалось переместить легкую капсулу вверх по склону и укрыть ее в Логове, хотя протиснуть ее через расщелину в дальнюю пещеру не удалось. После этого он надел маску и скрыл свое тело под человеческой одеждой. Корабль хранился в Логове более года, пока обстоятельства не вынудили Картера найти для него новое укрытие.

Он пешком добрался до Аркхема – попутно попрактиковавшись в ходьбе на людской манер и сохранении равновесия в условиях земной гравитации. В городском банке он обменял свои золотые слитки на наличные и осторожно навел кое-какие справки, выдавая себя за иностранца. Тогда-то и выяснилось, что он попал в 1930 год, то есть на два года позднее намеченного.

Что и говорить, положение его было незавидным. Не имея возможности объявиться под собственным именем, он должен был действовать без промедления и при этом все время быть настороже, к чему добавлялись проблемы с непривычной для инопланетного организма земной пищей и необходимость постоянно держать при себе запас зелья для нейтрализации личности Зкаубы. Он добрался до Бостона и снял квартиру в трущобном районе на западной окраине, где можно было жить, не привлекая к себе слишком пристального внимания. Первым делом он узнал все, что касалось наследства Рэндольфа Картера, в том числе о настойчивом стремлении мистера Эспинуолла разделить это наследство между родственниками и о достойных похвалы действиях господ де Мариньи и Филлипса, противостоявших этим попыткам.

Индус отвесил поклон двум упомянутым джентльменам, но при этом никакого выражения не промелькнуло на его смуглом, обрамленном густой бородой лице.

– Окольными путями Картер сумел раздобыть точную копию пропавшего пергамента и приступил к его расшифровке, – продолжил он. – С радостью могу сказать, что я лично помогал ему в этих делах. Он связался со мной вскоре по прибытии на Землю и уже через меня наладил контакты с другими мистиками в разных концах мира. Я приехал в Бостон и поселился вместе с ним в жалкой конуре на Чемберс-стрит. Что касается пергамента, я охотно дам господину де Мариньи все необходимые пояснения. Язык, на котором написан текст, не наакальский, как вы думали изначально, а р'льехский, на котором говорили потомки Ктулху, прибывшие на Землю много космических циклов назад. Разумеется, это всего лишь перевод, а гиперборейский оригинал был написан за миллионы лет до того на языке цат-йо.

Расшифровка оказалась более сложным делом, чем предполагал Картер, но он никогда не терял надежды. В начале этого года он существенно продвинулся вперед благодаря древней книге, доставленной из Непала, и сейчас работа уже близка к завершению. К сожалению, с

недавних пор возникло одно препятствие – подошел к концу запас зелья, усыпляющего личность Зкаубы. Впрочем, эта опасность не столь велика, как могло бы показаться, поскольку личность Картера по-прежнему имеет подавляющее влияние в тандеме и Зкаубе удастся получать контроль над телом на все более редкие и краткие промежутки времени. Обычно он пробуждается лишь в стрессовых ситуациях, но и тогда он слишком слаб для того, чтобы радикально изменить ход событий в свою пользу. Правда, однажды он чуть было не отыскал спрятанный космический корабль, намереваясь улететь обратно на Йаддит, но Картер вовремя захватил инициативу и перепрятал корабль в другое место, когда Зкауба снова впал в летаргию. До сих пор максимум, чего ему удавалось достичь, так это напугать нескольких посторонних людей да стать причиной кошмарных слухов среди поляков и литовцев, населяющих бостонский Уэст-Энд. Он не нанес существенных повреждений маскировочному наряду Картера, хотя несколько раз срывал его с тела и кое-что приходилось потом подправлять. Я видел это существо без одеяния и уверяю вас: такое зрелище может испугать кого угодно.

Месяц назад Картер прочел в газете объявление о встрече, на которой мы сейчас присутствуем, и понял, что надо срочно принять меры по спасению своего наследства. Он не мог ждать до того времени, когда будет закончена расшифровка текста и он вернет себе человеческий облик. Вот почему он поручил мне действовать от его имени, и в этом качестве я нахожусь здесь.

Господа, я уполномочен заявить вам следующее: Рэндольф Картер не умер, но временно находится, скажем так, в аномальном состоянии. Однако через два-три месяца он объявится в привычном всем вам виде и потребует наложить арест на свое имущество, если оно к тому времени уже будет распределено между наследниками. Я могу представить вам доказательства, если это потребуется. Исходя из всего сказанного, я прошу вас отложить решение вопроса на неопределенный срок.

VIII

Де Мариньи и Филлипс уставились на индуса, словно загипнотизированные, тогда как Эспинуолл издал серию бурчащих и фыркающих звуков. Раздражение законника теперь перешло в приступ ярости. Он грохнул по столу тяжелым кулаком с апоплексически вздутыми венами и заговорил резким лающим голосом:

– Как долго еще будет продолжаться это фиглярство? Вот уже битый час я выслушиваю какого-то сумасшедшего – или, скорее, жулика, – а под конец он имеет наглость заявлять, что Рэндольф Картер жив, и требует отложить рассмотрение дела! Почему вы до сих пор не вышвырнули вон этого шарлатана, де Мариньи? С какой стати мы должны терпеть издевательства всяких чокнутых проходимцев?

Де Мариньи ответил негромко, подняв руки в успокоительном жесте:

– Давайте обсудим все спокойно и без спешки. Это крайне необычная история, но кое-что из услышанного я, как человек довольно сведущий в мистике, не считаю абсолютно невозможным. И потом, с тысяча девятьсот тридцатого года я поддерживал переписку со свами, и многое из сказанного им здесь согласуется с содержанием тех писем.

Он сделал паузу, и мистер Филлипс поспешил вставить свое слово.

– Свами Чандрапутра говорил о доказательствах. Многое в этой истории мне показалось достойным внимания, и я также за последние два года получил много писем от свами, косвенно подтверждающих сказанное. Однако в некоторых своих заявлениях он заходит чересчур далеко. Имеются ли у вас реальные, вещественные доказательства?

В ответ свами все с тем же невозмутимым видом начал извлекать что-то из кармана своего просторного пиджака и медленно произнес:

– Никто из вас не видел своими глазами тот самый серебряный ключ, хотя господа де Мариньи и Филлипс знают его по фотоснимкам. Скажите, вам знаком этот предмет?

Он вытянул руку в холщовой рукавице, и на стол лег увесистый ключ из потускневшего серебра. Около пяти дюймов в длину, он был выполнен в чрезвычайно экзотическом стиле и сплошь покрыт причудливыми знаками. Де Мариньи и Филлипс дружно ахнули.

– Это он самый! – вскричал де Мариньи. – Точь-в-точь как на фото! Тут не может быть ошибки!

Но у мистера Эспинуолла и сейчас нашлось что сказать.

– Глупцы! Разве это доказательство? Если ключ в самом деле принадлежал моему кузену, пусть этот чужак – этот грязный ниггер – объяснит, как он к нему попал! Рэндольф Картер исчез вместе с ключом четыре года назад. Откуда мы знаем, что он не был убит и ограблен? Кузен был порядком не в себе и вечно якшался со всякой полоумной швалью. А ну-ка, черномазый, скажи нам, где ты взял ключ? Может статься, ты сам убил Картера?

На лице свами не дрогнул ни один мускул, но черные глаза без радужной оболочки недобро сверкнули.

– Держите себя в руках, мистер Эспинуолл. Я мог бы предъявить еще одно доказательство, но боюсь, оно произведет на присутствующих нежелательный эффект. Давайте же будем разумными. Вот бумаги, составленные уже после тысяча девятьсот тридцатого года, в чем нетрудно удостовериться. При этом стиль и характерные обороты убедительно свидетельствуют о том, что записи сделаны лично Рэндольфом Картером.

Он вынул из внутреннего кармана длинный конверт и передал его разъяренному Эспинуоллу, тогда как де Мариньи и Филлипс наблюдали за этой сценой со все возрастающим изумлением.

– Конечно, почерк разобрать трудно – не забывайте, что в настоящее время у Рэндольфа Картера нет человеческих рук, более подходящих к принятому у землян способу изображения письменных знаков, – добавил свами.

Эспинуолл бегло просмотрел бумаги, и на лице его появилось озадаченное выражение, однако он не собирался идти на попятную. В комнате сгущалась атмосфера неизъяснимого страха, а чужеродное тиканье напольных часов оказывало какое-то демоническое воздействие на де Мариньи и Филлипса, при том что Эспинуолл, казалось, совсем не замечал этого ритма.

– Судя по всему, это ловкая подделка, – заявил он. – Если же бумаги подлинные, это может означать, что Рэндольф Картер находится под контролем неких преступников. В этом случае самым правильным будет немедленно арестовать и допросить этого негодяя. Позвоните в полицию, де Мариньи.

– Не будем спешить, – сказал хозяин дома. – Вряд ли это дело требует вмешательства полиции. У меня есть другое предложение. Мистер Эспинуолл, этот человек имеет репутацию выдающегося мистика. По его словам, он пользуется полным доверием Картера. Быть может, вы будете удовлетворены, если он сумеет ответить на некоторые вопросы, понятные лишь очень немногим людям, от которых у Картера не было никаких секретов? Я был близок с Картером и могу задать нужные вопросы. Позвольте только принести одну книгу, как раз подходящую для такой проверки.

Он направился к двери библиотеки, сопровождаемый Филлипсом, который выглядел ошеломленным и как будто не вполне осознавал свои действия. Эспинуолл остался на месте, пристально наблюдая за тем, как Чандрапутра неловко запихивает в карман серебряный ключ. Внезапно юрист издал вопль, заставивший де Мариньи и Филлипса остановиться на пути к двери.

– Черт побери, я понял! Мерзавец вовсе не тот, за кого себя выдает! Бьюсь об заклад, он никакой не индус. И это лицо – вовсе не лицо, а маска! Вдобавок фальшивая борода и тюрбан. Он сам же навел меня на эту мысль болтовней о маскировке. Этот тип – обычный аферист,

как я и предполагал. И никакой он не иностранец – судя по манере речи, он скорее смахивает на янки. А эти дурацкие рукавицы, думаете, зачем? Да затем, чтобы не оставлять отпечатки пальцев. Чертов ублюдок, сейчас я сорву с тебя эту штуку...

– Стойте! – раздался режущий слух голос свами. – Я обещал при необходимости привести еще одно доказательство, но надеялся обойтись без этого. Старый сутяга прав: я не индеец и мое лицо действительно скрыто под маской – но это *не человеческое лицо*. Остальные двое, как я вижу, догадались об этом еще раньше по ходу моего рассказа. Не советую трогать эту маску, Эрнест, – тебе очень не понравится то, что ты под ней найдешь. Пора бы и тебе наконец понять уже понятное другим: я – *Рэндольф Картер*.

Все замерли. Де Мариньи и Филлипс, находившиеся в другом конце комнаты, наблюдали за сменой выражений на багровой физиономии юриста, тогда как фигура в тюрбане была видна им только со спины. Часы продолжали отбивать свой ужасающий ритм; клубы дыма и раскачивающиеся гобелены, казалось, исполняли слаженную пляску смерти. Наконец Эспинуолл вспомнил и подал голос:

– Ты меня не запугаешь, ловкач! У тебя наверняка есть иные причины скрывать свое лицо – небось, боишься, что тебя опознают? Пора с этим покончить...

Он потянул руку через стол, но свами перехватил и сжал ее своей конечностью в белой рукавице, вызвав у нападавшего крик боли и изумления. Де Мариньи бросился было к ним, но остановился, когда протестующий возглас псевдоиндуса сменился непередаваемой комбинацией из жужжащих и щелкающих звуков, какие просто не в состоянии издать голосовые связки человека. Эспинуолл пустил в ход свободную руку и на сей раз сумел дотянуться до бороды противника, сорвав ее вместе с маской.

Миг спустя в горле Эспинуолла что-то забулькало, лицо его исказила гримаса ужаса, глаза полезли из орбит, а тело начало конвульсивно дергаться, как при эпилептическом припадке. Лжесвами меж тем отпустил его руку и, не прекращая жужжать и пощелкивать, поднялся из-за стола. Затем двое стоявших позади него зрителей увидели, как фигура в тюрбане как бы сложи-лась, принимая позу, совершенно неестественную для человека, и заковыляла по направлению к занимавшим стенную нишу гробовидным часам. Со своей позиции де Мариньи и Филлипс не видели лица, с которого только что была сорвана маска. Их внимание отвлек Эспинуолл, тяжело рухнувший на пол. Этот шум вывел их из оцепенения, но, когда они подоспели к упавшему, тот был уже мертв.

Оглянувшись затем на неуклюже передвигавшегося свами, де Мариньи заметил, как с его руки слетела белая рукавица, обнажив вместо кисти что-то черное и продолговатое. Задымление в комнате помешало рассмотреть отчетливее, а когда де Мариньи двинулся было следом, мистер Филлипс остановил его, схватив за плечо.

– Не нужно! – прошептал он. – Мы не знаем, кто сейчас управляет этим телом. Вспомните о том самом Зкаубе, маге с Йаддита...

Тем временем фигура в тюрбане добралась до стенной ниши, и двое наблюдателей разглядели сквозь дым черную клешню, совершающую какие-то манипуляции у покрытой иероглифами высокой дверцы напольных часов. Затем раздался громкий щелчок, и фигура исчезла в открывшемся проеме, притворив за собой дверцу.

Не сдерживаемый более коллегой, де Мариньи устремился к часам и заглянул внутрь, но там уже никого не было. Часы же продолжали отбивать свой неестественный, мрачный космический ритм, сопровождающий открытие переходов между мирами и измерениями. На полу посреди комнаты валялась белая холщовая рукавица, а рядом со столом лежал мертвец, все еще сжимавший в руке маску с фальшивой бородой, но никаких иных следов недавнего пребывания чужака здесь не осталось.

За прошедший с той поры год ничего нового о судьбе Рэндольфа Картера узнать не удалось. Вопрос о его наследстве так и остается нерешенным. Как выяснилось, по бостонскому адресу, с которого пресловутый свами Чандрапутра отправлял письма различным ученым-мистикам, действительно проживал в 1930–1932 годах странного вида индус, который покинул эту квартиру незадолго до описанной выше новоорлеанской встречи и с той поры нигде не объявлялся. По свидетельствам соседей, он был смуглолицым и бородатым, с неподвижным бесстрастным лицом. Когда же домовладельцу показали маску, оставшуюся в руке мертвого Эспинуолла, он признал ее очень похожей на лицо своего бывшего квартиросъемщика. Последнего, впрочем, никоим образом не связывали с кошмарными привидениями, о которых ходили слухи среди населявших этот район выходцев из Восточной Европы. Лесистые взгорья за Аркхемом были обследованы в поисках «металлической капсулы», но ничего в этом роде обнаружить не удалось. Зато клерк аркхемского отделения Первого Национального банка припомнил нелепого бородача в тюрбане, который в октябре 1930 года обменял на наличные несколько золотых слитков.

Де Мариньи и Филлипс пребывали в растерянности. В конце концов, какими доказательствами они располагали? Они выслушали рассказ, но то были всего лишь слова. Они видели ключ, но его вполне можно было подделать, основываясь на тех же фотоснимках, которые Картер посылал многим корреспондентам. Имелись кое-какие документы, но все они были второстепенного характера и сомнительной подлинности. Они общались с незнакомцем в маске, но единственный человек, видевший его истинное лицо, скончался на месте от апоплексического удара. Что касается таинственного исчезновения незнакомца внутри напольных часов, то это мог быть просто обман зрения, каковой допустить нетрудно, учитывая возбужденное состояние зрителей, а также дурманящий дым от благовоний. И потом, всем известно, что индусы – большие мастера гипноза. Логично было бы предположить в «свами» мошенника, покушавшегося на наследство Рэндольфа Картера. Правда, вскрытие показало, что Эспинуолл умер в результате нервного потрясения, объяснимого скорее сильнейшим испугом, нежели вспышкой гнева. Было и еще кое-что в этой истории...

Этьен-Лоран де Мариньи частенько подолгу засиживается в своем просторном кабинете среди гротескных гобеленов и клубов ароматного дыма и со сложными, ему самому не очень понятными ощущениями прислушивается к чужеродному ритму диковинных напольных часов, циферблат которых испещрен какими-то непередаваемыми иероглифами.

Ужас Данвича

Горгоны, гидры и химеры – жуткие истории о Келено и гарпиях – могут воспроизводиться в обремененном суевериями мозгу; но они были там и прежде. Они суть образы, типы – архетипы же сидят внутри нас, и они вечны. Иначе как могли бы поражать наши души рассказы о вещах, которые мы привыкли считать пустыми выдумками? Но разве сами эти образы внушают нам ужас и разве мы действительно смертельно боимся, что будем физически поражены ими? Менее всего это так; однако существуют и страхи, невообразимо более древние, нежели человеческая оболочка... Да, они существовали и посейчас могут существовать вне ее, и они не меняют своей сущности... Мы говорим здесь о чисто духовном, спиритуальном страхе: он затмевает собой другие чувства, он переполняет нас в невинном младенчестве – и он не позволяет нам найти хоть какой-то ответ на вопрос о том, что мы увидим, доведись нам заглянуть в древнее вездное отражение нашего эго, где мы лишь улавливаем краем глаза неясный мир теней предсуществования.

Чарльз Лэм. Ведьмы и другие ночные страхи

I

Если судьба когда-нибудь забросит вас в центральную часть северного Массачусетса и вам доведется сбиться с пути на развилке дорог у пика Эйлсбери, что за Динз-Корнерз, вашему взору откроется пустынный и ни на что не похожий ландшафт. Местность здесь заметно повышается, а извилистые пыльные дороги в окаймлении полуразрушенных каменных оград порой почти теряются в мощных зарослях дикого шиповника. Деревья в попадающихся там и сям рощах кажутся неправдоподобно большими, а буйные заросли сорных злаков, куманики и прочего бурьяна наводят на мысль о том, что земли в этой местности не возделываются вот уже много лет. Впрочем, впечатление это верно лишь отчасти – кое-где все же можно увидеть засеянные поля, но их немногочисленность и скудость с ходу повергают вас в состояние глубокого уныния, как и удручающее однообразие жалких, невообразимо старых лачуг. Редкие одинокие поселенцы, празднично торчащие у своих убогих жилищ или посреди неровных каменистых лугов, настороженно провожают вас взглядами исподлобья, и, ощутив их на себе, вы уже не решаетесь подойти к кому-нибудь из них и спросить дорогу – дело тут не столько в отталкивающей внешности, которой наделила природа обитателей этих мест, сколько именно в той плохо скрытой враждебности, что сквозит в их угрюмых взорах. Проникнувшись атмосферой напряженного безмолвия, исходящего от этих уродливых скрюченных фигур, вы вдруг чувствуете, что соприкоснулись с чем-то запретным и что это может не кончиться для вас добром. А когда, поднявшись по дороге в гору, вы окажетесь на гребне холма и с этого возвышения вашему взору откроется картина мрачных лесных дебрей, на душе у вас станет еще более тревожно. Вершины холмов, настораживающие своей слишком уж неестественной, идеально закругленной формой, порой увенчаны странными кольцами из высоких каменных столбов, отчетливо видимых на фоне ясного неба.

Путь вам пересекают овраги и ущелья изрядной глубины, через которые переброшены грубо сколоченные и с виду ненадежные деревянные мосты. В низинах лежат заболоченные луга, вызывающие неосознанное отталкивающее чувство, в темное время суток переходящее в столь же неосознанный, но от этого не менее натуральный страх, навеваемый криками скрытых

во тьме козодоев и мельтешением огромной массы светлячков, заводящих свой безмолвный танец под надоедливый однообразный ритм нескончаемых лягушачьих воплей. Неторопливый Мискатоник, начиная отсюда свой путь к океанским водам, опоясывает подножья холмов тонкой извилистой лентой, напоминающей издали гигантский блестящий серпантин.

С приближением к холмам густые леса, покрывающие их склоны, внушают еще большее опасение, нежели подозрительные каменные кольца на их вершинах. Вам хотелось бы держаться подальше от этих зловещих темных откосов, вырисовывающихся во всем своем мрачном величии на фоне угрюмого, неприветливого неба, однако нет дороги, которая проходила бы от них на более-менее почтительном расстоянии. Миновав очередной холм, вы въезжаете в темный коридор старого крытого моста, и при виде этого сооружения вам становится не по себе; но другого пути нет, выбирать не приходится – и вы ныряете в этот мрачный туннель, по ту сторону которого вашему взору открывается небольшая деревушка, зажата между рекой и вертикальным склоном Круглой горы. Поселение это представляет собой скопище жалких лачуг под островерхими двускатными крышами – последняя деталь красноречиво свидетельствует о том, что дома эти были возведены не одну сотню лет назад и наверняка сильно обветшали. При более тщательном осмотре от вашего взгляда не ускользнет, что многие из домов давно уже опустели и того и гляди рухнут, а в древней церквушке с обломанным шпилем нашла себе приют убогая лавчонка – единственное торговое заведение, обслуживающее жителей этого поселка. В ноздри вам ударяет отвратительный затхлый запах – дух тлена, что веками подтачивает дома и улицы выморочной деревушки. Поднимая облака пыли, вы проносите на своем автомобиле по главной улице и, достигнув противоположной окраины, выезжаете на узкую извилистую дорогу, уводящую вас все дальше и дальше от поселка и вливающуюся через некоторое время в основную магистраль по другую сторону пика Эйлсбери, куда вы выруливаете с неизменным вздохом облегчения. После этой нечаянной экскурсии вам вряд ли придет в голову поинтересоваться названием поселка; но если все же вы проявите известное любопытство, то узнаете, что он именуется Данвич.

Приезжие всегда были в Данвиче явлением достаточно редким, в особенности после обрушившегося на поселок кошмара, вслед за которым были спешно убраны все дорожные знаки, указывающие путь к Данвичу. В этой местности, красивой по всем эстетическим канонам, вы не встретите ни художников, ни отдыхающих. Привычка избегать этих мест родилась еще два столетия тому назад, когда разговоры о кровавых шабашах ведьм, поклонении Сатане и жутких обитателях лесов вызывали у людей не смех, а приступы суеверного ужаса. Но и в наш просвещенный век люди испытывают страх перед Данвичем и его окрестностями – страх совершенно бессознательный, поскольку о Данвичском ужасе 1928 года им почти ничего не известно: сильные мира сего сочли за благо замолчать эту ужасную историю, дабы не нарушать спокойствия граждан. Скорее всего, страх этот основывается все на тех же старинных суевериях, которым так подвержены деградировавшие за долгие годы глухой изоляции обитатели медвежьих углов Новой Англии. Почти полная их отрезанность от внешнего мира и, как следствие, большое количество родственных браков сделали свое дело – жители этой затерянной глубинки давно уже выродились в особую расу, отмеченную явными признаками умственного и физического упадка. Их анналы изобилуют упоминаниями о чудовищных злодействах, загадочных смертях, кровосмешениях и иных деяниях, не менее извращенных и богомерзких; впрочем, при том удручающе низком уровне интеллектуального развития, что присущ подавляющему большинству представителей сей затерянной ветви человеческого племени, все эти дикие истории не вызывают особого удивления. Разве что доморощенная аристократия этих мест – далекие потомки двух-трех состоятельных семей, прибывших сюда в 1692 году из Салема, – еще как-то удерживается на более-менее приемлемом уровне существования, да и то верно лишь отчасти: многие из представителей побочных ветвей их генеалогических древ давным-давно уже погрязли в мерзости и нищете, тем самым лишив себя возможности

носить доставшиеся им фамилии с честью и достоинством. Отцы семейств Уэйтли или Бишопов изредка отправляют своих подросших сыновей постигать науки в Гарвардском или Мискатоникском университетах, да вот только неизвестно, чтобы хоть один из них по окончании учебы вернулся под ветхую крышу дома, где был рожден и он сам, и многие поколения его предков.

Даже от тех, кто располагает мало-мальской информацией о недавних событиях, вы не услышите ничего толкового о случившейся здесь дьявольщине, зато вам расскажут множество старинных легенд – в них повествуется о таинственных и страшных индейских обрядах, в продолжение которых туземцы вызывали с вершин круглых холмов чудовищные богохульные тени и устраивали исступленные моления под доносившийся откуда-то из-под земли жуткий грохот. В 1747 году преподобный Абийя Хоудли, новоиспеченный глава Данвичского прихода конгрегационалистской церкви, произнес страстную проповедь, предупреждая в ней свою паству о скором пришествии Сатаны. Вот что слышали от него прихожане:

«Не должно более молчать о тех богомерзких деяниях демонов преисподней, которые стали слишком очевидными, чтобы не замечать их и впредь. Сатанинские голоса *Азазеля* и *Бузраэля*, *Вельзевула* и *Велиала* доносятся уже до нас из-под земли, и не один десяток ныне живущих свидетелей, честность которых никоим образом не может быть поставлена под сомнение, готовы подтвердить это. Сам я не более как две недели назад собственными ушами слышал, как Силы Зла вели свои богохульные беседы на холме, что за моим домом, и беседы эти сопровождалась Громами, и Скрежетом, и Шипом Змеиным, и еще многими звуками, не порожденными Землею, но пришедшими из глубин Адовых, которые только Черная Магия и может обнаружить и которые только Дьявол и может отомкнуть».

Вскоре после произнесения этой проповеди мистер Хоудли бесследно исчез, но текст ее, дошедший до Спрингфилда и отпечатанный в тамошней типографии, по сей день хранится там в целостности и сохранности. Вот с какого времени берут свое начало звуки холмов, о которых ходят самые зловещие легенды и которые давно уже являются неразрешимой загадкой для геологов и физиографов.

В других преданиях рассказывается о нечистых смрадах, что исходят от корончатых кругов, образованных столбами на вершинах холмов, и о духах, молнией пронесшихся в небесах, – их нельзя увидеть, но можно услышать, если оказаться в определенных местах на дне глубоких расщелин. Еще одна загадка – Дьяволово Пастбище, склон холма, лишенный какой бы то ни было растительности: здесь вы не увидите ни деревца, ни кустика, ни даже травинки. Нельзя не отметить и тот неподдельный суеверный ужас, что испытывают аборигены перед криками козодоев. Птиц этих тут великое множество; теплыми летними ночами они кричат как оглашенные, повергая в ужас обитателей Данвича, которые всерьез считают, что с наступлением темноты козодой выходят на свою дьявольскую охоту, карауля души умирающих, и когда душа, покинув брэнное тело своего обладателя, оказывается в цепких лапах этих голосистых тварей, они тут же разражаются демоническим хохотом, который слышен на всю округу; но если душе усопшего удастся ускользнуть от ночных охотников, то разочарование охватывает их, и голоса их постепенно растворяются во мраке.

Нет нужды говорить, что этим наивным сказкам уже не одна сотня лет и что у человека образованного они могут вызвать разве только улыбку. Они стары, как сам Данвич, который появился в этой лесной глуши на много лет раньше любого другого поселения в радиусе тридцати миль. На южной окраине поселка вы можете углядеть торчащие над землей стены погребца и дымовую трубу старинного дома Бишопов, возведенного еще до 1700 года, а мельница, что лежит наполовину в развалинах, представляет собой наиболее позднее строение Данвича, сооруженное в 1806 году. Промышленности как таковой здесь никогда не было, если не считать

всплеска деловой активности где-то в XIX веке, но все благополучно заглохло короткое время спустя. Огромные каменные столбы на вершинах холмов по праву считаются самыми старыми постройками в окрестностях, но их возведение приписывают скорее индейцам, нежели потомкам белых поселенцев. Скопления черепов и костей внутри образованных столбами колец – а также на сопоставимой с ними по размерам плоской, как стол, вершине Часового холма – поддерживают всеобщую веру в то, что такого рода площадки служили когда-то местами погребения индейцам-покумтукам, хотя многие этнологи считают такую точку зрения совершеннейшим вздором и утверждают, что останки принадлежат представителям европейской расы.

II

2-го числа февраля месяца 1913 года, в воскресенье, в пять часов пополудни, в округе Данвич, в большом и наполовину пустующем фермерском доме, притулившемся на склоне холма в четырех милях от самого Данвича и в полутора милях от иного ближайшего жилища, явился на свет Уилбер Уэйтли. Эта дата у многих осталась в памяти, поскольку совпала в тот год со Сретеньем, которое, впрочем, в соответствии с данвичскими традициями носило здесь совсем другое название. Хорошо помнили и о том, что именно в тот самый день с холмов раздались демонические звуки, а собаки в продолжение всей ночи лаяли как бешеные. И конечно, в сравнении с этими обстоятельствами вряд ли можно считать существенной такую деталь, как личность матери новорожденного – а ею была опустившаяся, отталкивающего вида женщина-альбинос лет тридцати пяти, жившая со своим престарелым, наполовину уже свихнувшимся отцом, о колдовских опытах которого в годы его юности рассказывали шепотом самые жуткие истории. У Лавинии Уэйтли никогда не было мужа, но, как водилось в округе, она не стала отрекаться от ребенка, дав окружающим возможность вволю посудачить о предполагаемом отце мальчика. Самой ей до всех этих пересудов не было никакого дела – она всерьез гордилась своим чадом, столь разительно непохожим на нее: облик этого смуглого козлоподобного младенца являл собой совершеннейший контраст с некрасивыми, но в то же время более-менее стандартными чертами лица его матери и с ее ярко выраженным альбинизмом. Многим в округе доводилось слышать ее невнятные бормотания, из которых следовало, что рожденный ею мальчик наделен необычайными способностями и что его ждет великое будущее, хотя никто не думал принимать все это всерьез, ибо Лавиния Уэйтли являла собой типичный пример тихого помешательства.

Она имела обыкновение бродить по окрестным холмам целыми днями напролет, и даже жестокие проливные дожди, что разражались время от времени над Данвичем, не могли удерживать ее в четырех стенах, а недолгие часы, проводимые ею под крышей своего заброшенного жилища, она без остатка посвящала чтению огромных затхлых томов, что достались от отца, а до него переходили от одного поколения Уэйтли к другому в течение добрых двух столетий и были уже настолько изъедены червями и временем, что, казалось, должны развалиться на куски при первом же прикосновении. Не проведя ни единого дня в школе, она была буквально напичкана бессвязными обрывками старинных преданий, в которые ее посвятил старик Уэйтли, снискавший себе в округе недобрую славу знатока черной магии. Из-за этой незавидной репутации, а также из-за факта якобы насильственной смерти миссис Уэйтли, случившейся, когда Лавинии минуло двенадцать лет, люди всегда обходили стороной стоявший на отшибе фермерский дом, где обитало странное семейство. Смерть матери не особенно тронула душу юной Лавинии и уж во всяком случае не изменила ее образа жизни – так же, как и раньше, она продолжала расти в полной изоляции, с головой погрузившись в свои дикие мечты и проводя время в совершенно недетских играх. Домашние заботы ее нисколько не тяготили, что было неудивительно при том полном пренебрежении к чистоте и порядку, что царило в их семействе.

В ночь, когда родился Уилбер, люди слышали душераздирающий вопль, эхом пронесшийся над всей местностью и заглушивший даже неистовый лай собак и привычные шумы холмов. Роды прошли без доктора и без повивальной бабки, и о существовании ребенка соседи узнали неделю спустя после его появления на свет, когда старый Уэйтли прибыл в заснеженный Данвич на своей санной повозке и обратился к кучке людей, толкавшихся рядом с магазинчиком Осборна, с пространной и непонятной речью. Мало что уловив из нее, слушатели все же отметили тогда про себя, а после и вслух, ту разительную перемену, которая произошла в облике старика и особенно в выражении его глаз, неизменно затуманенных пеленой некоей непостижимой таинственности. Во всяком случае, одно было несомненно – тот суеверный страх, что он внушал окружающим, сейчас поселился в его собственной душе, хотя, казалось, не таков он был, чтобы его могли напугать обычные семейные дела. И вместе с тем в его речи сквозило нечто вроде гордости за своего внука, и еще многие годы после того вспоминали жители Данвича слова, сказанные им об отце ребенка:

– Что мне до ваших пересудов о нем – вы сами скоро увидите, каков вырастет парень у Лавинии, коли он пойдет в отца. Уж не думаете ли вы, что только людьми, подобными вам, и населен этот свет? Знайте, что Лавиния читала в книгах и видела глазами своими то, о чем большинство из вас и помыслить неспособно. А муж, избранный ею, – самый лучший из мужей, каких вы только смогли бы отыскать по эту сторону Эйлсбери; и если бы вы знали об этих холмах хоть малую долю того, что знаю о них я, вы поняли бы, что никакое церковное венчание не сравнится с таинством в этих холмах. Внемлите же – *придет день, и вы все услышите, как дитя Лавинии назовет имя своего отца на вершине Часового холма!*

Старый Зехария Уэйтли (из ветви этого рода, не затронутой деградацией) и невенчанная жена Эрла Сойера по прозвищу Мамочка Бишоп были единственными, кому довелось увидеть Уилбера в первый месяц его жизни. Мамочка заглянула тогда в дом Уэйтли из чистого любопытства, и все ее последующие рассказы делают честь наблюдательности этой особы; что же до Зехарии, то он привел на двор старика Уэйтли пару коров олдернийской породы – тот купил их у его сына Кертиса. Этой сделкой было положено начало безостановочной веренице закупок скота для семьи маленького Уилбера, которая оборвалась только в 1928 году, когда разразился Данвичский ужас. Но странное дело – хотя с того времени дряхлый хлев во дворе Уэйтли стал регулярно пополняться крупной живностью, не похоже было, чтобы его стены ломились от изобилия в нем коров и быков. Одно время наиболее любопытные жители Данвича подкрадывались к животным, что паслись на крутом косогоре немного повыше одинокого фермерского дома, и подсчитывали их количество – благо пастуха рядом с коровами не было никогда. За всю историю этих наблюдений никому из добровольцев не удалось насчитать более одной дюжины малокровных, донельзя истощенных экземпляров. Бог знает, что послужило причиной такого их нездоровья: то ли губительная почва этого пастбища, то ли зараза, коей были поражены стены и потолок старого хлева, – но в любом случае не приходилось сомневаться, что животные на подворье Уэйтли мерли как мухи. На коже быков и коров можно было порой разглядеть какие-то раны и болячки непонятного происхождения, похожие на глубокие порезы; и некоторые из наблюдателей божились, что точно такие же болячки они видели на шее старика Уэйтли и его дочери-альбиноски.

Той же весной, буквально через пару месяцев после рождения Уилбера, Лавиния вернулась к своему излюбленному занятию – блужданию по окрестным холмам; только сейчас во время прогулок на ее руках покоился смуглокожий мальчик. Хотя интерес общественности к новорожденному угас после того, как большинству деревенских жителей удалось увидеть его своими глазами, многим из них не давало покоя то неестественно быстрое развитие, которое демонстрировал маленький Уилбер. Действительно, он рос не по дням, а по часам – уже в три месяца он не уступал размерами годовалому ребенку, а его движения и звуки голосовых связок почти сразу же после рождения отличались осмысленностью, весьма нехарактерной для

грудного младенца. Никто в округе особенно не удивился тому, что в полгода с небольшим он самостоятельно сделал первые шаги, а еще через месяц ходил совершенно уверенно.

А как-то раз – это было после Дня всех святых – в полночь на вершине Часового холма люди увидели мощное яркое зарево, исходившее оттуда, где в окружении образованных древними камнями могильных холмов возвышалась плоская, как стол, скала. Волна самых невероятных слухов прокатилась по Данвичу, стоило лишь Сайласу Бишопу – из числа относительно благополучных Бишопов – упомянуть о том, что примерно за час до появления зарева он видел, как Уилбер несясь как угорелый вверх по увенчанному плоским камнем холму, а за ним мчалась его полоумная матушка. Вообще-то на холме Сайлас появился, чтобы загнать отбившуюся от стада телку, но, увидав в тусклом свете своего фонаря два стремительно летящих силуэта, тут же забыл о возложенной на него миссии и усталился на беглецов, не спуская с них глаз до тех пор, покуда те не скрылись из виду. Удивительно было то, как им удалось продраться сквозь заросли густого кустарника, почти не подняв шума, но еще большее изумление вызвал у Сайласа тот факт, что оба они – и мать, и сын – были при том совершенно голыми. Впрочем, насчет мальчика у него потом уже не было полной уверенности – по его словам, могло статься и так, что на Уилбере были надеты темные штаны или трусы, а вокруг талии был обвязан пояс с бахромой. Впоследствии, когда Уилбер стал появляться на людях, он всегда бывал одет в полный костюм, неизменно застегнутый на все пуговицы, и одна лишь угроза в отношении целостности его наряда, не говоря уже о реальном нарушении таковой, наполняла его бешенством и страхом. Такое внимание к своему внешнему виду было в глазах данвичцев явлением примечательным, особенно в сопоставлении с ужасающей неряшливостью его матери и деда; но только после разразившегося в 1928 году кошмара жители деревни смогли понять, что скрывалось под одеждой Уилбера Уэйтли.

В январе следующего года по поселку поползли слухи, что «черный ублюдок Лавинии» заговорил – в одиннадцать месяцев от роду. Да как заговорил! Во-первых, его речь и близко не походила на тот ребяческий лепет, который исчезает у большинства детей только в три-четыре года, а во-вторых, по его выговору ни за что нельзя было признать в нем уроженца здешних мест. Особой разговорчивостью мальчик, правда, не отличался, но, когда он говорил, нельзя было не заметить, что в его речи всегда наличествовал некий неуловимый элемент, абсолютно нехарактерный для обитателей Данвича. С точки зрения смысла произносимые им предложения, включая даже те, где встречались несложные идиомы, были более чем обычными. Странным в его речи было ее звучание как таковое – слышавшие Уилбера не могли отделаться от впечатления, что вырывающиеся из его горла звуки явно отличаются от тех, что обычны для нормального человека. На лицо он выглядел гораздо старше своего возраста, хотя и унаследовал от матери и деда такую фамильную черту, как почти полное отсутствие подбородка. Вид его не по-детски крупного носа идеально гармонировал с вдумчивым взглядом темных глаз южанина и придавал лицу взрослое и в некоторой степени даже сверхъестественно умное выражение. Несмотря на это, он был все же весьма уродлив: толстые и отвислые, как у козла, губы, пористая желтая кожа, грубые и ломкие волосы, сильно вытянутые в длину уши. Очень скоро все его невзлюбили – еще сильнее, чем деда и матушку; любые разговоры о нем неизменно сводились к обсуждению колдовских деяний старого Уэйтли, в частности, о том, как однажды, стоя посреди каменного круга с огромной раскрытой книгой в руках, старик Уэйтли выкрикнул во всю силу своих легких «Йог-Сотот!» и от звука этого страшного имени содрогнулись окрестные холмы. Мальчика не любили не только люди, но и собаки, и ему всегда приходилось быть начеку, когда он проходил по улицам Данвича.

III

Тем временем старик Уэйтли продолжал покупать скот, хотя нельзя было сказать, чтобы стадо его заметно увеличивалось от этого. Он напилил бруса и досок и принялся за ремонт незаселенной части заднего крыла дома – за древностью своей оно уже ушло наполовину в землю, вернее сказать, в каменистый склон холма, на котором стоял дом. Под островерхими крышами заброшенной части здания скрывалось несколько просторных помещений, но непонятно было, для чего они вдруг понадобились старику, когда до сих пор ему и его дочери вполне хватало для проживания трех наименее обветшалых комнат первого этажа.

Многие сомневались, что у старика Уэйтли достанет сил и терпения осуществить задуманную реконструкцию, однако эти опасения оказались напрасными – несмотря на полоумное бормотание, то и дело исходившее от старика во время его трудов, качество его плотницкой работы было выше всяких похвал. Работать над домом он начал сразу же после рождения Уилбера – окружающие заметили это, обратив как-то раз внимание на сарай с инструментами, который за считанные дни был приведен в полный порядок, обит дранкой и заперт на огромный, специально купленный для этой цели замок. Заброшенный верхний этаж дома старик отделал с таким тщанием, что там, как говорится, и комар бы носу не подточил. Пожалуй, единственным проявлением его слабоумия явилось то, что он намертво заколотил все окна реконструированной части здания, – хотя злые языки утверждали, что его затея с восстановлением этого дома уже сама по себе есть чистой воды сумасшествие. Правда, против одной из комнат нижнего этажа, которую старый Уэйтли оборудовал специально для своего новорожденного внука, никто не посмел возразить: эти действия всем без исключения представлялись совершенно естественными, тем более что те, кто был вхож в дом Уэйтли, собственными глазами видели эту комнату – в отличие от помещений второго этажа, куда хозяин дома не допускал никого. Комнату Уилбера старик сплошь уставил уходящими под самый потолок книжными полками и без промедления заполнил их своими полусгнившими древними фолиантами, которые до того времени были беспорядочно свалены по углам многочисленных помещений старого дома.

– Да, неплохую они сослужили мне службу, – говаривал он, сидя за какой-нибудь из своих книг и любовно починая ее ветхие, потемневшие от времени страницы с помощью клея, собственноручно сваренного им на ржавой кухонной плите, – но этот парень извлечет из них куда больше толку. Уж будьте уверены, он-то вычитает оттуда все, что только можно, – а не то откуда ему еще набраться знаний?

В сентябре 1914 года Уилберу стукнуло год и семь месяцев, и к тому времени его рост и развитие вызвали уже настоящую тревогу у окружающих. Ростом он был с четырехлетнего ребенка, а разговаривал бегло и необыкновенно осмысленно. Иногда он сопровождал свою мать во время ее прогулок по окрестностям, но чаще его видели бродящим среди раскинувшихся вокруг Данвича полей и холмов без всякого присмотра. Дома он с завидным прилежанием рассматривал странные картинки и таблицы в дедовских книгах – когда один, а когда в компании старика Уэйтли, который подробно разъяснял ему содержание этих фолиантов. Ремонт дома к тому времени был уже закончен, и те, кому приходилось видеть его последствия, недоумевали, для чего старику понадобилось заменять одно из окон верхнего этажа дверью из сплошного куска дерева. Эта необычная дверь располагалась на восточном фронтоне, который едва не упирался в высившийся по соседству холм; с земли к ней вел сработанный стариком деревянный помост. На этом реконструкция дома была благополучно завершена, и сарай с инструментами, такой ухоженный в период ремонта, вновь оказался заброшенным: его распахнутая настежь дверь кое-как болталась на полувывороченных петлях, и, когда однажды Эрлу Сойеру, пригнавшему старику очередную партию скота, вздумалось заглянуть в этот самый сарай, его обоняние было оскорблено весьма неприятным запахом, напоминавшим, по его сло-

вам, смрадный дух, исходящий от круглых площадок внутри индейских каменных столбов на холмах. Эрл Сойер был всерьез убежден, что в силу своей необычности это зловоние имеет явно богопротивное происхождение и уж в любом случае является надругательством над земным естеством. Впрочем, тогда его слова о дьявольской природе этого запаха были пропущены жителями Данвича мимо ушей, ибо стены их собственных домов и подсобных помещений тоже отнюдь не благоухали.

Последующие месяцы не ознаменовались ничем примечательным, если не считать того, что таинственные шумы холмов с каждым днем становились все громче и отчетливее. В 1915 году, в канун первого мая, в Данвиче ощущались такие сильные подземные толчки, что они дошли даже до Эйлсбери, а в канун Дня всех святых раздававшиеся в недрах земных раскаты чудовищного грома явственно совпадали со вспышками пламени на вершине Часового холма, и фраза «Проклятые Уэйтли – это их рук дело» была тогда на устах у каждого данвичца. Уилбер тем временем продолжал сверхъестественно быстро расти и набирать вес – в трехлетнем возрасте он уже выглядел как десятилетний ребенок. Почти все свободное ото сна время он проводил за чтением дедовских книг и сделался странно молчалив – именно тогда люди всерьез заговорили о демоническом блеске глаз на его уродливом и совершенно не детском лице. Иногда он что-то бормотал на непонятном жаргоне или напевал причудливые мелодии, и эти звуки наполняли тех, кому случайно доводилось их слышать, чувством необъяснимого страха. Неприязнь собак к нему стала притчей во языцех, и он вынужден был вооружиться пистолетом, чтобы безопасно расхаживать по округе. Порою он пускал оружие в ход, и это отнюдь не прибавляло ему популярности среди владельцев сторожевых псов.

Некоторые из тех, кто был вхож в дом Уэйтли, часто заставляли Лавинию на первом этаже в полном одиночестве, в то время как с заколоченного второго этажа доносились странные сдавленные крики и несмолкающие шаги. Вопросы о том, что такое делают ее отец и сын, уединившись наверху, она неизменно пропускала мимо ушей; но как-то раз, когда местный продавец рыбы, известный на всю округу шутник, взялся за ручку запертой двери, за которой скрывалась ведущая наверх лестница, и принялся дергать ее, бедная Лавиния побледнела как полотно и едва не упала в обморок от охватившего ее ужаса. Рассказывая об этом случае завсегдатаям данвичских лавок, торговец клятвенно уверял их, что доносившиеся сверху звуки поразительно напоминали топот лошадиных копыт. Слушатели тут же вспоминали превращенное в дверь окно второго этажа, ведущий к нему помост, прорву крупных животных, приобретенных стариком Уэйтли за последнее время – и многозначительно кивали головами. Далее на ум им приходили жуткие легенды о юности отца Лавинии и о тех странных и таинственных существах, что появляются на лике Земли, стоит лишь принести неким языческим богам в нужное время и на нужном месте жертвенного тельца, умертвив его мгновенно, как считали одни, либо медленно, по мнению других... Некоторое время спустя люди стали замечать, что поселковые собаки прониклись к стоящему на отшибе дому Уэйтли такой же яростной нелюбовью, какой они до того достаивали лишь самого Уилбера.

Отголоски мировой войны дошли до этих мест в 1917 году, когда сквайр Сойер Уэйтли, выполняя обязанности председателя местной призывной комиссии, отчаялся отыскать в Данвиче необходимое количество молодых людей призывного возраста. Правительственные чиновники, озабоченные столь явными признаками вырождения целого региона, направили туда нескольких военных и медицинских экспертов; те прибыли на место и провели тщательное исследование, с результатами которого можно ознакомиться и сейчас, пролистав подшивку любой из новоанглийских газет за те годы. За появлением этого отчета последовал наплыв репортеров в Данвич, и уж они-то постарались на славу, расписывая на все лады нравы здешней глубинки. Особенно отличились «Бостон глоб» и «Аркхем эдвертайзер», сообщавшие о странностях роста молодого Уилбера, познаниях старика Уэйтли в области черной магии, полках с таинственными книгами, наглухо изолированном верхнем этаже древнего дома на холме

и о загадочных подземных шумах, что держали в страхе обитателей этого захолустья. Уилберу было тогда четыре с половиной года; выглядел же он на все пятнадцать – на щеках и верхней губе стал уже пробиваться темный пушок и начал ломаться голос.

Эрл Сойер сопровождал репортеров и фотографов, когда те посещали дом старика Уэйтли, и в продолжение этих визитов постарался обратить их внимание на более чем необычный смрад, доносившийся из верхнего помещения. Ничего определенного по поводу этого запаха Сойер сказать не мог, но в одном не сомневался: зловоние, испускаемое сверху, было идентично мерзкому запаху, который несколькими годами раньше ему довелось учуять в распахнутом настежь сарае, где старик Уэйтли хранил свои инструменты, – и в то же время оно ничем не отличалось от того мертвенного духа, что исходил от каменных столбов, венчавших окрестные холмы. Данвичцы читали газетные репортажи с презрительными ухмылками на лицах – слишком уж много нагородили бестолковые газетчики в своих рассказах. Да и чего ради им вздумалось интересоваться, почему старик Уэйтли всегда расплачивается за купленный скот золотыми монетами, да еще и невообразимо старинной чеканки. Сами Уэйтли принимали непрощенных визитеров с плохо скрытой враждебностью, однако предпочли не вызывать еще большие кривотолки, гоня их прочь или отказываясь от беседы.

IV

На протяжении следующих десяти лет Уэйтли не привлекали к себе особого внимания на фоне в целом убогой жизни, которую вело большинство обитателей Данвича, которые постепенно привыкли к безобразиям, ежегодно творящимся в Вальпургиеву ночь и канун Дня всех святых, когда Уэйтли возжигали огни на вершине Часового холма под леденящие кровь звуки, с каждым годом все громче доносившиеся из земных недр. В то же время странные и зловещие дела продолжали твориться в их доме. Редкие посетители в один голос утверждали, что с заколоченного верхнего этажа постоянно доносятся какие-то звуки, несмотря на то что во время визита гостя встречали все члены этого странного семейства. Некоторые из визитеров подозревали, что на чердаке совершаются обряды жертвоприношения – и в самом деле, эта догадка как нельзя лучше увязывалась с тем неоспоримым фактом, что закупаемый стариком в невероятных количествах скот исчезает как в прорву. В поселке пошли уже разговоры о том, что неплохо было бы обратиться в Общество защиты животных; однако сразу было ясно, что из этой затеи ничего не выйдет, так как жители Данвича менее всего склонны были привлекать внимание посторонних людей к себе и своему поселению.

Году примерно в 1923-м, когда Уилберу минуло уже десять лет и его бородатое лицо ничем не отличалось от физиономии взрослого мужа, в доме начался второй этап больших плотницких работ. Все они происходили внутри заколоченного верхнего этажа, и по деревянным обломкам, которые старый Уэйтли и его внук выбрасывали наружу, люди догадались, что они разобрали перекрытия и, возможно, даже пол чердачного помещения, освободив все пространство между первым этажом и островерхой крышей старого дома. Большую дымовую трубу, что была установлена посреди здания, они тоже снесли, и сейчас вместо нее торчала из окна корявая жестяная труба, какие ставятся на походных кухнях.

В первую же весну после повторного ремонта старик Уэйтли заметил, что из долины Холодных Ключей к их дому стало слетаться огромное количество козодоев. Их пронзительные крики не прекращались каждую ночь, и старик воспринимал их как знамение свыше.

– Слышали бы вы, как они свистят – аккуратно со мною вместе, как я дышу, – говорил он собравшимся в магазине Осборна односельчанам, – и сдается мне, они караулят мою грешную душу. Знают, подлые твари, что она вот-вот готова покинуть меня, и, видать, никак не хотят ее упустить. Погодите, вот я окочурюсь, и вы сразу узнаете, удалось им это или нет. Ежели, когда я помру, они будут хохотать всю ночь и угомонятся только с рассветом, то, стало быть, у

них это получилось; а уж коли они сразу утихнут, как я отойду, то, значит, ничего у них не вышло. Я-то уж знаю, что не всякая душа, за какой они ведут охоту, им в аккурат достается.

В ночь на 1 августа 1924 года доктору Хаутону в Эйлсбери позвонил Уилбер Уэйтли, который, нещадно нахлестывая свою единственную лошадь, проскакал сквозь тьму до лавки Осборна, где имелся телефон. Когда доктор прибыл на место, старик Уэйтли был очень плох: слабое сердцебиение и прерывистое дыхание свидетельствовали о скором конце. Неопрятная белобрысая Лавиния и ее бородатый сынишка стояли у изголовья постели, а из пустот наверху раздавались странные звуки, как будто кто-то яростно метался туда-сюда; своим ритмом эти звуки напоминали шум океанских волн. Доктор с видимым беспокойством прислушивался к крикам ночных птиц за окном; их неисчислимый легион стройно выводил свои дьявольские песнопения в такт свистящему дыханию умирающего. От этой жуткой гармонии доктору стало не по себе, и он в очередной раз пожалел о том, что поехал на вызов в это пользующееся недоброй славой место.

Около часа ночи старик Уэйтли пришел в себя и, собравшись с силами, перестал хрипеть, чтобы сказать несколько слов своему внуку:

– Не хватает места, Уилли, скоро будет не хватать места. Ты быстро растешь – а *он* растет еще быстрее. Скоро ты дождешься от него толку, мой мальчик. Откроет тебе ворота к Йог-Сототу, и ты войдешь в них с долгой песнью на устах, а найдешь ты ее на странице семьсот пятьдесят первой полного собрания. Только обычному земному огню это не под силу, нет.

Похоже было, что старик окончательно выжил из ума. Наступила пауза, в продолжение которой стая козодоев за окном сменила ритм своих криков в соответствии с участвующимся дыханием старика Уэйтли, и тут же откуда-то издали послышались звуки, весьма напоминавшие зловещие шумы холмов. Услышав их, старик из последних сил выдавил из себя еще несколько фраз:

– Корми его регулярно, Уилли, и следи за количеством; но не позволяй ему расти слишком быстро здесь, потому что коли начнешь давать ему по четвертине, он вырастет еще до того, как ты откроешь ворота к Йог-Сототу, а этого не нужно... Только те, которые извне, могут это сработать и приумножить... Только древние, когда они захотят вернуться...

Но тут вместо слов снова пошли хрипы, и Лавиния издала жуткий визг, услышав, как отреагировали на это козодои. Старик закрыл глаза и потерял сознание; где-то час спустя он разомкнул на секунду веки, обвел всех собравшихся мутным взглядом, и затем из его горла вырвался жуткий клекот – на этот раз последний. Дикая вопли козодоев мгновенно смолкли, и доктор Хаутон, подойдя к безжизненному телу, надвинул дряблые веки на блестящие серые глаза. Лавиния всхлипнула, но Уилбер, вслушиваясь в слабые шумы снаружи, довольно ухмыльнулся.

– Упустили они его, – пробормотал он своим густым басом.

К тому времени Уилбер успел накопить изрядный запас познаний в той области, в которой его с ранних лет натаскивал старик Уэйтли. Впрочем, его эрудиция носила довольно однобокий характер и не распространялась на другие науки. Тем не менее имя его было известно во многих библиотеках, в том числе и весьма удаленных от Данвича, – он вел с ними переписку, надеясь отыскать в их архивах некоторые редкие и запрещенные книги, изданные много лет назад. Что же касается односельчан, то все они дружно ненавидели и боялись его, подозревая, что он замешан в исчезновении нескольких данвичских детей. Прямых обвинений, однако, против него никто не выдвигал – этому мешал как страх людей перед ним, так и его тугой кошелек, в котором не переводились старинные золотые монеты, коими Уилбер, как некогда его дед, рассчитывался за коров и бычков, закупаемых теперь в еще более жутких количествах. Выглядел он совершенно зрелым мужчиной и заметно превосходил окружающих ростом. В 1925 году, когда один из его корреспондентов, сотрудник Мискатоникского университета, при-

ехал в Данвич навестить своего ученого коллегу и отбыл бледным и потрясенным, – рост Уилбера уже тогда достигал шести футов девяти дюймов.

Все годы, что Уилбер жил со своей уродливой матерью-альбиноской, он относился к ней не иначе как со все возрастающим презрением и в конце концов запретил ей появляться с ним на холмах во время оргий в Вальпургиеву ночь и канун Дня всех святых. В 1926 году бедняжка призналась Мамочке Бишоп в том, что испытывает страх перед своим чудовищным отпрыском.

– Я знаю про него много всякого, что не могу тебе сказать, Мамочка. А нынче с ним такое творится, что я и сама уже не пойму. Чего хочет Уилбер? И чем он занят? Богом клянусь, ума не приложу.

В тот канун Дня всех святых холмы грохотали громче, чем когда-либо ранее. Как в течение многих лет до того, на Часовом холме вспыхнули огни; но ритмичные вопли огромной стаи козодоев, которым по всем срокам не время уже было заводить свои песни, повергли в замешательство собравшихся на празднестве. Птицы явно собрались около неосвещенного фермерского дома Уэйтли, и после наступления полуночи их пронзительные крики переросли в дьявольскую истерию, не стихавшую до самого рассвета и повергшую всю округу в состояние тихого ужаса. Затем птицы бесследно исчезли – видимо, отбыли наконец на юг, на добрый месяц запоздав с отлетом. Никто из деревенских жителей не решился дать тогда какое-либо определенное толкование этому зловещему феномену. В тот день в поселке не было зарегистрировано ни одной смерти – но с тех пор никто и никогда не встречал больше бедную Лавинию Уэйтли, уродливую полоумную альбиноску.

Летом 1927 года Уилбер починил два сарая у себя во дворе и начал перетаскивать в них свои книги и имущество. Вскоре после этого Эрл Соьер появился в магазине Осборна и заявил, что в фермерском доме всю ведутся новые плотницкие работы. Уилбер заколотил все двери и окна на первом этаже и, похоже, убрал все перегородки, как сделал наверху его дед четыре года назад. С той поры Уилбер жил в одном из сараев, и Соьер отметил, что он выглядел необычно встревоженным. Поскольку его подозревали в причастности к исчезновению своей матери, то очень немногие отваживались сейчас подходить к его жилищу. Его рост превысил уже семь футов, и не было никаких признаков того, что скоро он перестанет расти.

V

Первое путешествие Уилбера за пределы Данвичской округи явилось, несомненно, самым значительным событием следующей зимы. Его переписка с библиотекой Виденера в Гарварде, парижской «Библиотекой Насьональ», Британским музеем, Буэнос-Айресским университетом и, наконец, библиотекой Мискатоникского университета в Аркхеме не дала никаких результатов – нигде не согласились на выдачу книги, которую он так отчаянно желал заполучить. В грязной потрепанной одежде, невообразимо огромного роста – почти восьми футов, – с дешевым чемоданом в руке, купленным незадолго до того в магазине Осборна, и с темным козлоподобным ликом горгульи, появился он на улицах Аркхема, обуреваемый желанием отыскать таинственный том, хранящийся под замком в библиотеке колледжа, – жуткий «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда, переведенный на латынь Олаусом Вормием и напечатанный в семнадцатом веке в Испании. В городе он оказался впервые в жизни, но времени на знакомство с ним тратить не стал и сразу же по прибытии направился в университет. У входа на университетскую территорию он равнодушно проследовал мимо свирепого сторожевого пса, который, едва завидев нелепую фигуру Уилбера, принялся лаять и бросаться на него с какой-то одержимостью, едва не оборвав сдерживавшую его массивную цепь.

В чемодане Уилбера лежала бесценная, но, увы, неполная копия англоязычной версии «Некрономикона» в переводе доктора Ди – она перешла к нему в соответствии с дедовским завещанием. Оказавшись в университетской библиотеке и получив на руки латинскую копию,

он тут же принялся соотносить оба текста в попытках обнаружить тот самый абзац, которого не доставало на 751-й странице его собственного дефектного тома. Разумеется, он старался не привлекать к себе внимания библиотекаря, которым был, кстати сказать, его старый знакомый Генри Армитедж (магистр наук Мискатоникского университета, доктор физических наук университета Принстона, доктор литературы колледжа Джонса Хопкинса) – тот самый эрудит, что заглядывал как-то раз к нему на ферму, а сейчас сидел напротив и вежливо, но настойчиво задавал гостю вопрос за вопросом. Уилбер нехотя отвечал на них. Да, если честно, он ищет что-то вроде формулы или заклинания, содержащих страшное имя Йог-Сотот, однако разного рода расхождения, разночтения и двусмысленности делают процесс определения занятием в высшей степени непростым. После того как он переписал формулу, наконец-то найденную им среди множества всех прочих, доктор Армитедж совершенно случайно бросил взгляд на разворот латинского перевода – и ужаснулся той чудовищной угрозе человеческому разуму и самому существованию человечества, которая содержалась в тексте на левой странице.

«Не должно думать, – гласил текст, мысленно переводимый Армитеджем, – что человек есть либо старейший, либо последний властелин на Земле и что жизнь есть только то, что ему ведомо. Нет же – Властители Древности пребудут ныне, присно и во веки веков. Не в пространствах, которые нам известны, но *между* ними ходят Они, неизменные в своем властном спокойствии, лишённые измерений и невидимые для нас. Йог-Сотот знает ворота. Йог-Сотот – это ворота. Йог-Сотот – это ключ и это страж. Прошлое, настоящее и будущее – все в руках Йог-Сотота. Он знает, где Властители Древности прорывались в этот мир из древних времен и где они прорвутся вновь. Он знает, где Они ходили по полям Земли и где они ходят до сих пор и почему никто не может увидеть Их в это время. Иногда по Их духу можно определить, что Они где-то рядом, но никому не дано даже представить себе полностью Их внешность, *хотя некоторые из вас могут столкнуться с теми, кто ниспослан Ими в гуцу рода человеческого*; и на Земле можно встретить порою человекоподобных, отличных своею внешностью от классического человека, но и это не поможет вам создать в своем воображении *Их* истинный облик. Невидимые и смердящие, бродят Они в пустынных местах, где в нужную пору произносятся Слова и свершаются Обряды. Ветер носит Их голоса, и земля произносит Их откровения. Они сокрушают леса и уничтожают города, но ни лесу, ни городу никогда не дано увидеть поражающую их десницу. Кадат в холодной пустыне знал Их, но кто из людей знает сейчас, где Кадат? Ледяные просторы Юга и исчезнувшие в океанских глубинах острова скрывают от нас камни, на которых выбита Их печать, но кто видел скованный жестоким морозом город или высокую башню, увитую ракушками и морскими водорослями? Великий Ктулху приходится Им названным братом, но и он может видеть Их только в тумане. *Йа! Шуб-Ниггурат!* Только по Их духу можете вы узнать о Них. Их руки лежат у вас на горле, но вы не видите Их, и место Их обитания лежит за невидимым порогом, который охраняется. Йог-Сотот – это ключ от ворот, где смыкаются сферы. Человек властвует сейчас там, где некогда властвовали Они; и очень скоро Они будут властвовать там, где сейчас властвует человек. За летом приходит зима, и за зимою приходит лето. Они ждут, могущественные и терпеливые, и скоро вновь пребудет Их царствование».

Читая эти бессмысленные на первый взгляд строки, доктор Армитедж почувствовал неподдельный страх – осязаемый и материальный, как дуновение мертвенного воздуха древних гробниц. Ему достаточно было соотнести содержание прочитанного с недобрыми слухами о Данвиче и с тем, что он знал об Уилбере Уэйтли – начиная от его таинственного происхождения и кончая подозрением в его причастности к убийству собственной матери. Козлоподобный гигант, сторбившийся над библиотечным столом, вдруг показался ему пришельцем с другой планеты или из другого, неведомого измерения. Человеком он был только частично; другая

же составляющая его существа уходила своими корнями в черные бездны бытия, что, подобно титаническим фантомам, простерлись далеко за пределами пространства и времени, энергии и сознания. Уилбер поднял голову и заговорил своим странным резонирующим голосом, какой просто не в состоянии произвести нормальные человеческие голосовые связи.

– Мистер Армитедж, я бы очень хотел забрать с собой эту книгу. В ней есть кое-что такое, что мне надобно испробовать, но не здесь, в этой комнате. Я знаю, есть инструкции, но, полагаю, вы не возьмете на себя грех отказать мне в моей просьбе. Дайте мне ее, сэр, и я клянусь вам, ни одна живая душа не узнает об этом. Уж само собой, я буду беречь ее как зеницу ока. А эта копия Ди – так, право же, не я довел ее до такого состо...

Он осекся на полуслове, увидев на лице библиотекаря решительный отказ выполнить его просьбу. Его уродливая физиономия вытянулась еще больше. Армитедж, собравшийся было предложить Уилберу снять копию с нужной ему части, вдруг подумал о возможных последствиях этого шага – и смолчал; ибо не мог он дать ключей к зловещим неведомым сферам своему одержимому посетителю. Уэйтли понял, что ничего ему здесь не добиться.

– Ладно, чепуха какая, – произнес он нарочито небрежным тоном. – Пойду попытаю счастья в Гарварде – может быть, там сидят не такие буквоеды, как здесь.

С этими словами он поднялся с места и зашагал к выходу, пригибаясь в каждом дверном проеме. Вскоре Армитедж услышал отчаянный лай огромного сторожевого пса у калитки, и вслед за этим в поле его зрения показалась гориллоподобная фигура Уилбера, вышагивавшего по прилегавшей к университету улочке. Тут же на ум ему пришли самые невероятные легенды, когда-либо слышанные им, и истории, добросовестно приводимые в старых номерах «Эдвертайзера». Невидимые существа неземного происхождения – или, по крайней мере, берущие свое начало отнюдь не из трехмерного земного пространства – проносились над холмами и долами Новой Англии, оставляя за собою жуткий смрад и вызывая в душах людей леденящий ужас, и повисали над кругами каменных столбов на холмах. Эти истории ему приходилось слышать не раз и не два, но только сейчас он вдруг ощутил всем своим существом кошмарную близость вторжения неведомых злых сил и будто воочию увидел проблеск черного царства древних властителей вселенной. С дрожью страха и отвращения он захлопнул «Некрономикон». В помещении ощущался оставшийся после Уилбера омерзительный запах – непонятный, нечестивый дух.

– Иногда по Их духу можно определить, что Они где-то рядом, – процитировал он вслух.

Действительно, запах этот поразительно напоминал тот, что едва не свалил его с ног в фермерском доме Уэйтли более трех лет назад. Он еще раз представил себе Уилбера – страшного, отвратительного, с козлиной физиономией – и издевательски рассмеялся, вспомнив деревенские сплетни по поводу его происхождения.

– Кровосмешение? – пробормотал Армитедж вполголоса. – Боже мой, какие дураки! Да покажи им портрет великого бога Пана работы Артура Мейчена – и они всерьез подумают, что это плод обычного данвичского блуда! Однако же что за существо было отцом Уилбера Уэйтли? Жило ли оно здесь, на этой планете, либо же обитало где-то в неведомых на Земле измерениях, передав своему отпрыску дьявольское свое уродство? Родился в Сретение – как раз спустя девять месяцев после Вальпургиевой ночи тысяча девятьсот двенадцатого года, когда слухи о странных подземных шумах достигли Аркхема. Кто же бродил по горам в ту ночь? Какой потусторонний ужас получил свое воплощение в этом получеловеке?

Следующие несколько недель доктор Армитедж целиком посвятил сбору всевозможной информации об Уилбере Уэйтли и бесформенных видениях Данвичской округи. Прибыв в Эйлсбери, он нашел там доктора Хаутона – того самого, что посетил старика Уэйтли на его смертном одре, – и внимательнейшим образом выслушал последнее обращение старика к своему внуку в изложении врача. Далее последовал визит в Данвич, не принеший, однако, ничего нового; и тем не менее тщательное изучение тех страниц «Некрономикона», что так жаждал

получить молодой Уэйтли, смогло пролить некоторый свет на природу той угрозы нашей планете, о которой говорилось в дьявольском фолианте. Разговоры и переписка со специалистами, занимавшимися старинными поверьями, вызывали у него все возраставшее изумление, к которому примешивалась тревога, постепенно перераставшая в неосознанный, но от этого не менее острый страх. И с наступлением лета он понял, что нужно что-то предпринимать в отношении затаившегося в верховьях Мискатоника кошмара и той чудовищной твари, что именовалась Уилбером Уэйтли.

VI

Пролог Данвичского ужаса, потрясшего округу осенью 1928 года, имел место в период между началом мая и равноденствием, и доктору Армитеджу довелось стать одним из свидетелей этой жуткой прелюдии. К тому времени Армитедж был уже наслышан о неудачной поездке Уилбера в Кембридж и о его отчаянных попытках получить оригинал или хотя бы копию недостающих у него страниц «Некрономикона» в библиотеке Виденера. Попытки эти, впрочем, оказались для него столь же безуспешными, да и не могли быть иными, поскольку Армитедж дал на этот счет строжайшие указания служащим всех библиотек Новой Англии. Прибыв в Кембридж, Уилбер пребывал в состоянии страшного нервного напряжения: он во что бы то ни стало старался заполучить эту книгу, но при этом явно торопился назад, домой, словно опасаясь какой-то беды от своего долгого отсутствия.

В ночь на 3 августа доктор Армитедж был разбужен в своей спальне неистовым лаем огромного сторожевого пса, охранявшего территорию кампуса. Собака будто взбесилась – настолько страшными и чудовищными были издаваемые ею рыки и завывания, которые звучали с устрашающими паузами и после каждой паузы становились все громче и громче. Затем раздался крик – или визг, – поднявший с постелей многих жителей Аркхема и на всю ночь лишивший их душевного покоя, ибо он был не только оглушительно громким, но и звучал настолько чужеродно и нехарактерно для человека, что у всех, кто его слышал, кровь застыла в жилах.

Армитедж, впопыхах накинув на себя одежду, помчался по ночной улице и, подбежав к зданию университета, увидел, что некоторые любопытные уже опередили его. Вой охранной сигнализации, не смолкая, оглашал весь прилегающий к университету квартал. Озаренное мрачным светом полуночной луны, чернело распахнутое окно в библиотеку. Незваному пришельцу удалось проникнуть внутрь помещения, поскольку именно оттуда доносились лай собаки и визг ее жертвы, с каждой минутой, впрочем, постепенно ослабевавший и переходивший в басовитый стон. Какое-то шестое чувство подсказывало Армитеджу, что внутри помещения творятся сейчас невообразимо ужасные вещи, которые могут повергнуть человека неподготовленного в состояние глубочайшего шока; и потому, открывая дверь вестибюля, он, на правах лица, ответственного за библиотеку, не допустил туда никого из толпы, за исключением профессора Уоррена Райса и доктора Фрэнсиса Моргана, которых заметил среди собравшихся зевак. Это были надежные люди – еще раньше он поделился с ними своими соображениями по поводу Уилбера Уэйтли и таинственной главы из «Некрономикона». Внутри воцарилась уже полная тишина, которую нарушали лишь раздававшиеся время от времени жалобные поскливания пса; не ускользнуло от наблюдательного Армитеджа и то, что козодои, облепившие густой кустарник вокруг кампуса, завели свою дьявольскую ритмичную песнь как будто в унисон с затихавшим дыханием умирающего.

Помещение было наполнено чудовищным смрадом, хорошо уже знакомым доктору Армитеджу. Трое мужчин быстро проследовали в маленький читальный зал, откуда слышался вой собаки. Некоторое время никто не решался зажечь свет, затем Армитедж призвал на помощь всю свою отвагу и щелкнул выключателем. И тут же у кого-то из троих – сейчас уже

трудно сказать, у кого именно, – вырвался из груди дикий вой ужаса: настолько страшной оказалась представшая им на фоне сдвинутых в беспорядке столов и перевернутых стульев картина. По словам профессора Райса, он вообще потерял сознание от увиденного; впрочем, этот обморок длился всего пару секунд и потому прошел тогда незамеченным.

На полу читального зала, в зловонной луже сукровицы и вязкой, похожей на деготь массы, лежало огромное тело – даже в скрюченном состоянии оно простиралось в длину чуть ли не на девять футов. Своими острыми клыками пес разорвал на лежащем всю одежду и вырвал в некоторых частях его тела куски кожного покрова. Истерзанный уже умирал – его тело сотрясали страшные конвульсии, а грудь вздымалась в такт жутким крикам козодоев, с нетерпением ожидавших снаружи свою добычу. По всей комнате были разбросаны лоскутья одежды и обуви; на подоконнике валялся холщовый мешок. У стола, в самой середине комнаты, лежал револьвер, которым ночной пришелец так и не воспользовался, причиной чему послужил обнаруженный в стволе неисправный патрон.

Распростертое на полу существо имело, как бы банально это ни звучало, совершенно неопишемую внешность. Помимо огромного роста оно характеризовалось чертами, совершенно не поддающимися визуализации, – ибо наши представления о размерах и очертаниях слишком тесно привязаны к обычным формам жизни на Земле и к известным нам трем измерениям. Существо было человекоподобным – во всяком случае, с головой и руками, очень похожими на человеческие, а козловидное лицо без подбородка выдавало в его обладателе представителя нечестивого семейства Уэйтли. В то же время туловище и нижние члены тела имели совершенно фантастические с точки зрения тератологии формы, и только большое количество одежды позволяло ему скрывать от людей свое чудовищное уродство.

Верхняя от пояса часть тела была лишь наполовину антропоморфной: грудная клетка, на которой все еще лежали мощные лапы сторожевого пса, имела загрубелый сегментарный кожный покров, сходный с панцирем аллигатора или крокодила. Спина была разукрашена черно-желтыми узорчатыми разводами – совсем как у отдельных видов змей. Вид ниже пояса вызывал еще больший ужас – ибо здесь кончалось малейшее сходство с человеком и начиналось нечто совершенно неопишемое. Кожа, или, лучше сказать, шкура, была покрыта густой черной шерстью, а откуда-то из брюшины произрастало десятка два причудливо изогнутых зеленовато-серых щупальцев с красными присосками. Их расположение было в высшей степени странным и наводило на мысль о симметрии неведомых космических миров, лежащих далеко за пределами Солнечной системы. На обоих бедрах, в глубоко посаженных и обрамленных розоватыми ресничками орбитах, находились какие-то рудиментарные глаза, а рядом с хоботобразным хвостом в пурпурных кольцевых отметках располагалось нечто вроде недоразвитого горла или рта. Если бы не черная шерсть на ногах, то можно было бы сказать, что ноги приблизительно напоминали задние конечности доисторических земных ящеров; заканчивались они мощными ребристыми утолщениями, в равной степени не похожими ни на лапы с когтями, ни на копыта. При дыхании существа окраска его хвоста и щупальцев ритмично меняла цвет; эта способность была, по-видимому, унаследована им от далеких неземных предков, для коих это было обычным явлением. Щупальца меняли окраску с бледно-желтой в темно-зеленую, в то время как хвост из серого превращался в светло-коричневый; пурпурные же кольца сохраняли постоянную окраску. Крови – настоящей красной крови – не было, вместо нее на полу виднелась зловонная желто-зеленая сукровица, которая, затекая за пределы уже загустевшей лужи, странным образом обесцвечивала крашеный пол.

Завидев троих мужчин, лежащее на полу существо принялось, не поднимая и не поворачивая головы, бормотать что-то непонятное. Во всяком случае, это была не английская речь – доктор Армитедж не сделал тогда никаких записей, но сумел кое-что запомнить. С первых же слогов стало ясно, что бормотание это не имеет ничего общего с земной речью; доктор уловил в нем некоторые разрозненные фрагменты, взятые из «Некрономикона» – из тех самых бого-

хульных мест, ради которых существо и приняло сейчас свою страшную смерть. Затем бормотание стало совсем нечленораздельным – доктору удалось различить что-то вроде: «*H'gai, n'gha-ghaa, bagg-shoggo, y'ha;* *Йог-Сотот, Йог-Сотот...*» Постепенно голос стихал на фоне безумного ритмичного крещендо затаившихся в своем дьявольском ожидании козодоев.

Наконец хрипы прекратились; пес поднял свою огромную голову и издал долгий, страшный вой. Пение козодоев за окном тут же оборвалось, и на фоне ровного гула толпы послышались дикие крики ужаса. Огромные стаи пернатых стражей взвились в залитое лунным светом небо и умчались прочь, так и не дождавшись своей добычи.

В эту минуту пес поднялся на четыре лапы и, испуганно гавкнув, выпрыгнул прямо в окно. В толпе поднялся шум, но доктор Армитедж крикнул собравшимся, что ни один из них не будет допущен в помещение до тех пор, пока не явится полиция или коронер. Слава богу, подумал он, что окна библиотеки расположены слишком высоко для того, чтобы с улицы можно было увидеть, что делается в помещении. На всякий случай он опустил еще и шторы. Вскоре явились два полисмена, и доктор Морган, встретив их в вестибюле, принялся настойчиво уговаривать их не входить в комнату до прихода коронера, когда тело после должного осмотра будет закрыто.

На полу между тем происходили ужасные перемены. Было бы, наверное, излишним описывать *вид* полурасчлененных останков и то, как они стремительно *ужимались и разлагались* буквально на глазах доктора Армитеджа и профессора Райса; но все же необходимо отметить, что доля человеческой составляющей в Уилбере Уэйтли занимала, судя по случившимся изменениям, весьма незначительное место. Когда прибыл наконец коронер, чудовищный запах почти исчез, а на крашенных половицах осталась только липкая белесая масса. По всей видимости, тело Уэйтли не имело ни черепа, ни скелета, во всяком случае, никто не увидел и намека на них. Наверное, этим он был похож на своего неизвестного отца.

VII

И все же это был только пролог к Данвичскому кошмару как таковому. Озадаченные представители официальных кругов исполнили необходимые в подобных случаях формальности, скрыв от широкой общественности наиболее чудовищные детали. В Данвич приехали юристы, в задачу которых входило найти наследников Уилбера Уэйтли. Первое, на что они обратили внимание по приезду, было царившее в поселке страшное возбуждение – причиной этому были как сильные подземные шумы в районе проклятых холмов, так и жуткое зловоние и звуки мощных глухих ударов, доносившиеся все громче и громче из обширных пустот заколоченного дома на отшибе. Эрл Соьер, в отсутствие хозяина ухаживавший за коровами и лошадьми, получил вскоре сильное нервное расстройство. Власти всячески избегали этого заброшенного строения, с большой изобретательностью придумывая отговорки, чтобы не приближаться к нему, и появились здесь только один раз, бегло осмотрев отремонтированный незадолго до случившихся событий сарай. Они составили многословный, но совершенно пустой отчет и представили его в суд поселка Эйлсбери. Говорят, среди многочисленных Уэйтли в верховьях Мискатоника – как деградировавших, так и более-менее приличных представителей этого рода – до сих пор идут тяжбы за долю имущества, оставшегося после гибели Уилбера.

Помещенная в огромном гроссбухе и состоявшая из странных и с трудом различимых символов рукопись была, судя по обилию пробелов и разнообразию чернил и почерков, чем-то вроде дневника; она поставила в тупик тех, кто нашел ее на старинном бюро, служившем хозяину письменным столом. После недельных дебатов дневник был отправлен в Мискатоникский университет вместе с коллекцией старинных книг усопшего, с тем чтобы расшифровать и изучить эти материалы; но даже лучшие из лингвистов не были уверены в том, что им удастся

разобраться в этой жуткой тарабарщине. Что же касается древнего золота, которым дед и внук Уэйтли расплачивались за купленный скот, то оно просто-напросто бесследно исчезло.

Ужас пришел в Данвич в ночь на 10 сентября. Весь вечер из-под земли доносился мощный гул, и собаки лаяли как оглашенные. Те, кого нелегкая подняла десятого рано утром, сразу же уловили нависший над местностью характерный смрад. Около семи часов Лютер Браун, мальчишка-поденщик на дворе Джорджа Кори, что между ущельем Холодных Ключей и деревней, примчался как угорелый с десятинного луга, где пас хозяйских коров. Ворвавшись в кухню, он забился в угол и сжался в комок от страха, а под окнами дико мычали не менее перепуганные коровы, примчавшиеся вслед за мальчиком. Тяжело дыша, Лютер в отрывистых фразах изложил увиденное им миссис Кори, жене хозяина дома:

– Я, значит, шел по дороге и зашел уже за ущелье – и вдруг чувствую неладное! Вонь стоит кругом – ужас какая вонь, а кусты и деревья вдоль дороги все лежат, будто между ними дом проволокли. Это бы еще ничего, но тут я увидел *следы*, мис'с Кори, – громадные круглые следы, что от твоей бочки, да какие глубокие – будто их слон оставил. *Только этих ног, что их оставили, было две, а не четыре!* Я поглядел на эти следы – и побежал прочь, но разглядел, что они как пальмовые листья, линии там выходили из одной точки в разные стороны. А запах был ужасный – совсем как от дома старика Уэйтли...

Здесь он осекся, содрогнувшись от свежих воспоминаний. Миссис Кори, видя, что от мальчишки ей больше ничего не добиться, принялась названивать соседям, внося таким образом свою лепту в создание серии самых невероятных слухов, послуживших своеобразной увертюрой к основному действию. Когда она дозвонилась до Салли Сойер, экономки Сета Бишопа, дом которого располагался ближе других к обиталищу Уэйтли, ей пришлось из рассказчицы стать на время слушательницей и в течение доброй четверти часа внимать истории о том, как Чонси, сын Салли, мучимый бессонницей, потащился утром на холм, что неподалеку от дома Уэйтли, и в ужасе примчался обратно, стоило ему лишь один раз взглянуть на дом и на пастбище, где коровы мистера Бишопа были оставлены пастись на ночь.

– Только представьте, миссис Кори, – доносился искаженный телефонной линией голос Салли, – Чонси был до того напуган, что и слова вымолвить не мог! Потом, правда, сказал, что дом старого Уэйтли весь разлетелся в щепки, как от бомбы, только от нижнего этажа и осталось что-то – да и то так, самая малость, – и все кругом было залито какой-то противной вязкой гадостью, она так омерзительно пахла... Представляете – кругом искореженные бревна, развороченная земля, и все заляпано этой мерзостью. А на дворе, то есть на том месте, где он был, он увидел какие-то отметины на земле, огромные, размером со свиную голову, опять же залитые этой липкой гадостью. Они уходили куда-то в луга, а трава под ними буквально лежала – так она была притоптана, и она шла полосой шире амбара, а каменные стены по обочинам все так и повалены.

Хоть он и был напуган, миссис Кори, а решил все же посмотреть, как там коровы Сета; и он нашел их на верхнем пастбище, неподалеку от Дьяволова Пастбища, – с ними ужас что творилось! Половина из них вообще исчезла, а другая – ну просто кошмар, да и только: они выглядели так, как будто из них высосали всю кровь, а на шее и боках были раны, какие видели у скотины старого Уэйтли с тех пор, как был рожден черный ублюдок Лавинии. Сет ушел сейчас взглянуть на них, хотя я-то точно знаю, что навряд ли он осмелится приблизиться к дому старика Уэйтли! Чонси, конечно же, не стал смотреть, куда эта полоса уходила с пастбища, но сказал: «Сдается мне, что следы эти вели к дороге, что соединяет ущелье с деревней».

Помяните мои слова, миссис Кори, вся эта чертовщина так или иначе связана с Уилбером Уэйтли. Слава богу, он получил то, что заслужил, мерзкий ублюдок. Я всегда говорила, что он не человек, – и оказалась права в конце концов. И еще мне сдается, что не одного только Уилбера вырастили в доме старого Уэйтли – а то чего ради стали бы они бесконечно переделывать его и заколачивать окна. И этот второй Уилбер такой же нечеловек, как и первый, которого

мы знали. Не зря же, говорят, вокруг Данвича постоянно витают невидимые существа – но не люди, и людям следует их опасаться.

Вчера земля опять не молчала, а к утру, как сказал Чонси, козодои в ущелье Холодных Ключей разорались так громко, что бедняжка глаз не мог сомкнуть. А потом он услышал звук со стороны дома Уэйтли – будто где-то ломают деревянную постройку. Я уже вам говорила, что он увидел, когда там оказался. Ой, не к добру все это, не к добру! Надо бы всем нашим мужчинам собраться и покончить с этой дьявольщиной раз и навсегда. Я уже за себя боюсь, если честно, и мне порой кажется, что скоро настанет мой час, хотя все в руках Божьих.

Ваш Лютер, часом, не глянул, куда вели эти огромные следы? Нет? Тогда, миссис Кори, ежели они шли вдоль дороги к ущелью и не появились до сих пор у вашего дома, то, я полагаю, они ведут напрямик в ущелье. Я всегда говорила, что нечистое это место – ущелье Холодных Ключей. Козодои и светляки ведут себя там так, как будто они порождение не Бога, а дьявола. А ежели встать аккуратно между водопадом и Медвежьей Берлогой, то можно услышать, как шумят и разговаривают какие-то нечестивые твари...

К полудню 10 сентября добрых три четверти мужского населения Данвича, включая мальчишек, курсировало вдоль дорог и лугов между развалинами дома Уэйтли и ущельем Холодных Ключей, с замиранием сердца рассматривая оставленные на земле чудовищно огромные следы, останки изувеченных коров Сета Бишопы, страшные, источающие зловоние обломки дома Уэйтли и примятую растительность на полях и по обочинам дороги. Что-то необъяснимо жуткое вырвалось на свободу в этом мире, и мрачному ущелью на окраине Данвича довелось стать эпицентром этого события. Деревья были сломаны или сильно погнуты, а в густом кустарнике, облепившем круто уходящий вниз склон оврага, было проделано нечто вроде широкой просеки – будто подхваченный лавиной дом прокатился вниз по этой почти вертикальной стене. Снизу не доносилось ни единого звука, зато стоял невообразимо мерзкий запах; и потому не приходится удивляться тому, что мужчины предпочли постоять на краю обрыва и поглазеть вниз, вместо того чтобы спуститься в это логово неизвестного циклопического чудища. Компания взяла с собой трех собак, которые поначалу неистово лаяли, но у обрыва поджали хвосты и испуганно смолкли. Кто-то догадался сообщить о случившемся в «Эйлсбери трэнскрипт», но редактор этого издания, привыкший не воспринимать данвичские небылицы всерьез, ограничился по этому поводу коротким репортажем, выдержанным в довольно-таки фиглярских тонах. К слову сказать, репортаж этот был перепечатан впоследствии агентством «Ассошиэйтед пресс».

К ночи все разошлись по домам, накрепко забаррикадив двери. Весь скот, разумеется, был загнан под крыши хлевов и сараев. Около двух часов ночи семья Элмера Фрая, чей дом стоял близ восточного края ущелья Холодных Ключей, была поднята на ноги доносившимся снаружи жутким смрадом и отчаянным лаем запущенной на ночь в дом собаки. Прислушавшись, Элмер и его домочадцы уловили ритмичные звуки глухих ударов, раздававшиеся откуда-то неподалеку. Миссис Фрай кинулась было к телефонному аппарату, когда звук ломаемого дерева ворвался в ее сознание, заставив буквально замереть на месте. Он исходил, по всей вероятности, из хлева; тут же за ним последовал дикий рев животных и беспорядочный топот копыт. Собака смолкла и трусливо прижалась к ногам хозяев, которые сами были перепуганы не меньше ее. Затем Фрай зажег фонарь, но сделал это скорее в силу привычки – он знал, что выход за пределы дома будет означать для него и для его семьи верную смерть. По щекам жены и детей катились крупные слезы, но они не проронили ни единого звука, повинувшись древнему инстинкту, который подсказывал им, что полная тишина – единственный путь к спасению. Рев скотины перешел наконец в долгое жалобное мычание, а затем снова раздался звук трескавшегося дерева. Фрай, сбившиеся в кучку в гостиной, не смели пошевелиться до тех пор, пока звуки снаружи не затихли, удалившись куда-то в направлении ущелья Холодных Ключей. Затем, внимая жутким стоном из хлева и демоническим крикам вновь припозднив-

шихся с отлетом на юг козодоев, Селина Фрай подбежала к телефону и принялась излагать абонентам на другом конце провода подробности второй фазы Данвичского ужаса.

На следующий день вся округа пребывала в панике; сбившиеся в кучки люди со страхом осматривали последствия случившегося. Две широкие полосы примятой травы тянулись от дома Фраев до самого ущелья; на лишенных растительности участках почвы можно было разглядеть чудовищные следы. Одна из бревенчатых стен хлева была снесена до основания. Из коров удалось обнаружить не более одной четверти от их первоначального количества. Некоторые были буквально разорваны на куски, а тех, что еще подавали признаки жизни, пришлось пристрелить. Эрл Соьер предложил обратиться за помощью в Эйлсбери или Аркхем, но его никто не поддержал. Старый Зебулон Уэйтли (из тех Уэйтли, которые, несмотря на убогий образ жизни, сохранили еще способность мыслить здраво и разумно) предположил, что вся эта дьявольщина является результатом действия неких таинственных ритуалов, совершаемых на вершинах холмов. В семье, где воспитывался Зебулон, свято верили в старинные предания, силу заклинаний и сверхъестественную сущность каменных столбов на холмах, и все это вкуче подсказывало Зебулону, что случившиеся в округе страшные события совсем не обязательно напрямую связаны с Уилбером Уэйтли и его дедом.

На убогую деревушку, жители которой так и не удосужились объединиться для настоящего отпора неведомой беде, опустилась ночь. Кое-где, правда, по несколько семей собирались на ночь под одной крышей, но в основном поселенцы ограничивались прежними нехитрыми мерами – баррикадированием дверей и окон и держанием заряженных кремневых ружей и вил наготове. Впрочем, в эту ночь не произошло ровным счетом ничего, разве что опять на всю округу раздавались шумы холмов; и когда настал день, многие уже с надеждой думали, что ужас миновал безвозвратно. Нашлись даже смельчаки, которые предложили спуститься в ущелье, хотя дальше предложений дело опять-таки не пошло.

Прошла еще одна ночь, утром после которой Фрай и Бишопы известили общественность, что собаки опять беспокойно лаяли до самой зари, а откуда-то издалека доносились глухие шумы и знакомый омерзительный запах. Наблюдатели отметили появление тех же огромных чудовищных следов на дороге, опоясывавшей Часовой холм. Как и раньше, трава по обочинам была сильно примята; кроме того, следовало отметить, что следы вели сейчас уже в двух направлениях – будто неведомый гигант, явившись сюда из ущелья Холодных Ключей, вернулся по той же тропе обратно. У основания холма полоса поваленного кустарника шириной добрых тридцать футов забирала круто вверх, и у исследователей все оборвалось внутри, когда они увидели, что даже на самых отвесных подъемах проложенная тропа не отклонялась ни на дюйм в сторону – она шла строго вперед. Неведомое существо обладало способностью взбираться по вертикальным каменным кручам; и когда исследователи, воспользовавшись более безопасными путями, оказались на холме, они увидели, что именно здесь, на его вершине, завершалась тропа объявившегося в округе монстра. И именно здесь Уэйтли возжигали свои дьявольские костры и выкрикивали богохульные заклинания в Вальпургиеву ночь и канун Дня всех святых – здесь, у плоского, как стол, камня. И камень этот был по существу эпицентром обширного пространства, пораженного обитавшим в холмах ужасом, а по его поверхности была размазана та же густая дегтеобразная масса, что была обнаружена среди развалин дома Уэйтли. Никто из собравшихся не проронил ни слова. Их взоры обратились вниз – очевидно, монстр спустился по той же тропе, по какой и поднялся. Впрочем, логика, здравый смысл и действие физических законов были не в силах разъяснить ситуацию, с которой столкнулись данвичцы. Разве что старый Зебулон мог бы дать всему этому более-менее правдоподобное объяснение, но его не было – он остался в поселке.

Ночь на четверг началась под стать предыдущим, однако завершение ее было трагическим. Козодои в ущелье кричали с таким неистовством, что многие из данвичцев всю ночь

не могли сомкнуть глаз, а около трех часов пополудни все аппараты на общей телефонной линии вдруг принялись трезвонить. Схватив трубки, поселенцы услышали дикие вопли:

– Помогите – ради всего святого, помогите же!

Затем послышался треск ломаемого дерева, и голоса смолкли. Никто не посмел выйти из дома, да никто и не имел представления, откуда исходил этот звонок. И лишь утром по тому, что семейство Фраев не присоединилось к телефонному обсуждению ночных событий, люди поняли, в чей дом пришла ночью беда. Когда часом позже группа вооруженных мужчин подошла к месту, где стоял дом Элмера Фрая, они увидели ужасную картину, впрочем их ничуть не удивившую. Примятая трава, жуткие следы, отпечатавшиеся на почве; но дома больше не было – о нем напоминала только груда бесформенных обломков, среди которых не было обнаружено ни живых, ни мертвых. Только смрад и темная дегтеобразная мерзость. Семьи и дома Элмера Фрая в Данвиче больше не было.

VIII

А тем временем параллельно кошмару, имевшему место непосредственно в Данвиче, другая его ипостась – менее материальная и в то же время гораздо более изощренная – открывалась человеческому сознанию за закрытыми дверями уставленной книжными полками комнаты в здании Мискатоникского университета в Аркхеме. Загадочный рукописный дневник Уилбера Уэйтли, доставленный в университет для расшифровки, вызвал полное замешательство среди лингвистов, специализировавшихся как в древних, так и в современных языках: знаки его алфавита, хотя и отдаленно напоминали по виду обнаруженные в Месопотамии арабские письмена, оказались все же совершенно никому не известными символами. В конце концов ученые пришли к выводу, что текст составлен на основе искусственно разработанного алфавита, то есть по существу является самой настоящей криптограммой. Анализ текста на основе всех известных методов криптографии не дал никакого результата: записи остались нерасшифрованными, при том что в ходе работы ученые принимали во внимание все языки, которые предположительно мог использовать для составления текста его автор. Древние книги, найденные в обиталище Уэйтли, вызвали большой интерес у представителей естественных наук и философов, однако не дали ничего нового лингвистам, день и ночь бьющимся над смыслом непонятных записей. Одна из книг – тяжелый том с массивной железной застежкой – была написана другим, но тоже абсолютно неизвестным алфавитом, напоминающим по графическому облику санскрит. Доктор Армитедж забрал его себе – как из интереса к семейству Уэйтли, так и из-за того, что именно он, Армитедж, был крупнейшим специалистом в области лингвистики и мистических текстов древности и Средневековья.

Армитедж предположил, что алфавит использовался исключительно приверженцами некоторых запрещенных древних культов, которые вобрали в себя множество колдовских форм и традиций арабского Востока. Впрочем, это было не так уж важно, поскольку происхождение символов тайнописи не имело большого значения для ее расшифровки. В самом деле, рассуждал доктор Армитедж, текст такого большого объема мог быть составлен только на родном языке, исключение могли представлять разве что какие-нибудь формулы и заклинания. И он с новой силой принялся за разгадку манускрипта, исходя из предположения, что основная его часть составлена на английском языке.

После серии неудач, постигших его коллег, он понимал, что данная загадка является весьма и весьма сложной. Весь остаток августа он посвятил изучению принципов криптографии, прочтя по этому вопросу все, что ему только удалось найти в своей библиотеке: «Polygraphia» Тритемия, «De Furtivis Literarum Notis» (автор – Джанбатиста Порты), «Traité des Chiffres» (де Виженер), «Cryptomenysis Patefacta» (Фальконер), написанные в XVIII веке трактаты Дэвиса и Тикнесса, а также произведения современных авторов: Блэйра, ван Мартена

и Клюбера – перу последнего принадлежал солидный труд под названием «Kryptographik». Изучая эти пространные сочинения, Армитедж одновременно не оставлял попыток расшифровать манускрипт и в конце концов убедился, что имеет дело с одной из хитроумнейших и запутаннейших криптограмм, в которой отдельные листы, испещренные непонятными знаками, служили ключом к этому дьявольскому шифру, отнюдь не являясь при этом записями собственно текста. Нужно было обращаться к старым источникам, ибо Армитедж заключил, что код манускрипта должен быть очень древним. Только к концу августа тучи начали рассеиваться – Армитеджу удалось расшифровать несколько букв. Как доктор и предполагал, текст оказался на английском языке.

Вечером 2 сентября на этом фронте пал последний рубеж, и доктор впервые прочел длинный отрывок из записей Уилбера Уэйтли. Это и вправду был дневник; записи позволяли сделать вывод, что их автор, несмотря на свою потрясающую эрудицию в области оккультных наук, был в принципе довольно-таки малограмотной личностью. Первый длинный абзац, который удалось расшифровать Армитеджу, был датирован 26 ноября 1916 года, и, соотнеся эту дату с датой рождения Уилбера, доктор внутренне содрогнулся – запись, которую он держал сейчас в руках, была сделана ребенком трех с половиной лет от роду; впрочем, выглядел он тогда на двенадцать-тринадцать.

«Сегодня читал про Акло для Саваофа – он слышен с холмов, а не с неба. Оно там наверху опережает меня, как я и думал, и, кажется, совсем не имеет мозгов в земном понимании. Застрелил овчарку Элама Хотчинса, когда та пыталась искушать меня. Элам сказал, что будь его воля, он застрелил бы меня. Но я знаю, что не застрелит. Прошлой ночью дед открыл мне Формулу Дхо, и сейчас я могу сам видеть город внутри на двух магнитных полюсах. Я дойду до этих полюсов, когда очистится Земля, если не смогу прорваться сквозь Формулу Дхо-Хна после свершения. Те, из воздуха, сказали мне на Шабаше, что до того, как я смогу очистить Землю, нужно ждать несколько лет и дед тогда уже будет мертв, и я должен выучить все углы и плоскости между Ыром и Нххнгром. Они оттуда помогут мне, но они не могут взять тело без человеческой крови. Оно наверху должно сгодиться для этого. Я могу немного видеть, когда делаю для него знак Вура или дую на него порошком Ибн-Гази, и оно походит тогда на тех, какими я их вижу Вальпургиевой ночью на холме. Другое лицо, возможно, придет на смену этому. Не могу представить, как я буду выглядеть, когда Земля будет очищена от существ, что обитают на ней сейчас. Тот, кто пришел с Акло Саваофа, сказал, что я обрету иные формы и стану похожим на тех, что извне, но для этого нужно еще немало потрудиться».

Наступившее утро доктор Армитедж встретил в холодном поту – настолько ужасным было то, что прочел он в манускрипте. Несмотря на это, он всю ночь лихорадочно расшифровывал записи. Позвонив жене, он сказал ей, чтобы она не ждала его к завтраку; когда же она сама принесла ему в библиотеку еду, он едва к ней притронулся. Днем он продолжил чтение, а принесенные обед и ужин также проигнорировал. Все это время он совсем не спал и лишь к середине следующей ночи задремал было в кресле, но уже несколько минут спустя вскочил на ноги, не в силах выдерживать нагромождения ночных кошмаров – таких же ужасных, какими представлялись ему угрозы человечеству, о коих говорилось в расшифрованной рукописи.

Утром 4 сентября профессор Райс и доктор Морган настояли на встрече со своим ученым коллегой, после чего ушли от него с посережевшими, трясущимися от страха лицами. В тот вечер доктор лег в постель, но спал урывками. На следующий день, в среду, он снова засел за манускрипт, делая объемные выписки как из читаемых абзацев, так и из тех, которые уже были расшифрованы и уточнены. Ближе к утру он вздремнул, но перед самым рассветом вновь уже сидел за рукописью. Незадолго до полудня к нему заглянул его врач, доктор Хартуэлл, и стал настаивать, чтобы Армитедж прекратил работать. Тот отказался, заявив, что прочесть

весь дневник целиком для него является вопросом жизни и смерти, и пообещал попозже дать более внятные объяснения.

В тот вечер, сразу же с наступлением сумерек, он завершил свое убийственное чтение и в изнеможении рухнул на софу. Жена, принеся ужин, обнаружила его в полукомахо-м состоянии – однако стоило лишь ей приблизиться к письменному столу и заглянуть в его бумаги, как он очнулся и поднял ужасный крик: ни за что на свете не позволил бы он ей ознакомиться с их содержанием. С трудом поднявшись, он сгреб в кучу лежавшие на столе записи и запечатал их в большой конверт, который убрал во внутренний карман пиджака. Прибыл доктор Хартуэлл; укладывая своего подопечного в постель, он слышал, как тот беспрестанно бормотал: *«Но Боже правый, что тут можно сделать?»*

Весь следующий день доктор Армитедж провел в промежуточном состоянии между сном и бредом. Он не стал давать обещанных объяснений Хартуэллу, но потребовал, чтобы тот разрешил ему встретиться с Райсом и Морганом. Его дикий взгляд внушал страх, равно как и его разговоры о снесении с лица земли старого фермерского дома Уэйтли и о некоем плане искоренения всего живого на планете неведомой древней расой из другого измерения. То он кричал, что мир в опасности, ибо Древние Существа хотят захватить его и унести прочь из Солнечной системы и космоса в совершенно иную, неведомую фазу бытия, из которой сами они появились тысячи миллиардов лет назад; то он требовал подать ему «Демонолатрию» Ремигия и жуткий «Некрономикон» Альхазреда, в которых он надеялся отыскать некие формулы, чтобы проверить по ним реальность предполагаемой угрозы.

– Их нужно остановить! – то и дело вскрикивал он. – Эти Уэйтли делают все, чтобы позволить Им войти в наш мир, и ничего нельзя придумать хуже этого! Скажите Райсу и Моргану – дело не совсем безнадежное, я знаю, как приготовить порошок... Эту тварь не кормили со второго августа, когда Уилбер нашел свою смерть, и если так пойдет дальше...

Однако, несмотря на солидный возраст (Армитеджу было тогда уже 73 года), здоровье у него оказалось отменным, да и долгий сон сделал свое доброе дело. В пятницу вечером доктор проснулся с совершенно ясной головой, хотя все еще испытывал острое чувство страха и ответственности за судьбу человечества. Днем в субботу он направился в библиотеку и провел совещание с Морганом и Райсом; остаток дня и вечер трое ученых провели за отчаянными дебатами и высказыванием самых невероятных догадок. Непрестанно звучали длинные цитаты из страшных и ужасных книг, взятых с полок секретных книгохранилищ, с лихорадочной быстротой копировались диаграммы и формулы. Ни один из собравшихся не проявлял ни малейшего скептицизма по поводу обсуждаемого предмета – все трое видели тело Уилбера Уэйтли, лежавшее распростертым на полу комнаты в том же самом здании, после чего никто из них не мог уже воспринимать дневник как бред безумца.

Сначала в ходе дебатов прозвучало предложение оповестить полицию штата Массачусетс, но в конце концов решено было этого не делать, ибо здесь речь шла о феномене, в реальность которого невозможно было поверить, не увидев того, что видели трое ученых мужей. Поздно вечером они наконец разошлись, так и не остановившись на каком-либо конкретном плане, однако в течение всего воскресенья Армитедж был занят сопоставлением формул и смешиванием химикалий, полученных им в лаборатории колледжа. И чем больше раздумывал он над чудовищным дневником, тем больше сомневался в существовании какого-либо материального агента, с помощью которого можно было бы уничтожить тварь, оставленную после своего исчезновения из мира людей Уилбером Уэйтли, и тем самым предотвратить надвигающуюся на планету катастрофу.

В понедельник Армитедж занимался тем же, чем и в воскресенье, поскольку задача, стоявшая перед ним, требовала бесконечных исследований и экспериментов. Дальнейшие изучения чудовищного дневника внесли некоторые изменения в план; впрочем, и после этого док-

тор не был уверен в его эффективности. Во вторник он наметил для себя четкую программу действий, в соответствии с которой решил предпринять в течение недели поездку в Данвич.

Однако в среду он испытал настоящее потрясение. На одной из последних страниц «Аркхем эдвертайзер» он увидел заметку агентства «Ассошиэтед пресс», в которой рассказывалось о чудище, выросшем в мозгах данвичцев благодаря бутлегерскому виски, – остроумный редактор полагал, что все описываемые страхи являются не более чем плодом пьяной фантазии местных жителей. Армитедж, едва придя в сознание после прочитанного, сразу же позвонил Райсу и Моргану. Их спор затянулся далеко за полночь, и уже на следующее утро они начали лихорадочные приготовления к экспедиции в Данвич. Армитедж знал, что им придется привести в действие ужасные силы, но не видел иного способа одолеть еще более страшное зло, сотворенное другими.

IX

В пятницу утром Армитедж, Райс и Морган выехали в Данвич и прибыли туда около часу пополудни. День стоял прекрасный, но даже яркое солнце не могло скрыть чего-то недоброго, что витало над куполообразными холмами и глубокими ущельями, куда почти не проникали прямые солнечные лучи. На некоторых холмах были отчетливо видны корончатые круги из каменных столбов. Атмосфера молчаливого страха сковала Данвич – из разговоров в магазине Осборна визитеры уже знали об ужасных событиях, в частности об исчезновении семьи и дома Элмера Фрая. В этот день они обошли весь Данвич; с замиранием сердца осмотрели развалины дома Фрая в подтеках мерзкой дегтеобразной массы, оставленные на месте злодеяния странные следы, искалеченный скот Сета Бишопы, широченные полосы примятой травы и растительности в различных местах. Тропа к вершине Часового холма казалась Армитеджу знаком катастрофы, и он долго не мог оторвать глаз от зловещего камня-алтаря, что венчал эту мрачную возвышенность.

После некоторых раздумий визитеры решили обратиться к полицейским, прибывшим сюда из Эйлсбери вскоре после первых телефонных сообщений о трагедии семьи Фрая, и сравнить рассказы местных жителей с сообщениями стражей порядка. Однако последних нигде не было видно; вообще же их было пятеро и они прибыли в поселок на машине, которая стояла сейчас пустой у руин дома Фрая. Местные жители, незадолго до того разговаривавшие с полицейскими, выглядели такими же озадаченными, как Армитедж и его спутники. И вдруг старый Сэм Хатчинс побледнел и, ткнув под ребра Фреда Фарра, указал на узкую глубокую лошину, что зияла неподалеку.

– Боже, – едва слышно произнес он, – я же наказывал им ни за что на свете не спускаться в ущелье... Я и думать не мог, что они отважатся на это – при таких-то следах и смраде и козодоях, что кричат здесь день и ночь не переставая...

По рядам аборигенов и заезжих исследователей пробежала дрожь ужаса, и все напрягли слух, стараясь уловить хоть что-нибудь в атмосфере тягостного ожидания. Армитедж, сейчас уже до конца понявший природу неведомого ужаса, дрожал под грузом той ответственности, которая, как он считал, выпала на его долю. Скоро на поселок должна была опуститься ночь, а именно ночью чудовище выходило на свою жуткую охоту. *Negotium perambulans in tenebris...* Старый библиотекарь повторил про себя формулу, которую он запомнил, и сжал в кармане бумагу, где была записана другая, которую, в отличие от первой, он не знал наизусть. После этого он проверил свой электрический фонарик и убедился, что тот работает нормально. Стоявший рядом с ним Райс вынул из чемодана мощный пульверизатор, похожий на те, что используются для уничтожения насекомых, а Морган достал из чехла винтовку для охоты на крупную дичь, с которой он чувствовал себя спокойнее, несмотря на предупреждения его коллеги, что материальное оружие здесь вряд ли поможет.

Армитедж, прочитавший чудовищный дневник, отчетливо представлял себе, с явлением какого плана им предстоит столкнуться. Однако об этом он помалкивал, не желая лишний раз пугать и без того до смерти перепуганных жителей Данвича. Он еще надеялся, что неизвестное порождение адовых глубин покинет мир людей подобру-поздорову. С наступлением сумерек местные жители начали рассеиваться по домам, не решаясь оставаться за пределами своих жилищ, хотя предыдущие события могли, казалось бы, убедить их в том, что стены и запоры в любом случае неспособны противостоять страшной силе, которая гнет деревья и сокрушает дома. Они только головами покачали, узнав о том, что городские визитеры собираются расположиться на ночь у руин дома Фрая, около ущелья, – и разошлись по домам, будучи твердо уверенными, что видят гостей в последний раз.

В ту ночь из-под холмов опять слышалось глухое ворчание, а хор козодоев звучал прямо-таки угрожающе. В какой-то момент сильный ветер, поднявшийся из ущелья Холодных Ключей, донес до них неописуемо отвратительный запах, так хорошо им знакомый: все трое отчетливо помнили те страшные минуты, в продолжение которых они стояли над издыхающей тварью – гигантом-получеловеком пятнадцати лет от роду. Однако монстр не спешил появляться из ущелья, и все трое сидели в ожидании, не предпринимая никаких активных действий, – Армитедж сказал коллегам, что атаковать его в темноте было бы чистой воды самоубийством.

Потом наступило утро, и ночные звуки исчезли. Начался серый, пасмурный день, принялся моросить дождь, и к северо-западу от холмов стали собираться тяжелые свинцовые тучи. Гости из Аркхема сидели в раздумье – искать ли им укрытия среди развалин дома Фрая или спуститься в ущелье и атаковать неведомого противника? Тем временем полил сильный дождь, из-за горизонта послышались глухие раскаты грома. Засверкали молнии; одна из них, раздвоенная, блеснула совсем рядом и, казалось, низверглась прямо в проклятое ущелье. Небо потемнело почти до черноты, и аркхемцам оставалось надеяться лишь на то, что гроза окажется кратковременной и за ней последует прояснение.

Было все еще зловеще темно, и прошло не более часа, когда со стороны дороги послышались человеческие голоса. В следующий момент они увидели группу перепуганных людей, их было с десятков, не больше; они бежали, кричали, истерически плакали. Слышались обрывки фраз, и посланцы Аркхема напрягли слух, пытаясь уловить в этих криках нечто членораздельное.

– О боже, о боже! – кричал один из аборигенов. – Оно пришло опять, *и на этот раз днем!* Оно сейчас явится сюда, и одному Богу известно, что будет со всеми нами!

Говоривший умолк, но его тут же сменил другой.

– Где-то с час тому назад Зеб Уэйтли услышал телефонный звонок, а звонила миссис Кори, жена Джорджа, который живет у развилки дорог. Она сказала, что мальчишка Лютер, их поденщик, загонял коров во двор, когда началась гроза, и увидел, что деревья гнутся прямо у самого входа в ущелье – как раз напротив этого самого места, – и он снова почуял ту самую вонь, как в понедельник, когда он первый раз увидел огромные следы. И еще он услышал звуки – не то свиста, не то ударов, а может, и те и другие, и вдруг все деревья вдоль дороги враз наклонились в одну сторону, и он услышал страшный топот, а грязь так и полетела брызгами. Затем впереди, где Бишопов ручей пересекает дорогу, он услышал жуткий треск со стороны моста – он божится, что собственными глазами видел, как тот разлетелся в щепки. А когда звуки заглохли где-то вдали – на дороге, что ведет к дому колдуна Уэйтли и Часовому холму, – у Лютера хватило духу подойти поближе туда, откуда шел шум, и посмотреть на землю. Там он увидел воду вперемешку с грязью, а небо было темным, и дождь постепенно смывал все следы; но он все равно успел разглядеть их – они начинались из устья ущелья и были огромными как бочки. Точно такие же следы он видел в тот понедельник.

В этом месте его взволнованно прервал первый оратор.

– *Самое ужасное*, что это только начало. Все мы слышали, как Салли, экономка Сета Бишоп, звонила по телефону: сначала ее вообще чуть не хватил припадок – она видела, как гнулись деревья вдоль дороги, и стала говорить по телефону, что слышит что-то вроде приглушенных звуков, похожих на поступь слона, и будто они приближаются к ее дому. Еще она говорила что-то об ужасном запахе и сказала, что ее мальчишка Чонси закричал, будто точно такой же запах он слышал, когда разлетелся вдребезги в понедельник дом Уэйтли. А собаки чуть с ума не посходили – уж так лаяли. Потом она заорала как бешеная и сказала, что сарай у дороги только что смело, как будто штормом, – но ветра-то в это время не было никакого. Все на телефоне слова сказать не смели. А Салли снова принялась верещать, а следом за нею и Сет Бишоп, и мальчишка Чонси, а потом что-то тяжелое стало колотиться в их дом, мы это слышали. Салли закричала, что ограда смята, как бумага, а потом мы опять услышали тяжелый удар – но не молнии, нет... А потом... потом...

Лица слушавших выражали величайший страх; Армитедж, хотя тоже дрожал с головы до ног, все же нашел в себе мужество приободрить рассказчика. Тот напрягся и вспомнил еще кое-что:

– Салли закричала снова: «Помогите, оно лезет сюда, в дом!» – и тут мы услышали ужасный треск, вопли людей – в общем, то же самое, что и у Элмера Фрая, только...

Он замолчал на секунду, а потом продолжил:

– Вот и все – потом уже не было больше ни звука. Мертвая тишина. Мы как услышали это, сразу же попрыгали в машины и повозки, набрали как можно больше людей и помчались к дому Кори, а когда увидели, что там творится, то решили, что лучше обратиться за помощью к вам – уж вы-то лучше знаете, что делать. Лично я считаю, что все это – кара Божья за наши грехи.

Армитедж понял, что пришло время действовать, и, обратившись к сгрудившимся перепуганным поселенцам, решительно заговорил:

– Мы должны сделать это, друзья. – Он постарался придать своему голосу как можно большую уверенность. – Мне кажется, у нас есть шанс с этим покончить. Вы знаете, что Уэйтли были колдунами – и это все их колдовство, но его можно одолеть тем же образом. Я видел дневник Уилбера Уэйтли и читал кое-какие из его странных книг; и я знаю старинное заклинание, чтобы заставить это чудовище покинуть наш мир. Конечно, ни в чем нельзя быть уверенным до конца, но и шанс, что нам дан, мы не имеем права упускать. Оно невидимо – я знаю, что оно должно быть невидимо, – но в этом дальнбойном разбрызгивателе есть порошок, благодаря которому мы сможем увидеть его на секунду. Позже мы это испробуем. Ужасно, конечно, что эта тварь жива и бродит здесь, но еще хуже было бы, если бы Уилбер не умер: уж тогда бы он точно вырастил из нее чудовище во сто раз кошмарнее. Дай вам бог никогда не узнать, какой катастрофы удастся, я надеюсь, избежать этому миру. Сейчас мы сразимся только с одним гадом, ибо он не может размножаться. Но он способен натворить немало бед, и потому лучше покончить с ним, и чем скорее, тем лучше. Итак, начнем. Сейчас мы отправимся на место, которое подверглось нападению. Кто-нибудь, ведите нас – я не знаю дороги туда, но мне кажется, мы можем сократить путь и пойти прямо через луга. Ну как, годится?

Наступило напряженное молчание, которое первым нарушил Эрл Сойер:

– Вы можете попасть аккурат к Сету Бишопу, ежели пойдете напрямик через этот луг и перейдете ручей вброд в мелком месте. А там взберетесь наверх и как раз окажетесь рядом с домом Сета – он на другой стороне.

Армитедж, Райс и Морган двинулись в указанном направлении, а следом за ними нерешительно поплелись аборигены. Небо стало понемногу проясняться, гроза как будто подходила к концу. Когда Армидедж непроизвольно сбился с нужного направления, Джо Осборн поправил его и занял место впереди. Люди обрели уверенность и смелость, хотя, казалось бы,

мрачные холмы с почти отвесными, заросшими темным лесом склонами, что ждали их в конце пути, не предвещали ничего хорошего.

В конце концов они оказались на размытой дождем дороге. Еще на подходе к дому Бишопа поломанные деревья и чудовищные следы на земле красноречиво свидетельствовали о случившемся здесь кошмаре. На осмотр развалин исследователи затратили не больше одной минуты. Все было ясно и так – полное повторение истории с Фраями, и никого из живых или мертвых не было найдено среди обломков дома и амбара. Никто не желал торчать здесь, посреди смрада и отвратительной вязкой гадости; все инстинктивно повернули в сторону изуродованной фермы Уэйтли и алтаря на Часовом холме.

Проходя мимо места, служившего обиталищем Уилберу Уэйтли, люди содрогнулись от отвращения и страха, и снова их решимость была поколеблена. Такой массивный дом могла снести с лица земли только поистине дьявольская сила... У подножия Часового холма следы с дороги исчезли, но оставались другие свидетельства того, что недавно здесь произошло чудовище: погнутые деревья и примятая растительность указывали на это более чем красноречиво.

Армитедж достал из кармана подзорную трубу и внимательно обследовал в него крутой зеленый склон холма. Затем он передал инструмент Моргану, обладавшему более острым зрением. Морган, едва глянув в трубу, издал испуганный вскрик и передал инструмент Эрлу Сойеру, возбужденно указывая пальцем куда-то на склон. Сойер, не привыкший обращаться с подобными вещами, долго принарамливался к трубе, но с помощью Армитеджа навел все же фокус. Его крик выражал гораздо больший испуг, нежели реакция Моргана.

– Боже правый, трава в кустах шевелится! Оно ползет вверх – прямо на вершину, один бог знает для чего!

Тут же среди участников похода началась паника. Одно дело было идти по следам этого неведомого создания, и совсем другое – вступить с ним в непосредственный контакт. Пусть даже Армитедж и знал заклинания – ну а вдруг они не подействуют? Все тут же забросали доктора вопросами о неведомом монстре, но ответы заезжего ученого никого не удовлетворили. Все ощущали, что соприкасаются с какой-то неизвестной и запретной фазой бытия, лежащей далеко за пределами освященного Богом человеческого познания.

Х

В конце концов троица из Аркхема – старый седобородый Армитедж, коренастый, также тронутый сединой Райс и стройный молодежавый Морган – отправилась на гору без сопровождения местных жителей. Трубу они отдали аборигенам, оставшимся стоять на дороге, подробно проинструктировав их, как ею пользоваться. Восхождение оказалось трудным, особенно для Армитеджа, самого пожилого из команды. Снизу собравшимся было хорошо видно, как, подерживаемый своими компаньонами, карабкался он вверх, как колебались огромные массы травы и кустарника, когда тот, невидимый, кто производил эти колебания, возвращался по однажды протеренной им тропе.

Потом глядевший в трубу Кертис Уэйтли – из достойной ветви этого семейства – увидел, что троица из Аркхема внезапно отклонилась в сторону от просеки. Он сказал толпе, что, очевидно, те решили попытать счастья на соседней вершине, что была несколько ниже Часового холма и благодаря проделанной просеке виднелась где-то впереди. И в самом деле – вскоре троица оказалась на соседнем холме, избежав тем самым незапланированного столкновения с ползущим по просеке невидимым исчадием ада.

Затем труба перешла к Уэсли Кори, который тут же закричал, что Райс извлек на свет пульверизатор, а Армитедж настраивает его и что сейчас должно что-то произойти. Толпа беспокойно зашевелилась – у всех в памяти были свежи еще слова Армитеджа, что порошок из пульверизатора поможет разглядеть невидимое чудовище. Некоторые в страхе закрыли глаза,

но Кертис Уэйтли снова подхватил подозрную трубу и сколько мог напряг зрение. Он заметил, что Райс, благодаря удачно выбранной позиции, имел все шансы распылить чудесный порошок с максимальным эффектом.

Остальные невооруженным глазом увидели только мгновенную вспышку внутри серого облака величиной примерно с большое здание – облако это висело около самой вершины холма. Кертис, державший подозрную трубу, с пронзительным визгом уронил ее на дорогу, в грязь. Он зашатался и упал бы наземь, если бы его не подхватили стоящие рядом товарищи. Обведя всех диким взглядом, он простонал в изнеможении:

– О боже, великий боже, *это... это...*

Тут же на него обрушился шквал расспросов; Генри Уилер тем временем поднял трубу и вытер ее от грязи. Кертис едва мог говорить – да и то лишь отдельными бессвязными фразами:

– Больше амбара... весь из каких-то витых канатов... весь в форме куриного яйца... огромный... ног десять, не меньше... как свиные головы, и закрываются при шаге... жидкий как кисель... делает шаги, когда скручивает канаты, и они оказываются близко друг к другу... на них огромные выпученные глаза... вокруг них десять или двенадцать ртов, величиной с газовую плиту... то открываются, то закрываются... серые, с кольцами, не то синими, не то лиловыми... *и боже правый – какое там жуткое полулицо!*

Эта последняя подробность, по-видимому, окончательно доконала бедного Кертиса – сразу же после этих слов он рухнул в обморок. Фред Фарр и Уилл Хатчинс оттащили его на обочину дороги и уложили на мокрую траву. Генри Уилер, дрожа как осиновый лист, навел подозрную трубу на гору. В его поле зрения попали три крошечные фигурки – они из последних сил бежали к вершине вверх по крутому склону. Больше он ничего не увидел. Затем внимание всех присутствующих было привлечено странным, нехарактерным для этого времени года звуком, доносившимся откуда-то сзади, из глубокой долины, а может быть, даже из кустарника, что покрывал Часовой холм. Это был вопль бесчисленных козодоев, и в их пронзительном хоре слышалось напряженное ожидание чего-то поистине демонического.

Затем подозрная труба перешла в руки Эрла Сойера, и тот сообщил, что три фигурки неподвижно стоят на самой высокой точке холма, которая находится вровень с камнем-алтарем на Часовом холме, но на довольно-таки почтительном расстоянии от него. Один из стоящих то и дело воздевал руки над головой, соблюдая некий четкий ритм, и едва Эрл Сойер сообщил об этом, как толпа услышала донесшийся издали слабый полумузыкальный тон, как будто своими жестами человек сопровождал какое-то заклинание. Силуэт на отдаленном пике был, должно быть, весьма гротескным и впечатляющим зрелищем, но собравшимся было совсем не до его эстетической ценности.

– Он, должно быть, говорит заклинание, – прошептал Уилер, снова схватив трубу.

Оглушающие песни козодоев вновь заполнили всю округу; сейчас они звучали, подчиняясь какому-то неправильному ритму, совершенно асинхронному по отношению к свершаемому на холме действию.

Внезапно солнце будто померкло, хотя его не застилало ни единое облачко, и этот странный и зловещий феномен не ускользнул от внимания данвичцев. Под холмами нарастали грохочущие звуки, причудливо смешиваясь с размеренным громом, доносившимся с небес. Высоко в небе сверкнула молния, и толпа замерла в ожидании грозы. Сейчас уже было несомненно, что люди из Аркхема творят заклинание, и Уилер увидел в трубу, как все трое поднимают руки в одном ритме. Из поселка то и дело раздавались взрывы неистового собачьего лая.

Дневной свет тем временем продолжал угасать, и все волей-неволей устали на темнеющий горизонт. Пурпурные сумерки, порождение нематериального затмения дневного неба, тяжелым бременем опустились на зловеще ворчащие холмы. Затем вновь сверкнула молния, на этот раз более яркая, и в свете ее вспышки люди увидели некий туман, стусившийся на значительной высоте над камнем-алтарем. Никому в этот момент и в голову не пришло вос-

пользоваться подзорной трубой. Козодои продолжали свою аритмичную песнь, и люди из Данвича напряглись в ожидании неведомой угрозы, которую источала гибельная атмосфера.

Совершенно неожиданно для всех раздался низкий, надтреснутый, грубый звук, навсегда врезавшийся в память тех, кому довелось его тогда услышать. Он исходил не из человеческого горла, ибо органы человека не способны были воспроизвести столь чудовищную акустическую перверсию. Казалось, он вздымается из какой-то бездонной ямы, однако источником этого мерзкого звука был, вне всякого сомнения, алтарь на вершине холма. Было бы даже неверным обозначить услышанное данвичцами словом «звук», поскольку его ужасный, инфрасонарный тембр воздействовал скорее на тайники скованного страхом сознания и подсознания, нежели на органы слуха. И все же это были звуки, ибо их сочетание складывалось в подобие слов. Звуки были громкими – как грохот холмов и грозы, над которыми они прокатывались эхом, – и все же они исходили от существа, невидимого человеческому глазу. И, даже смутно представив себе источник этих акустических колебаний, люди задрожали от неопишемого ужаса и сгрудились в тесную кучу.

– *Ыгнайих... ыгнайих... тфлгтх'нга... Йог-Сотот...* – раздался над местностью страшный рык. – *Ы-бтнк... х'ейе – н'гкдл'лх...*

Здесь речевой поток на некоторое время прервался. Генри Уилер, поднеся к глазам подзорную трубу, изо всех сил напрягал зрение, но видел на вершине только три жалких человеческих силуэта, которые неистово двигали руками – видимо, их заклинания подходили к кульминационной точке. Из каких черных бездн адского ужаса, из каких неведомых морей внесосмического сознания были извлечены эти громовые звуки? Тут же они стали собираться с новыми силами и обрушили на слушающих всю свою темную ярость:

– *Эгх-йя-йя-йя-йяахаааа – йе'йяаааааа... н'га – н'гхаааааа... х'вуу... х'вуу... НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ!!! О-о-от-ОТЕЦ! ЙОГ-СОТОТ!..*

И это было все. Побледневшие зрители, все еще не могущие окончательно прийти в себя от услышанных слов, произнесенных, несомненно, на английском языке и прозвучавших подобно грому над древними зловещими холмами из пустот рядом с каменным алтарем, услышали, как слова эти перешли в чудовищный раскат грома, который потряс холмы – оглушающий, демонический раскат, что не имел себе равных по силе на этой земле. Возникшая из пурпурного зенита молния ударила в камень-алтарь, и незримая волна страшной силы покапталась с холмов вниз на поселок, обдав всех неопишимо мерзким запахом. Деревья, трава и кустарник пригнулись до земли под тяжестью этой чудовищной волны; и насмерть перепуганные люди у подножия холма, полузадушенные смертоносным смрадом, еле-еле удержались на ногах. Вдали дико завывали собаки, зеленая трава и листва вмиг стали бледно-желтыми, и земля внезапно оказалась густо усеянной тельцами издохших козодоев.

Смрад скоро рассеялся, но растительность так и не обрела свой первоначальный зеленый цвет. И по сей день на склоне этого холма с растительностью творится что-то неладное... Кер-тис Уэйтли еще только приходил в себя, когда троица из Аркхема медленно спустилась с холма в лучах солнца, яркого и незатуманенного. Они были спокойны и серьезны, хотя, должно быть, пережили потрясение гораздо более страшное, нежели то, что довелось испытать данвичцам, наблюдавшим за развитием событий с относительно безопасного расстояния. В ответ на поток вопросов они только покачали головами.

– Потом, потом, – устало произнес Армитедж, – скоро вы узнаете все сами. Одно могу сказать – эта тварь больше не вернется. Ее разнесло на множество разных частей, составлявших ее сущность, и она не сможет существовать более в нормальном мире. Наши чувства воспринимали только малую ее часть. Она была похожа на своего отца – и почти вся ушла обратно к нему в царство неведомых измерений, за пределы нашей материальной вселенной, откуда лишь человеческое богохульство может вызвать ее на мгновение на вершину.

После этого воцарилась недолгая тишина, в течение которой расстроенные чувства бедняги Кертиса Уэйтли начали складываться в некий определенный образ, и он со стоном обхватил голову руками. Увиденное на вершине горы не давало покоя его несчастной душе:

– О боже, боже мой, эта страшная морда – на вершине холма; с красными глазами, белобрысая, без подбородка – как у Уэйтли! Это был осьминог, сороконог, паук или что-то вроде него, но сверху его было получеловечье лицо, и оно как две капли воды походило на физиономию колдуна Уэйтли, только что было несколько ярдов в обхвате...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.